

Владимир Оттович Дайнес
Василевский
Серия «Великие исторические персоны»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5978105
Василевский / Владимир Дайнес: Вече; Москва; 2012
ISBN 978-5-9533-5332-8

Аннотация

Он мечтал стать учителем и агрономом, а окончил духовную семинарию и военное училище. Бывший семинарист прошел две войны, Первую мировую и Гражданскую, успешно зарекомендовал себя на командной стезе, но свое место нашел на штабной работе. В годы Великой Отечественной войны А.М. Василевский стремительно поднялся на вершину военного Олимпа. Будучи ярким представителем, так называемой «шапошниковской школы», он успешно руководил «мозгом армии» – Генеральным штабом, решавшим вопросы подготовки и использования вооруженных сил в ходе военных действий. Маршал Василевский также проявил недюжинный талант полководца, мастера подготовки, планирования и проведения стратегических и фронтовых операций.

В книге на основе широкого круга документальных источников и ранее опубликованной литературы рассматривается творческая лаборатория маршала А.М. Василевского, его вклад в достижение победы над нацистской Германией и милитаристской Японией, в укрепление обороноспособности Советского Союза.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Владимир Дайнес Василевский

Глава 1 ЕДИНСТВЕННОЕ ПРИЗВАНИЕ

Во второй четверти XIX века купцы А.М. и Д.М. Миндовские (бывшие крепостные Глушковых) основали в деревне Новая Галчиха, или Гольчиха, на участке между речками Вичужанкой и Кудрявкой красильное и сновальное заведения, которые вскоре превратились в крупные предприятия. К этому времени деревня Гольчиха стала большим торгово-промышленным селом. Вместе с двумя другими такими же селами (Бонячки и Тезино) оно стало основой возникшего в 1925 г. города Вичуги Ивановской области.

В Новой Гольчихе, как нам сообщает Военная энциклопедия, 18(30) сентября 1895 г. родился Александр Михайлович Василевский, будущий Маршал Советского Союза. Согласно же метрической книге Александр Михайлович появился на свет 16 сентября, хотя сам он указывает иную дату – 17(30) сентября, привязывая ее ко дню рождения матери в христианский праздник Веры, Надежды, Любви, который по новому стилю празднуется 30 сентября. Это ошибка, ибо при переводе дат со старого на новый стиль для XIX века необходимо прибавлять не 13, а 12 дней.

В своей автобиографии, написанной 27 октября 1938 г., А.М. Василевский указал в качестве места рождения село Новопокровское, отметив, что отец был служителем культа (священником). Действительно Михаил Александрович Василевский, 1866 года рождения, был церковным регентом и псаломщиком Никольского единоверческого храма. Мать – Надежда Ивановна, дочь псаломщика Соколова в селе Углец Кинешемского уезда, родилась 30 сентября 1872 г. И мать, и отец были «православного вероисповедания по единоверию» (так записано в метрической книге Никольской церкви села Новая Гольчиха).

В семье Василевских было восемь детей: братья Дмитрий, Евгений, Виктор, Александр; сестры Екатерина, Елена, Вера и Маргарита. Их судьбы сложились по-разному. По имеющимся у нас данным, Дмитрий дослужился до полковника военно-ветеринарной службы, Виктор стал военным летчиком-штурманом, Евгений – ученым-агрономом, Елена и Вера были учителями, Маргарита – лаборанткой в ветлаборатории, а Екатерина – домохозяйкой. Но мы забежали вперед...

В своих мемуарах «Дело всей жизни» А.М. Василевский подчеркивает: *«Моя биография вплоть до Великого Октября не содержит в себе ничего особенного. Я выходец из духовного сословия. Но таких людей в России были десятки тысяч. Я был офицером в царской армии. Но и их в России насчитывалось множество»*¹.

Позволим себе не согласиться с Александром Михайловичем. Как мы увидим дальше, в его биографии до октября 1917 г., который он определил «рубежом в жизни не только России, но и всего человечества», были страницы, обозначившие грани военного таланта Василевского, засверкавшие позднее в годы Великой Отечественной войны.

А до поры до времени жизнь протекала вполне буднично, без намека на какие-либо события, способные круто изменить судьбу нашего героя. В двухлетнем возрасте Саша совершил свое первое путешествие: семья переехала в село Новопокровское, где Михаил Александрович стал служить священником в только что построенном при попечительстве

---

¹ Цит. по: *Василевский А.М. Дело всей жизни*. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. С. 11.

новогольчихинского фабриканта Д.Ф. Морокина единоверческом храме. А.М. Василевский вспоминал, что в Новопокровском, где прошли его детство и юность, было всего три дома. Оно располагалось в живописном месте. В лесах было полно всякой дичи, грибов и ягод. Однако не всегда удавалось воспользоваться лесными богатствами. Поэтому зимою М.А. Василевский подрабатывал, столярничал, изготавливая по заказам земства школьные парты, столы, оконные рамы, двери и ульи для пчел. «Детство мое прошло в постоянной нужде, в труде ради куска хлеба насущного», – отмечал Александр Михайлович. Вместе с крестьянами он косил траву и занимался другими сельскохозяйственными работами. Ничего необычного в этом нет. Подростки и юноши, помню из своего опыта, всегда принимали участие во всех работах, которые были привычны для сельского уклада жизни. Мать, Надежда Ивановна, часто напутствовала детей:

– Помните доброе, им живите. Доброе душу поднимает.

Если же верить сыну Василевского, Юрию Александровичу, то «постоянной нужды» не было. У Михаила Александровича была своя пасека в саду в селе Новопокровское. Он, отказывая себе во многом, выписал с Северного Кавказа пчел особой породы. Ю.А. Василевский вспоминал, что отец ему рассказывал:

– В то время, если нашей семье удавалось скопить к престольным праздникам немного денег, дедушка мог позволить себе заказать бутылку хорошего вина, корзину пива и раков или что-нибудь из продуктов высокого качества. Кроме того, к этим праздникам он вручал недорогие, но памятные для нас всех подарки.

Летом 1909 г. А.М. Василевский окончил кинешемское духовное училище и осенью поступил в Костромскую духовную семинарию. *«Иного пути у меня не было, – вспоминал Александр Михайлович. – Отец пошел на это, хотя плата за мое содержание в общежитии, составлявшая 75 рублей в год, была очень тяжела. К тому же весной 1909 года нашу семью постигло несчастье: наш дом и все имущество сгорели дотла»*².

Кроме духовной семинарии в Костроме действовали гимназии, учительская семинария, реальное и епархиальное училища. *«Нисколько не преувеличивая, скажу, – пишет Василевский, – что наша семинария пользовалась среди костромичей немалой популярностью и уж, конечно, не потому, что она была “духовной”. Среди других средних учебных заведений она выделялась довольно прогрессивными взглядами своих учащихся. Они вели революционную работу среди рабочих Костромы. Некоторые из них подвергались аресту. Большой известностью пользовались у костромичей ежегодные художественные вечера и концерты, которые устраивали семинаристы»*³.

В подтверждение «революционности» духовной семинарии А.М. Василевский рассказывает об участии ее в 1909 г. во всероссийской стачке семинаристов. Она стала ответом на решение Министерства народного просвещения запретить доступ в университеты и институты лицам, окончившим четыре общеобразовательных класса семинарии. *«Тогда, насколько я помню, во всех семинариях России почти одновременно были прекращены занятия, – пишет Василевский. – К нам в семинарию приехал губернатор. Вместе с ректором он уговаривал учащихся прекратить забастовку, забрать петицию, врученную забастовочной комиссией администрации, и возобновить занятия. Но семинаристы оспивали их, и они вынуждены были покинуть актовъ зал. Правда, вслед за тем полиция выдворила всех нас из Костромы в течение 24 часов. Семинарию закрыли, и мы вернулись в нее лишь через несколько месяцев после того, как наши требования частично были удовлетворены»*⁴.

---

² Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 14.

³ Там же. С. 15.

⁴ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 15–16.

На сайте Костромской духовной семинарии нет упоминания о событиях 1909 г. Авторы сайта только отмечают, что «политические бури начала XX века не могли миновать и ее: несколько раз в это время семинарию сотрясали волнения и забастовки».

Духовная семинария давала возможность своим воспитанникам получить солидный багаж знаний. Наряду с литургикой, богословием, Священным Писанием, церковным пением, иконописанием, церковной историей и т. д., семинаристы изучали латынь, греческий, древнееврейский, немецкий и французский языки, гражданскую историю (российскую и всеобщую), философию, словесность, математику, психологию, логику и другие предметы. Семинария славилась своей фундаментальной библиотекой.

А.М. Василевский, окончивший два духовных учебных заведения, однако, не испытывал желания принять священнический сан. Он, если верить его мемуарам, хотел, как и другие учащиеся, пойти по стопам таких семинаристов, как писатели Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов, академики Ф.И. Успенский и В.Г. Васильевский, В.О. Ключевский и И.П. Павлов. *«Я мечтал, окончив семинарию, – отмечает Александр Михайлович, – поработать года три учителем в какой-нибудь сельской школе и, скопив небольшую сумму денег, поступить затем либо в агрономическое учебное заведение, либо в Московский межевой институт»*⁵.

Однако начавшаяся Первая мировая война внесла коррективы в планы Василевского. Он, обуреваемый патриотическими чувствами, решил стать военным. В январе 1915 г., сдав выпускные экзамены экстерном, Александр Михайлович вместе с другими семинаристами был направлен в распоряжение костромского воинского начальника. В феврале Василевский прибыл в Москву, в Алексеевское военное училище. *«Решение стать офицером было принято мною не ради того, чтобы сделать карьеру военного, – писал Василевский. – Я по-прежнему лелеял мечту быть агрономом и трудиться после войны в каком-нибудь углу бескрайних российских просторов. Я тогда и не предполагал, что все повернется иначе: и Россия будет уже не та, и я стану совсем другим...»*⁶

Алексеевское военное училище было основано в 1864 г. Вначале оно именовалось Московским пехотным юнкерским, затем – Московским военным училищем. В 1906 г. его шефом стал наследник цесаревич великий князь Алексей Николаевич. С того времени оно стало именоваться Алексеевским, являясь третьим «по чину» после Павловского и Александровского. Училище размещалось в Красных казармах, рядом с 3-м Московским императора Александра II кадетским корпусом. Лагерь училища находился на Ходынке, в Серебряном Бору. Погоны у юнкеров были алые без выпушки, с желтым вензелем наследника цесаревича Алексея Николаевича в виде буквы «А» и с золотым накладным вензелем у роты Его Высочества. За свое существование училище дало русской армии около 13 850 офицеров.

А.М. Василевский, имевший рост 178 сантиметров, был зачислен в 5-ю роту со смешанным ранжиром, которой командовал участник Первой мировой войны капитан Г.Р. Ткачук. В училище Василевский пробыл четыре месяца. *«Обучали нас, почти не учитывая требований шедшей войны, по устаревшим программам, – пишет Александр Михайлович. – Нас не знакомили даже с военными действиями в условиях полевых заграждений, с новыми типами тяжелой артиллерии, с различными заграничными системами ручных гранат (кроме русской жестяной “бутылочки”) и элементарными основами применения на войне автомобилей и авиации. Почти не знакомили и с принципами взаимодействия родов войск. Не только классные, но и полевые занятия носили больше теоретический, чем практический характер. Зато много внимания уделялось строевой муштре»*⁷. В то же время

---

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 18.

⁷ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 19.

Василевский подчеркивает, что в 5-й роте полевое обучение, благодаря капитану Ткачуку, было поставлено значительно лучше, чем в других.

В мае 1915 г. состоялся выпуск по ускоренному курсу обучения военного времени. Русская армия к тому времени понесла большие потери, в том числе в командных кадрах. Всех выпускников произвели в прапорщики с перспективой производства в подпоручики через восемь месяцев службы, а за боевые отличия – в любое время. Новоиспеченный прапорщик Василевский получил 300 рублей на обмундирование (существовал обязательный перечень обмундирования, которое приобретало училище под контролем командира роты) и 100 рублей сверх того. Выдали также револьвер, шашку, полевой бинокль, компас и действующие военные уставы.

А.М. Василевский, вспоминая о периоде обучения в училище, пишет: *«Что же я вынес из стен училища? Каким был багаж моих знаний? Мы получили самые общие знания и навыки, необходимые офицеру лишь на первых порах. Не задумываясь о социальном назначении армии и ее командиров, я считал тогда неперменным качеством хорошего командира умение руководить подчиненными, воспитывать и обучать их, обеспечивать высокую дисциплину и исполнительность»*⁸. В этом деле для Василевского образцом являлись такие выдающиеся полководцы и военные деятели, как А.В. Суворов, М.И. Кутузов, Д.А. Милютин, М.Д. Скобелев. Изучая их труды, Александр Михайлович твердо усвоил следующие истины: «Не рассказ, а показ, дополняемый рассказом»; «Сообщи сначала только одну мысль, потребуй повторить ее и помоги понять, потом сообщай следующую»; «На первых порах обучай только самому необходимому»; «Не столько приказывай, сколько поручай»; «Наше назначение – губить врага; воевать так, чтобы губить и не гибнуть, невозможно; воевать так, чтобы гибнуть и не губить, глупо». Для Василевского, по его признанию, твердым правилом на все время военной службы стали следующие тезисы: «Поклоняться знамени»; «Служить Отечеству»; «Блюсти честь мундира»; «Близко общаться с подчиненными»; «Ставить службу выше личных дел»; «Не бояться самостоятельности»; «Действовать целеустремленно».

В июне 1915 г. прапорщик А.М. Василевский получил назначение в запасный батальон, дислоцировавшийся в Ростове, уездном городе Ярославской губернии. Батальон состоял из одной маршевой роты солдат и насчитывал около сотни офицеров, предназначенных для отправки на фронт. Дней через десять поступил приказ об отправке маршевой роты на фронт. Командир батальона, обратившись к офицерам, спросил:

– Господа офицеры, кто добровольно желает возглавить роту?

Зал молчал. Комбат снова повторил свой вопрос, но желающих по-прежнему не было. Тогда он приказал адъютанту приступить к отбору командира роты путем жребия. «Мне было очень стыдно за всех находившихся в зале офицеров, – вспоминал Александр Михайлович. – Я очень хотел поскорее попасть на фронт, но не решался вызваться добровольно, так как считал пост командира роты для себя очень высоким. Так же, наверное, думали и другие прапорщики. Однако, видя, что никто из более старших не выражает желания сопровождать отправляющуюся на фронт роту, я и еще несколько прапорщиков заявили о своей готовности. Меня поразило, что заявление было воспринято другими с явным удовлетворением. Вспоминая этот факт, хочется заметить, что он совершенно невероятен для офицеров Советских Вооруженных Сил. Но в царской армии был вполне обычным явлением...»⁹.

Однако в действующую армию А.М. Василевский попал только в сентябре 1915 г. В штабе Юго-Западного фронта, куда он прибыл, ему вручили предписание для прохождения службы в 9-й армии, которой командовал 59-летний генерал от инфантерии П.А. Лечиц-

⁸ Там же. С. 20.

⁹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 21–22.

кий. Это был опытный военачальник, прошедший через горнила Китайской кампании 1900–1901 гг. и Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1918 г. он вступил в Красную Армию, но через пять лет был арестован и в феврале 1923 г. умер в тюрьме. В последующем нам придется еще не раз столкнуться с тем, что бывшие офицеры и генералы русской армии, с которыми Василевскому приходилось служить, становились жертвами бессмысленной, ничем не оправданной жестокости руководства партии большевиков. Василевский, отдавая дань памяти Лечицкого, пишет о нем, как об энергичном военачальнике, который часто бывал в войсках. «...Мне не раз приходилось видеть его в различной фронтовой обстановке, – вспоминал Александр Михайлович. – Малоразговорчивый, но довольно подвижный, мне, молодому офицеру, он показался, однако, несколько дряхлым»¹⁰.

А.М. Василевский вместе с земляком прапорщиком Сергеем Рубинским получил назначение полуротным командиром 1-го батальона 409-го Новохоперского полка 103-й пехотной дивизии. Войска 9-й армии, находившиеся на левом крыле Юго-Западного фронта, вели позиционные бои в районе к западу от города Хотина против войск австро-венгерской 7-й армии генерала К. фон Пфлянцер-Балтина. Каким же запомнился Александру Михайловичу оборонительный период того времени? Вот что он пишет: «Окопы производили самое жалкое впечатление. Это были обыкновенные канавы, вместо брустверов хаотично набросанная по обе стороны земля без элементарной маскировки по ней, почти без бойниц и козырьков. Для жилья в окопах были открыты землянки на два-три человека, с печуркой и отверстием для входа, а вернее – для вползания в нее. Отверстие закрывалось полотнищем палатки. Укрытия от артиллерийского и минометного огня отсутствовали. Примитивны были и искусственные препятствия. Там, где вражеские окопы приближались к нашим на расстояние до ста и менее метров, солдаты считали их полевые заграждения как бы и своими»¹¹.

Возможно, так оно было на том участке фронта, где воевал Василевский. Однако есть и другие свидетельства. Например, летом 1915 г. в полосах русских 1-й и 12-й армий была оборудована укрепленная позиция, включавшая две линии обороны и тыловой оборонительный рубеж. Первая линия состояла из окопов полного профиля и различного рода убежищ, прикрытых проволочными заграждениями. Войска уделяли особое внимание усовершенствованию системы обороны¹².

В ходе оборонительных боев части 9-й армии регулярно выводились в тыл для отдыха, боевой подготовки, ремонта оружия и починки обмундирования. С младшими офицерами занятия проводили командиры батальонов. По словам Василевского, как правило, дело сводилось к коллективной читке уставов – строевого, полевого, дисциплинарного и внутренней службы. Солдат же в основном изводили муштрою, надеясь тем самым добиться от них дисциплинированности. Еще по прибытии в полк многие офицеры предупреждали Александра Михайловича о низкой дисциплине, причем не только среди рядовых, но даже среди унтер-офицеров. Кое-кто советовал меньше либеральничать и следовать старому прусскому правилу, гласившему, что солдат должен бояться палки капрала сильнее, чем пули врага.

Однако Василевский не собирался следовать подобным советам. «Мне было хорошо известно, – отмечал он, – что в армии царской России среди командного состава наблюдались две тенденции. Одна из них, преобладавшая, порождалась самим положением армии в эксплуататорском государстве. Офицеры, выходцы главным образом из имущих классов, дети дворян-помещиков, банкиров, заводчиков, фабрикантов, купцов и буржуазной интеллигенции, с недоверием относились к одетым в военную форму рабочим и крестьянам. Боль-

¹⁰ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 23.

¹¹ Там же. С. 24.

¹² См.: История Первой мировой войны 1914–1918. В 2-х томах. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 41.

шинство офицеров видело в палке капрала главное средство воспитания солдат. Грубость с подчиненными, надменность и неприкрытая враждебность к ним были нормой поведения офицерства, в частности начальника нашей дивизии генерала И.К. Сарафова. Но в военной обстановке такие взаимоотношения солдат и командиров были немислимы. Повиновение, держащееся на страхе перед наказанием, немного стоит. Лишь только армия попадет в тяжелые боевые условия, от такого повиновения не остается и следа. Чтобы выиграть сражение, одного повиновения мало. Нужно, чтобы подчиненные доверяли командирам. Это всегда прекрасно понимали передовые русские офицеры. Они строили свои взаимоотношения с подчиненными на уважении их человеческого достоинства, заботились о них. Такими были генералиссимус А.В. Суворов и генерал-фельдмаршал М.И. Кутузов, офицеры-декабристы, поручики наиболее передовой части русского офицерства. Такие офицеры находили путь к сердцу и разуму солдат, хотя из-за классового антагонизма, существовавшего в царской армии между солдатами и офицерами, путь этот был не простой. Что касается меня, то я старался следовать науке обращения с подчиненными, которую извлекал из прочитанных книг. Особенно запали мне в сердце слова М.И. Драгомирова. Он еще в 1859 году, находясь при штабе Сардинской армии во время австро-итало-французской войны, начал разрабатывать свой тезис о решающем значении нравственного фактора в воинском деле. У меня на фронте были с собой выписки из его работ»¹³.

А.М. Василевский признается, что у него не все и не сразу получалось гладко. Но следование принципам Драгомирова постепенно дало свои результаты. У Василевского, как правило, почти не возникало никаких недоразумений с подчиненными, что в то время было редкостью. Весной 1916 г. он был назначен командиром первой роты. Через некоторое время командир полка полковник Леонтьев признал ее одной из лучших в полку по подготовке, воинской дисциплине и боеспособности. Эти достижения Василевский объясняет тем доверием, которое оказывали ему солдаты.

В новой должности А.М. Василевскому довелось участвовать в наступлении Юго-Западного фронта, так называемом Брусиловском прорыве¹⁴. Оно началось 22 мая 1916 г. Наибольший успех был достигнут в полосе 8-й армии генерала А.М. Каледина, которая 25 мая заняла Луцк, а к 2 июня разгромила австро-венгерскую 4-ю армию, продвинувшись на глубину 65–75 км. Исчерпав резервы и натолкнувшись в районе Киселина на упорное сопротивление германских войск, переброшенных из Франции и с других участков фронта, соединения 8-й армии перешли к обороне.

Войска 9-й армии к вечеру 25 мая вышли к Днестру, где перешли к обороне, чтобы восполнить потери и привести себя в порядок. После трехдневной передышки они возобновили наступление, опрокинув части австро-венгерской 7-й армии, которые стали в беспорядке отходить за р. Прут. Подразделения 409-го Новохоперского полка 29 мая прорвали сильно укрепленную позицию противника у села Махали. «В ночь на сие число преследовали отступающего противника с позиций до реки Прут, – отмечал Василевский в журнале боевых действий роты, – где противник остановился в укрепленных окопах при селе Острица»¹⁵. В последующем рота Василевского с командой разведчиков обеспечила успешное форсирование р. Прут главными силами полка. Утром 5 июня соединения 9-й армии овладели Черновцами и стали продвигаться к р. Серет.

¹³ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 25–26.

¹⁴ См.: *Наступление Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 г.* Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). М., 1940.

¹⁵ Цит. по: *Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы)* / Сост. В.А. Афанасьев, А.Н. Пономарев. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2008 С. 17.

В связи с большими потерями в офицерском составе прапорщику Василевскому приходилось командовать не только ротой, но и батальоном. Однажды командир 3-го кавалерийского корпуса генерал граф Ф.А. Келлер потребовал для охраны своего штаба пехотный батальон. Для этой цели выделили первый батальон, которым временно командовал Василевский. Прибыв в штаб корпуса, он представился его начальнику штаба. Тот удивленно посмотрел на Александра Михайловича и спросил:

– Сколько вам лет, господин прапорщик?

– Двадцать два.

Начальник штаба ушел в другую комнату. Вскоре оттуда вышел граф Келлер, человек огромного роста. Он с улыбкой взглянул на Василевского, затем взял его голову в свои руки и сказал:

– Еще два года войны, и все вчерашние прапорщики станут генералами.

Граф Келлер как в воду глядел...

Несмотря на все трудности, войска 9-й армии 15 июня успешно прорвали оборону противника и начали его преследование. Однако 15 июля генерал Лечицкий неожиданно приостановил наступление своих войск между Днестром и Прутом. 18 июля перешла к обороне и русская 7-я армия, испытывавшая недостаток в силах и средствах. В последующем войска Юго-Западного фронта провели ряд сражений на р. Стоход, выйдя на рубеж западнее Броды, Подгайцы, Тлумач, Делатын. Но для развития успеха сил уже не было. В ходе наступления русские войска потеряли около 500 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, а австро-венгерские и германские войска – до 1,5 млн человек¹⁶.

А.М. Василевский, оценивая свое участие в этой операции, писал: *«Закалка, которую я приобрел во время наступления, помогла мне в дальнейшем, а опыт организации боевых действий в масштабах подразделений разного рода пригодился в годы гражданской войны. Я, как и большинство моих сослуживцев, относился к самому наступлению с энтузиазмом: русской армии предстояло освободить Карпатские земли»*¹⁷.

14 августа 1916 г. Румыния объявила войну Австро-Венгрии. Однако в сентябре – ноябре румынские войска в борьбе против германских войск потерпели поражение. В связи с этим 24 ноября (7 декабря) был создан Румынский фронт, в состав которого вошли русские 9, 4 и 6-я армии и румынские войска. Войска фронта оборонялись на рубеже Кымпулунг, устье Дуная. Части 103-й пехотной дивизии, в которой служил А.М. Василевский, использовались для прикрытия наиболее важных направлений.

Пока А.М. Василевский сражался в Румынии, на родине в России произошли важные перемены. Февральская революция 1917 г. и отречение императора Николая II положили конец правлению Дома Романовых. Страна вступила на путь демократических перемен, проводившихся, правда, половинчато и не всегда последовательно. Временное правительство, в котором ведущую роль играли представители партий кадетов и октябристов, придерживалось идеи «непредрешения» воли Учредительного собрания. В обращении «К гражданам России», опубликованном 6 марта 1917 г., Временное правительство изложило свою программу. Ее суть заключалась в доведении войны до победного конца, в неуклонном исполнении соглашений, подписанных с союзниками России, в созыве Учредительного собрания и др. В соответствии с приказом № 1 Петроградского Совета от 1 марта проводилась так называемая «демократизация армии»¹⁸. Во всех подразделениях, частях и на кораблях создавались солдатские комитеты. В армии были упразднены военно-полевые суды и введены военно-революционные суды, отменена смертная казнь, создан институт комиссаров

---

¹⁶ См.: Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. М., 1923. С. 73, 108.

¹⁷ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 29.

¹⁸ См.: Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 190.

для контроля над деятельностью офицеров, уволено в резерв около 150 высших чинов. 9 мая приказом военного и морского министра А.Ф. Керенского вводится в действие Декларация прав солдата. Она предоставляла военнослужащим те же права, что и другим гражданам.

После свержения монархии и прихода к власти Временного правительства в России развернулась борьба между сторонниками и противниками продолжения войны. Как же относился А.М. Василевский к новой власти? Ответ он дает в своих мемуарах. *«Падение монархии я встретил с энтузиазмом, – пишет Александр Михайлович. – Теперь мне казалось, мы будем отстаивать республику и интересы революционной отчизны. Но вскоре я увидел, что эти интересы разные люди понимают по-разному. Армия раскололась. По одну сторону остались солдаты и передовое офицерство, а по другую – те, кто продолжал призывать к «защите отечества». Может ли истинный патриот быть не со своим народом? Нет! – отвечал я сам себе. Значит, правда не там, где я искал ее раньше. Окончательный удар по моим иллюзиям нанес корниловский мятеж. Я постепенно стал осуждать войну, проникся недоверием к Временному правительству»¹⁹.*

Известие о захвате 25 октября (7 ноября) 1917 г. власти большевиками в Петрограде, о принятии ими декретов о мире и земле бурно обсуждалось в частях 103-й пехотной дивизии. Личный состав бросал винтовки, братался с австрийскими солдатами, высказывал недовольство начальством и приветствовал новую власть, выражающую интересы народа. *«Ненавистным офицерам порой грозил самосуд, – вспоминал Александр Михайлович. – Углубился раскол и в среде офицерства. Еще недавно мы сидели за одним столом, а теперь бывшие товарищи по оружию злобно глядят друг на друга. Видел такие злые взгляды и я – за то, что признал Советскую власть, “якшаюсь с большевиками” и бываю в Совете солдатских депутатов»²⁰.*

Под влиянием всего этого у штабс-капитана А.М. Василевского возникло решение оставить военную службу с тем, чтобы отдаться любимому делу, трудиться на земле. В конце ноября 1917 г. он уволился в отпуск и в декабре вернулся на родину. Правда, в свое автобиографии, написанной в 1938 г., отмечает, что прибыл домой в январе 1918 г., где до июня находился на иждивении родителей, занимаясь сельским хозяйством. В своих же мемуарах Александр Михайлович пишет, что в конце декабря 1917 г. Кинешемский уездный военный отдел при местном Совете переслал ему телеграфное сообщение о том, что общее собрание 409-го Новохоперского полка, в соответствии с действовавшим тогда в армии принципом выборного начала, избрало Василевского командиром полка. Поэтому солдатский комитет предлагал ему немедленно вернуться в свою воинскую часть и вступить в командование. Однако военный отдел, ссылаясь на обстановку, сложившуюся на Украине после прихода к власти Центральной Рады, рекомендовал Василевскому остаться дома и искать себе применение на месте.

А.М. Василевский последовал рекомендации военного отдела и в июне 1918 г. поступил на службу сотенным инструктором во Всевобуч при Углецкой волости Кинешемского уезда Костромской губернии. Всеобщее военное обучение было введено декретом ВЦИК от 22 апреля 1918 г. «Об обязательном обучении военному искусству»²¹. Обучение велось без отрыва от основной работы по 96-часовой программе в течение восьми недель. В должности сотенного инструктора Василевский пробыл недолго. По его признанию, дела шли неплохо, но все же он не получал полного удовлетворения. Александр Михайлович не раз обращался в военный отдел с просьбой привлечь его к более активной работе по защите Советской Родины. Но все просьбы оставались без ответа. *«Видимо, сказывалось некото-*

---

¹⁹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 32–33.

²⁰ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 33.

²¹ См.: Декреты Советской власти. М., 1960. Т. 2. С. 151–153.

рое недоверие ко мне, – пишет Василевский, – как к выходцу из семьи служителя культа, офицеру царской армии, имевшему чин штабс-капитана. Я понимал, что такая осторожность в условиях ожесточенной классовой борьбы вполне объяснима, и старался спокойно и упорно выполнять полученное задание, ибо только честным трудом можно было завоевать доверие Советской власти. Но время шло, а на более активное использование моего военного опыта намека так и не было»²².

Устав ждать ответа от военного отдела, А.М. Василевский решил сменить профессию. С разрешения уездного военкомата он подал заявление с просьбой зачислить его учителем начальной школы, благо диплом об окончании духовной семинарии давал на это право. В сентябре 1918 г. Василевский стал учителем школы 1-й ступени в селе Подъяковлево Новосильского уезда Тульской губернии. Заведующая школой Е.П. Наумова поручила ему вести младшее отделение. Он быстро вжился в новый коллектив, установил тесный контакт с учителями и родителями учеников. Однако, несмотря на увлеченность новой работой, постоянно ощущал неудовлетворенность. Она исчезла только в апреле 1919 г., когда Новосильский уездный военкомат призвал его на службу в армии. Василевского назначили взводным инструктором (помощником командира взвода) 4-го запасного батальона, расположенного в городе Ефремове.

В июне 1919 г. А.М. Василевский командовал отрядом, который участвовал в конфискации хлеба, спрятанного так называемыми «кулаками», а также в задержании крестьян, уклонявшихся от призыва в Красную Армию. Вспоминая об этом, Александр Михайлович писал: *«Этот непродолжительный по времени период имел для моей дальнейшей жизни и работы исключительное значение. Став красным командиром, ощутив доверие партии, я понял, что военная служба – мое единственное призвание. Именно тогда во мне зародилось стремление во что бы то ни стало рано или поздно быть в рядах большевистской партии, подлинной защитницы интересов народа. Я все больше осознавал, что Великая Октябрьская социалистическая революция – подлинно народная революция. Под ее воздействием формировалось и мое политическое сознание. Полнее стало понятие Родины, патриотизма. Родина – это Советская Россия, страна трудового народа, ниспровергшего мир насилия и несправедливости и решившего осуществить на своей земле идеалы лучших умов человечества, идеалы социализма. Советской Родине нужны своя армия, свои командные кадры, в том числе и военные специалисты. И я поклялся верой и правдой служить народной власти. “Советская Россия или смерть!” – вот слова, ставшие тогда девизом миллионов людей, в том числе и моим девизом»²³.*

И надо сказать, что А.М. Василевский честно служил новой власти. Летом 1919 г. в связи с наступлением войск генерала А.И. Деникина в Туле была сформирована Тульская стрелковая дивизия, ядром которой послужили запасные батальоны. Командиром одной из рот, а затем командиром батальона назначили Василевского. В начале октября Василевский получил повышение в должности, возглавив 5-й стрелковый полк Тульской стрелковой дивизии. В своих мемуарах Александр Михайлович пишет, что на заседании губернского ревкома он просил назначить командиром полка более опытного человека, так как не имеет опыта командования полком в условиях боевой обстановки. Просьба Василевского была удовлетворена не сразу. Однако он оказался настойчивым. Вскоре на должность командира полка был назначен Соборнов, а Василевский стал его помощником. Как мы увидим в дальнейшем, Александр Михайлович не раз отказывался от назначения на более высокую должность, мотивируя это отсутствием необходимого опыта. Наверное, так оно было. Но следует

---

²² Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 37.

²³ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 40.

учесть, что Василевский был человеком весьма осторожным, не любившим действовать наобум, а потому тщательно продумывал все свои шаги.

В декабре 1919 г. Тульская стрелковая дивизия была переброшена на Западный фронт. В феврале 1920 г. ее переименовали в 48-ю стрелковую, а полк Василевского стал именоваться 427-м стрелковым полком 143-й стрелковой бригады. Дивизия вошла в состав 15-й армии, которой командовал 33-летний бывший подполковник А.И. Корк. С ним Василевского в последующем еще не раз сводила военная судьба. Вскоре 143-ю стрелковую бригаду направили на доукомплектование 11-й Петроградской стрелковой дивизии, а Василевский был назначен помощником командира 96-го стрелкового полка. В этом качестве ему довелось принять участие в боевых действиях против польской армии.

Маршал Польши Ю. Пилсудский, одержимый идеей восстановления польского государства в границах 1772 г., предпринял 25 апреля наступление против советского Юго-Западного фронта. 6 мая польские войска заняли Киев. С целью оказать помощь армиям Юго-Западного фронта по решению Главного командования Красной Армии 14 мая в наступление перешли войска Западного фронта. Ими командовал потомок старинного дворянского рода 27-летний бывший подпоручик М.Н. Тухачевский. В последующем он занимал ряд высших военных постов в Красной Армии, стал одним из первых маршалов Советского Союза. Василевскому не раз приходилось по делам службы встречаться с Тухачевским, который оказал немалое влияние на его становление.

Войска Западного фронта 14 мая перешли в наступление. Их напутствовал председатель Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкий (Бронштейн), который в своем приказе от 8 мая отмечал, что здесь сейчас решается судьба русского народа. *«Красный Киев в когтях у польских насильников, – писал Троцкий. – Рабоче-Крестьянской Украине грозит крепостническое угнетение и иноземное рабство. Вместе с тем великая угроза открывается всей России. Спасение от ига и кабалы одно: нанести буржуазно-шляхетским войскам решительный, беспощадный, сокрушающий удар»*²⁴.

А.М. Василевский тогда и предполагать не мог, что не пройдет и четверти века, как ему придется на белорусской земле организовывать одну из крупнейших операций Великой Отечественной войны. 18 мая части 96-го стрелкового полка 11-й Петроградской стрелковой дивизии вступили в бой за станцию Крулевщизна, которую обороняла польская Познанская дивизия. Полк понес большие потери и был выведен в резерв начальника дивизии. 26 мая польские войска перешли в контрнаступление и, тесня войска Западного фронта, 3 июня вышли к рекам Западная Двина и Березина.

В полосе Западного фронта наступило временное затишье, которое было использовано для подготовки к новому наступлению. По замыслу Тухачевского главный удар из района Полоцка наносили 4, 15 и 3-я армии в целях окружения и разгрома польской 1-й армии и Полесской группы, а затем развития успеха на вильненском и лидском направлениях. Войска Западного фронта насчитывали 72,2 тыс. штыков и 9,9 тыс. сабель²⁵. Им противостояли польские и латвийские войска общей численностью в 101 тыс. штыков и 4,8 тыс. сабель²⁶.

16 июня в войсках Западного фронта было распространено воззвание ВЦИК и правительств РСФСР и Украинской ССР к польским рабочим, крестьянам и legionерам. Оно содержало признание независимости Польши, призыв переходить на сторону Красной Армии, чтобы «таким путем вернее и скорее обеспечить независимую социалистическую Польшу»²⁷. По решению Польского бюро при ЦК РКП(б) 23 июня был создан Времен-

²⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 3. Л. 13.

²⁵ РГВА. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.

²⁶ См.: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). М.: Воениздат, 1978. Т. 4. С. 515.

²⁷ См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1965. Т. 3. С. 91.

ный революционный комитет (Польревком), которому предстояло после захвата Красной Армией Варшавы передать власть компартии Польши.

Войска Западного фронта, вдохновленные возможностью создания еще одного социалистического государства, 4 июля устремились на запад. 10 июля соединения 16-й армии заняли Минск. Польское правительство, обеспокоенное успехами Красной Армии, предпринимало срочные меры по восстановлению положения. 11 июля в Народный комиссариат по иностранным делам РСФСР поступила нота за подписью министра иностранных дел Великобритании лорда Дж. Керзона²⁸. Он от имени Антанты предлагал заключить перемирие между Польшей и Советской Россией, немедленно приостановить военные действия. Польские войска должны были отойти на линию, проходившую через Гродно, Валовку, Немиров, Брест-Литовск, Дорогуск, Устилуг, восточнее Грубешова, Крылов и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат. Советские войска следовало остановить на расстоянии 50 км к востоку от этой линии. Одновременно предлагалось подписать перемирие между Красной Армией и генералом П.Н. Врангелем. Лорд Керзон подчеркивал, что в случае переноса советскими войсками боевых действий на территорию Польши, ее союзники сочтут себя обязанными помочь польской нации защищать свое существование всеми средствами, имеющимися в их распоряжении.

Нота Керзона 12 июля была рассмотрена вождем партии большевиков В.И. Лениным (Ульяновым), который оценил ее «как сплошное жульничество ради аннексии Крыма» и предложил усилить наступление на Юго-Западном и Западном фронтах²⁹. Это же решение подтвердил и пленум. 17 июля правительству Великобритании была направлена радиотелеграмма наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина, в которой отвергались все попытки вмешательства со стороны в дело примирения РСФСР с Польшей. Главнокомандующему Вооруженными Силами РСФСР бывшему полковнику С.С. Каменеву предписывалось непрерывно развивать наступление на Юго-Западном и Западном фронтах «как до границы, намеченной Антантой, так и за пределами этой границы в случае, если бы силой обстоятельств мы оказались вынужденными временно перейти за эту границу»³⁰.

Войска Западного фронта продолжали движение на запад. В это время А.М. Василевский получил приказ немедленно отправиться в 48-ю стрелковую дивизию и вступить в командование 427-м стрелковым полком. Прибыв в штаб дивизии, Александр Михайлович встретился с командиром и комиссаром 143-й стрелковой бригады О.Ю. Калниным. Он сообщил, что должность командира полка уже занята. Поэтому Василевскому предлагалось отправиться в распоряжение начальника дивизии. *«Я меньше всего думал о работе обязательно в должности командира полка, – пишет Александр Михайлович. – Меня больше привлекала уже знакомая работа в должности помкомполка или комбата. Поэтому я упросил комбрига послать меня на одну из этих должностей у себя в бригаде и в результате стал помощником командира 429-го стрелкового полка... Полк произвел на меня, особенно в политико-моральном отношении, очень хорошее впечатление. Он был укомплектован в основном уже побывавшими в боях красноармейцами или прошедшими подготовку в запасных частях. Отличные отношения установились у меня с командованием полка, в том числе и с самим командиром т. Дрейвичем (хотя в бригаде меня предупреждали о его нелегком характере). Партийная организация полка была боевой, сплоченной. Это меня более всего радовало. Даже короткий опыт службы в рядах РККА убедил меня в том, что наличие в*

²⁸ См.: Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 3. С. 54–55.

²⁹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 237–238, 438–439.

³⁰ См.: Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). М.: Воениздат, 1969. С. 614.

воинской части сильной большевистской организации – серьезный залог успеха во всех ее делах»³¹.

А что же происходило на фронте? 14 августа части 3-й и 15-й армий Западного фронта штурмом взяли Радзимин, находившийся в 23 км северо-восточнее Варшавы. До польской столицы было рукой подать. Однако 15 августа польские войска перешли в контрнаступление и совершили то «чудо на Висле», о котором споры среди историков не утихали длительное время. Удар в подбрюшье Западного фронта был настолько силен, что через четыре дня его войска оказались отброшенными к Западному Бугу. Войска 3-й армии отступали к Гродно, а 15-я армия – к Волковыску. На волковысское направление началась переброска 48-й стрелковой дивизии, чтобы задержать противника и обеспечить отход соединений 15-й армии. Юго-западнее Волковыска части дивизии встретились с врагом, стремившимся развить свой успех. Сбив с позиции заслоны, выставленные 15-й армией, он ворвался в Пружаны и Беловежскую Пущу. В результате упорных боев части 48-й стрелковой дивизии отбросили противника, захватили пленных, трофеи и заняли оборону на подходе к Беловежской Пуще.

В ходе боевых действий противнику удалось прорвать оборону 427-го стрелкового полка, который в беспорядке отступил. С целью обезопасить свой фланг командир 429-го стрелкового полка решил использовать находившийся в резерве 2-й стрелковый батальон и контратаковать врага. Атака, которую возглавил Василевский, оказалась успешной, поляки отступили, а за открытым флангом полка был создан заслон. Командир бригады приказал Василевскому немедленно вступить в командование 427-м стрелковым полком и восстановить утраченное им положение. Связавшись по телефону с комбригом, он доложил ему о получении приказа, попросил срочно выдвинуть в район прорыва из бригадного резерва 428-й стрелковый полк и дать ему хотя бы одну ночь на сбор и приведение в порядок 427-го полка. В ответ последовал приказ немедленно явиться в штаб бригады, расположенный в деревне Вейки.

В штабе бригады произошел весьма неприятный для Василевского разговор с Калниным. Комбриг встретил его не приветливо, повторив в категорической форме прежний приказ.

– Товарищ комбриг, при всем желании я не смогу выполнить этот приказ, – сказал Василевский.

Комбриг, не раздумывая, приказал арестовать строптивного Василевского и отконвоировать в ревтрибунал, находившийся в Волковыске. Не успел Александр Михайлович в сопровождении конвойных пройти версты четыре, как его вернули в штаб бригады. Здесь Калнин снова потребовал выполнить ранее отданный приказ. Василевский опять ответил, что по-прежнему считает его невыполнимым. Тогда ему вручили письменное предписание, согласно которому «за саботаж и нелепую трусость» он смещался с должности помкомполка-429 и назначался командиром взвода этого же полка.

Прошло несколько дней. А.М. Василевского неожиданно вызвали в штаб 48-й стрелковой дивизии, где его приняли начдив Е.В. Баранович и военный комиссар Я.Г. Индриксон.

– Товарищ Василевский, в результате тщательного расследования, проведенного партийными и следственными органами дивизии, предъявленное вам командованием бригады обвинение не подтвердилось, – сообщил Баранович.

– Мы получили положительные отзывы о вас от командования и парторганизаций 96-го и 429-го стрелковых полков, – добавил Индриксон. – Командование и политотдел 11-й стрелковой дивизии сообщили нам, что за успешные и умелые действия в боях на реке Шоша был поставлен вопрос о представлении вас к ордену Красного Знамени.

---

³¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 48.

– Приказ комбрига мы отменили, – сказал Баранович. – По решению командарма Корка временно, до освобождения должности командира полка, вы назначаетесь командиром формирующегося отдельного батальона 48-й стрелковой дивизии.

Так, вполне благополучно для Василевского завершился этот конфликт с командиром бригады.

12 октября 1920 г. между Советской Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой стороны, был подписан Договор о перемирии и прелиминарных условиях мира³². Согласно договору обе стороны приняли решение прекратить боевые действия с 24 часов 18 октября. Но войскам Западного фронта пришлось еще не раз обнажать оружие. В ноябре они разгромили народно-добровольческую армию генерала С.Н. Булак-Балаховича, которая насчитывала до 15 тыс. человек³³. В боевых действиях участвовала и 48-я стрелковая дивизия. В одном из боев погиб командир 143-й стрелковой бригады О.Ю. Калнин. *«У меня, несмотря на бывшее недоразумение, – вспоминал Василевский, – установились с ним дружественные отношения, и я, как и все товарищи, тяжело переживал эту утрату. Он был моим одноклассником, жизнь его только начиналась. И даже за эту короткую жизнь О.Ю. Калнин успел многое сделать для Советской власти...»*³⁴

В ноябре 1920 г. части 48-й стрелковой дивизии были переброшены в Смоленскую губернию. Вскоре отдельный батальон, которым командовал Василевский, был расформирован, а его назначили помощником командира 424-го полка 142-й стрелковой бригады. В начале 1921 г. части дивизии были передислоцированы в Самарскую губернию. По приказу командующего Заволжским военным округом она участвовала в разгроме небольших, но хорошо вооруженных «кулацких шаек». Голод, охвативший Поволжье, заставил Реввоенсовет Республики перевести отсюда ряд воинских частей. Дивизия, в которой служил наш герой, была переброшена в Тверскую губернию, входившую в состав Московского военного округа. 424-й стрелковый полк был размещен в Ржеве. В связи с болезнью начальника штаба 142-й стрелковой бригады Василевскому пришлось временно исполнять его обязанности. *«Это был у меня, строевого командира, первый опыт штабной деятельности, пока еще очень скромный, – пишет Александр Михайлович. – И, конечно, я и в мыслях не держал тогда, что со временем дойду до высоких штабных должностей»*³⁵.

В соответствии с решениями X съезда РКП(б), состоявшегося в марте 1921 г., основной вооруженных сил на ближайший период должна была «являться нынешняя Красная Армия, по возможности сокращенная за счет старших возрастов, с повышенным пролетарским и коммунистическим составом»³⁶. Численность Красной Армии с 5,3 млн человек в конце 1920 г. была сокращена к 1 октября 1922 г. до 1,2 млн человек³⁷. Одновременно проводилась реорганизация войск и их частичный перевод на территориально-милиционную систему комплектования.

Сокращение численности Красной Армии коснулось и комсостава, особенно из числа тех, кто ранее служил в русской армии и имел «непролетарское происхождение». Но, видать, Божья десница хранила Василевского для свершения великих дел. Он остался в кадрах Вооруженных Сил. В связи с реформированием стрелковых бригад в полки его назначили помощником командира 142-го стрелкового полка 48-й стрелковой дивизии. После того как командир полка В.И. Калинин уехал на учебу, Василевский вступил во временное командо-

³² См.: Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 245–258.

³³ РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 2441. Л. 156–157.

³⁴ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 51–52.

³⁵ Там же. С. 54.

³⁶ См.: Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М., 1963. С. 616.

³⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 32. Л. 5; Д. 167. Л. 5.

вание полком. Он творчески подходил к исполнению своих обязанностей, стремясь с полной отдачей использовать учебное время. И результат не замедлил сказаться. В сентябре 1922 г. полк под командованием Василевского успешно проявил себя на двусторонних маневрах войск Московского военного округа по отработке встречного марша в зимних условиях, а в сентябре следующего года – на окружных маневрах. В результате полк получил хорошую оценку от командующего Московским военным округом Н.И. Муралова. В аттестации на Василевского отмечалось: *«Вдумчивый, осторожный в решениях командир. Выдержанный, с подчиненными тактичен. Политически благонадежен. Заботлив о хозяйственной стороне части. Должности командира полка вполне соответствует»*³⁸.

К этому времени произошли изменения в личной жизни А.М. Василевского. В 1923 г. он познакомился с Серафимой Николаевной Вороновой, с которой вскоре оформил законный брак. Ее отец, Николай Александрович Воронов, был банковским служащим. Жалованье, которое он получал, позволяло ему иметь собственный дом и занимать достойное место в обществе. Однако Василевскому не довелось повидаться с ним. В годы Гражданской войны Николай Александрович вместе с приятелем уехал на Украину в надежде привести для семьи что-нибудь из продуктов. Из этой поездки он не вернулся. Позже Николая Александровича посчитали без вести пропавшим, и все заботы о детях, а их было четверо, и по ведению хозяйства легли на плечи его жены Елены Васильевны. Серафима окончила реальное училище и несколько классов музыкальной школы. Имея хороший слух, она отлично играла на рояле и гитаре, умела шить, приобрела некоторые навыки по ремонту обуви, неплохо владела различным инструментом для выполнения мелких работ по дому. После женитьбы Александр Михайлович и Серафима Николаевна некоторое время жили в доме Вороновых.

Со своими родителями Василевский, по собственному признанию, в 1924 г. утратил личную и письменную связь. Его отец, умудренный опытом, полный христианского смирения и чистоты, сам настоял на разрыве.

– Не мучайся ты так, Саша, – сказал Михаил Александрович тогда, перекрестив сына, – время ныне такое, многих сильных людей смолотило. Кто в гордыне смерть нашел, кто погряз в скверне. И я ведь, грешный... Но все от Бога, все от Спасителя, – надеюсь отмолить и твой грех, и свои грехи. Будь честен в служении людям, но не себе...

А.М. Василевский практически все время проводил на службе, тем более что забот было много. В Красной Армии к тому времени выявились серьезные недочеты в материально-техническом обеспечении и подготовке войск. По мнению Василевского, «большой вред армии нанесла антипартийная деятельность Троцкого»³⁹. Эта была дань моде, существовавшей в отечественной историографии: все беды валить на Троцкого, несмотря на то что он в течение семи лет стоял во главе Красной Армии и был одним из ее основателей.

Как же в действительности обстояло дело? После смерти В.И. Ленина среди верхушки партийного руководства развернулась острая борьба за власть. Победу постепенно одерживал И.В. Сталин (Джугашвили). Одним из его главных противников был Л.Д. Троцкий, которого необходимо было убрать с высших постов в партии и армии. Начали с вооруженных сил, где имелись как достижения, так и недостатки. По итогам проверки, проведенной специальной комиссией, созданной Центральной контрольной комиссией РКП(б), пленум ЦК РКП(б) в марте 1924 г. констатировал «наличие в армии серьезных недочетов (колоссальная текучесть, полная неудовлетворительность постановки дела снабжения и пр.), угрожающих армии развалом»⁴⁰. По признанию М.В. Фрунзе, большинство выявленных недочетов

---

³⁸ Цит. по: Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы). С. 25.

³⁹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 58.

⁴⁰ См.: *Берхин И. Б.* Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.). М., 1958. С. 65.

было обусловлено иным, а именно, недостатком финансирования армии⁴¹. Члены специальной комиссии предложили максимально упростить аппарат управления, устранить параллелизм и бюрократизм, разграничить функции между различными органами, приспособить организацию мирного времени к организации военного времени, повысить квалификацию сотрудников, сократить штаты. ЦК РКП(б) и Реввоенсовет СССР одобрили эти предложения и установили срок перехода на новую организацию с 15 апреля. Согласно постановлению ЦК РКП(б) от 28 июля в армии было введено единоначалие, а ее численность сокращена с 610 тыс. до 562 тыс. человек⁴².

И.В. Сталин, стремясь укрепить свою власть, ставил на ответственные посты в армии преданных ему людей. В апреле 1924 г. Н.И. Муралов был освобожден от должности командующего войсками Московского военного округа, а его место занял командующий Северо-Кавказским военным округом К.Е. Ворошилов. Он не имел специальной военной подготовки, но зато верно служил Сталину и принимал активное участие в массовых репрессиях в Красной Армии. Это станет известным позже. А пока Василевский в своих мемуарах тепло отзывается о Ворошилове. Он вспоминает, как в начале июня познакомился с ним во время осмотра 48-й стрелковой дивизии. Командующий округом на полковом стрельбище проверил, как второй батальон 143-го стрелкового полка отрабатывает упражнения стрельб, а затем присутствовал на ротных учениях. В принципе это обычное дело для любого командира и командующего, но Александр Михайлович посчитал необходимым в своих мемуарах показать, как Ворошилов заботился о подготовке войск.

2 сентября 1924 г. А.М. Василевский был назначен начальником дивизионной школы младшего командного состава. Он со свойственной ему ответственностью взялся за новую работу, стремясь готовить инициативных и вдумчивых специалистов. Такой подход к порученному делу не остался без внимания. Неожиданно Василевский получил вызов в Военную академию РККА для сдачи вступительных экзаменов. *«Я попросил командование не посылать меня в академию, так как чувствовал себя неподготовленным, – пишет Александр Михайлович. – Однако Главное управление кадров Красной Армии на запрос комдива И.Ф. Максимова подтвердило вызов. По прибытии в академию я подал на имя председателя приемной комиссии заявление с просьбой вернуть меня в дивизию. Меня вызвали к заместителю председателя комиссии. И кого же я увидел? Им оказался М.Л. Ткачев. Я хорошо знал его. Он стажировался в нашей дивизии, будучи слушателем академии, а теперь работал в аппарате Главного управления кадров Наркомата по военным и морским делам. Ему-то, как выяснилось, я и обязан был вызовом. Встретились мы дружески. Однако все попытки со стороны Ткачева уговорить меня держать немедленно экзамены ни к чему не привели. Я вернулся в дивизию»*⁴³.

В декабре 1924 г. дивизионная школа была расформирована, а Василевский получил назначение на должность командира 143-го стрелкового полка. Вскоре у Александра Михайловича родился сын Юрий. Семья Василевских переехала в центр Твери, где в доме по Советской улице (бывшей Миллионной) снимала небольшую двухкомнатную квартиру. Рядом на площади находилось здание бывшего Дворянского собрания, в котором теперь размещался гарнизонный Дом Красной Армии. Здесь сохранилась богатая библиотека, в которой можно было найти немало книг и журналов по военной тематике. *«С большим интересом, – вспоминал Василевский, – после училища я перечитывал труды выдающегося военного деятеля России М.И. Драгомирова и героя русско-турецкой войны генерала М.Д. Скобелева. М.И. Драгомирову принадлежит заслуга возрождения и популяризации в русской армии взглядов*

⁴¹ См.: Фрунзе М.В. Собр. соч. М.—Л., 1929. Т. 2. С. 28.

⁴² РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 84. Л. 2.

⁴³ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 59–60.

Александра Васильевича Суворова. Благодаря ему в России был переиздан труд великого полководца “Наука побеждать”. Много ответов по проблемам воинского и нравственного воспитания, которые более всего беспокоили нас, я нашел в работах неизвестных в ту пору для меня авторов – генералов Гурко, Маслова, Бутовского, Грулева и других. Перебирая на пыльных полках книги, я с удивлением обнаружил несколько еще дореволюционных номеров военного журнала, который впоследствии получил название “Военный сборник”. Эти журналы, по всей видимости, дали основание для издания широко известного в войсках и в настоящее время журнала “Военный вестник”. Никогда я не думал, что в недалеком будущем мне придется оказывать помощь редакции этого журнала и что на его страницах появятся статьи, написанные мною по различным вопросам боевой и методической подготовки»⁴⁴.

В октябре 1925 г. А.М. Василевский, несмотря на отказ поступить в Военную академию РККА, все-таки был направлен на учебу. В течение восьми месяцев он обучался на отделении командиров полков Стрелково-тактических курсов усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» им. Коминтерна. «Курсы “Выстрел”, являясь старейшей кузницей офицерских кадров Советской Армии, – писал Василевский в юбилейной газете «Выстрел», выпущенной 21 ноября 1958 г., – на всем протяжении своего существования успешно готовили высококвалифицированных офицеров для Вооруженных Сил Союза ССР. Я с благодарностью вспоминаю свое пребывание и учебу на курсах, которые дали мне твердые знания как командиру Красной Армии».

В августе 1926 г. А.М. Василевский, окончив курсы, вернулся в свой 143-й стрелковый полк. В мае следующего года он познакомился с новым командующим войсками Московского военного округа 44-летним Б.М. Шапошниковым. Он в последующем сыграл значительную роль в судьбе Александра Михайловича, а потому кратко расскажем о нем. Шапошников имел за плечами солидную военно-теоретическую подготовку, окончил Московское военное училище и Академию Генштаба, приобрел богатый опыт командной и штабной работы на различных должностях в звене полк – дивизия – корпус, принимал участие в Первой мировой войне. В 1918 г. полковник Шапошников вступил в Красную Армию, был помощником начальника Оперативного управления штаба Высшего военного совета, начальником разведывательного отдела Полевого штаба РВСР, первым помощником начальника штаба наркомвоенмора Украины, а с октября 1919 г. начальником Оперативного управления Полевого штаба РВСР. После окончания Гражданской войны был назначен первым помощником начальника Штаба РККА, а затем командующим Ленинградским военным округом.

В июне 1928 г. частям 48-й стрелковой дивизии пришлось выдержать серьезный экзамен. В Московском военном округе была проведена опытная мобилизация, а затем в районе Торжка состоялось дивизионное тактическое учение. До этого дивизию и 143-й стрелковый полк проверял первый заместитель начальника штаба округа К.А. Мерецков. Специальную же комиссию, прикрепленную к полку на время мобилизации и учения, возглавлял хорошо известный А.М. Василевскому начальник штаба 2-го стрелкового корпуса М.Л. Ткачев. За ходом мобилизации наблюдали заместитель наркома по военным и морским делам И.С. Уншлихт, командующий округом Н.В. Куйбышев⁴⁵, начальник штаба округа А.М. Перемытов и особая комиссия во главе с начальником Главного управления РККА В.Н. Левичевым. В ходе опытной мобилизации были вскрыты как сильные, так и слабые стороны боевой и мобилизационной готовности дивизии. В целом же она получила хорошую оценку. При этом

---

⁴⁴ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 559.

⁴⁵ Н.В. Куйбышев был назначен командующим войсками Московского военного округа в январе 1928 г.

инспекторская группа особо выделила 143-й стрелковый полк, его боевую и мобилизационную подготовку, общее состояние и дисциплинированность.

В ноябре 1928 г. в 48-ю стрелковую дивизию приехал новый командующий войсками Московского военного округа 32-летний И.П. Уборевич (Уборявичус). Бывший подпоручик был всего на один год моложе Василевского, но уже прославился в годы Гражданской войны, командуя армиями и будучи военным министром Дальневосточной Республики и главнокомандующим Народно-революционной армией. Уборевич проверил уровень подготовки командного состава, прежде всего его высшего и старшего звена. Затем состоялось командно-штабное учение в поле со средствами связи, в котором приняли участие командование и штабы дивизии и полков. *«Пребывание И.П. Уборевича было полезным, – вспоминал Александр Михайлович. – Мы по-новому взглянули на себя, обнаружили серьезные недостатки в нашей боевой и политической подготовке. Командующий показал нам, как и над чем именно надо работать, чтобы в ближайшее же время поднять боеспособность подчиненных нам войск. Следует сказать, что и эта встряска, и те порою острые замечания Иеронима Петровича в адрес каждого из нас не обидели и не расстроили командиров, а убедили в необходимости более строго оценивать свою работу, видеть ее перспективу, верить в успех. Дальнейшее показало, что подобная моральная зарядка не только полезна, но иногда бывает крайне необходима»⁴⁶.*

И.П. Уборевич, как и члены специальной комиссии, обратил внимание на энергичного командира 143-го стрелкового полка. *«Хорошо дисциплинирован и воински воспитан, – отмечалось в аттестации на Василевского за 1928 г. – Спокойный, положительный и глубоко вдумчивый человек. В служебной деятельности проявляет достаточную настойчивость и разумную инициативу. Обладает большой работоспособностью и выдержкой. Пользуется вполне заслуженным авторитетом. Военная подготовка хорошая. Хорошо знает тактику, стрелковое дело и хозяйство части. Политически развит удовлетворительно. Взаимоотношения с комиссаром полка нормальные. Должности командира полка вполне соответствует. Заслуживает продвижения в очередном порядке на должность начштаба стрелковой»⁴⁷.*

Командующий Московским военным округом решил использовать деловые качества Василевского для восстановления боеспособности 144-го стрелкового полка, располагавшегося в Вышнем Волочке. Это едва не привело к конфликту между ним и Александром Михайловичем. Полк считался наиболее слабым и по дисциплине, и по подготовке. *«Перевод поразил не только меня, но и весь руководящий состав 143-го полка, – вспоминал Александр Михайлович. – Не скрою, воспринял я его с обидой. Во-первых, потому, что мне крайне не хотелось покинуть 143-й Краснознаменный полк, считавшийся лучшим в дивизии (за четыре года командования в это было вложено немало и моего труда). Нелегко было расставаться с командно-политическим составом и парторганизацией полка, с которыми у меня установились отличные взаимоотношения. И еще одно немаловажное обстоятельство беспокоило меня: именно в 143-м полку я собирался осуществить мою давнюю заветную мечту – вступить в Коммунистическую партию. Перевод в новую часть неизбежно заставлял отложить это решение на неопределенное время»⁴⁸.*

А.М. Василевский по рекомендации командира и военкома дивизии И.Ф. Максимова выехал в штаб округа. Командующий округом встретил Александра Михайловича радушно,

⁴⁶ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 68–69.

⁴⁷ Цит. по: Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы). С. 25.

⁴⁸ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 69.

расспросил о здоровье семьи и о его планах. Василевский рассказал, ничего не утаивая, в том числе, что собирался вступить в партию большевиков.

– Вот вы сказали, что хотите, и, на мой взгляд, вполне достойны того, чтобы вступить в ряды партии, – говорил Уборевич. – Но что же получается? Вопрос о вашем переводе в 144-й стрелковый полк является сугубо партийным делом. Его поставила партийная организация дивизии, и она вместе с командованием была уверена, что вы, опираясь на партийную организацию полка, сможете вывести его из отстающих. Партийная организация в полку крепкая. Ей необходим лишь хорошо подготовленный, опытный в военном отношении командир. Вы свое дело знаете, любите его. Я уверен, что эта задача в тех условиях, в которых вам придется трудиться, выполнима. С другой стороны, именно ваша серьезная работа в прошлом заставляет меня, как и вашего комдива, отнестись к вашим претензиям внимательно. Так вот, если вы продолжаете настаивать на том, чтобы остаться в 143-м полку, я готов просить народного комиссара об отмене приказа. Дело теперь за вами.

Василевский, выслушав командующего, сказал:

– Я прошу извинения за непростительно отнятое у вас время, товарищ командующий. Разрешите немедленно отправиться к месту новой службы. Заверяю вас, что сделаю все от меня зависящее, чтобы оправдать доверие партии и командования.

Приказом № 725 Реввоенсовета СССР А.М. Василевский в декабре 1928 г. был назначен командиром 144-го стрелкового полка 48-й стрелковой дивизии. С первых шагов знакомства с полком он, как и следовало, ожидать, столкнулся с серьезными недостатками в боевой подготовке, настораживали частые случаи самовольных отлучек и других нарушений воинской дисциплины. Все этому способствовали запущенность учебной базы и казарменного фонда. *«Невольно в голову приходила мысль, – вспоминал Александр Михайлович, – что задача, которая стояла передо мной по выводу полка из прорыва, в этих условиях вряд ли была выполнима»*⁴⁹. Однако он не привык отступать перед трудностями. Его вступление в новую должность совпало со знаменательными событиями в жизни Красной Армии, получившими в отечественной литературе определение «техническая реконструкция Вооруженных Сил». Она опиралась на форсированную индустриализацию государства, милитаризацию его экономики, подчинение целям обороны всех социальных программ. В соответствии с первым пятилетним планом развития РККА (1929–1933) предусматривалось полностью перевооружить армию и флот новейшими образцами военной техники, создать новые технические рода войск (авиацию, бронетанковые войска) и специальные войска (химические, инженерные и др.), модернизировать старое оружие и военную технику, моторизовать пехоту, кавалерию и артиллерию, а также осуществить массовую подготовку технических кадров⁵⁰. По численности РККА не должна была уступать вероятным противникам на главном театре военных действий – Западном, а по технике – быть сильнее противника по трем решающим видам вооружения, а именно самолетам, артиллерии и танкам.

В ходе реализации пятилетнего плана развития Красная Армия получила усовершенствованный станковый пулемет «максим», модернизированную трехлинейную винтовку С.И. Мосина образца 1891/30 гг., 45-мм противотанковую, дальнобойные и скорострельные 122-мм и 152-мм пушки. В войска поступали легкие танки Т-18, Т-26, БТ-2 и БТ-5, средние и тяжелые танки Т-28 и Т-35, танкетки Т-27, плавающие танки Т-37 и Т-38, новые радиостанции, телефонные и телеграфные аппараты, средства механизации и электрификации инженерных работ. В Военно-воздушных силах появились более совершенные истребители И-5, тяжелые бомбардировщики ТБ-2, легкие бомбардировщики Р-5 (они же самолеты-разведчики) и штурмовики ТШ-2. Одновременно совершенствовалась и организационная струк-

⁴⁹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 564.

⁵⁰ См.: История Второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. М.: Воениздат, 1973. Т. 1. С. 258.

тура войск. В состав стрелковой дивизии впервые включается танковый батальон, в 2 раза увеличивается количество пулеметов, в 2,7 раза – артиллерийско-минометное вооружение. Стрелковый корпус вместо двух корпусных артиллерийских дивизионов получил два артиллерийских полка, отдельный зенитно-артиллерийский дивизион и саперный батальон.

В первой половине 30-х гг. на подъеме находилась военно-теоретическая мысль. Ее развитие не мыслилось без изучения марксистско-ленинской теории, без которой, по мнению наркома по военным и морским делам К.Е. Ворошилова, нельзя было обойтись в Красной Армии⁵¹. Военные теоретики исходили из возможности войны, как между империалистическими державами, так и коалиции их против СССР. При этом считалось, что во всех случаях победу одержит именно Советский Союз, которого морально поддержат трудящиеся всех стран, якобы «кровно заинтересованные в сохранении мира». В теоретических работах проводилась мысль о том, что будущая война станет мировой. В войне примут участие весь народ, многомиллионные армии, оснащенные самым современным оружием и военной техникой. Военные действия развернутся на огромных территориях, на суше, на море и в воздухе.

В 1932 г. под руководством начальника Штаба РККА А.И. Егорова, сменившего на этом посту Б.М. Шапошникова, были доработаны тезисы «Тактика и оперативное искусство РККА начала тридцатых годов», автором которых являлся погибший 12 июля 1931 г. в авиационной катастрофе начальник Оперативного управления – заместитель начальника Штаба РККА В.К. Триандафиллов. В тезисах отмечалось, что новые средства борьбы (авиация, артиллерия РГК, танки) позволяют «поражать противника одновременно на всей глубине его расположения в отличие от нынешних форм боя и атаки, которые можно характеризовать как последовательное подавление отдельных расчленений боевого порядка»⁵². С учетом этого была разработана теория глубокого боя и операции, основа которой была заложена в трудах К.Б. Калиновского, В.К. Триандафиллова, М.Н. Тухачевского и других военных теоретиков.

Сущность теории глубокой операции и боя заключалась в одновременном подавлении обороны противника совместными ударами артиллерии и авиации на всю глубину и в прорыве ее тактической зоны на избранном направлении с последующим стремительным развитием тактического успеха в оперативный, который мыслилось достичь вводом в бой или сражение эшелона развития успеха (танков, мотопехоты, конницы) и высадкой воздушных десантов. Это была принципиально новая теория, которая основывалась на применении массовых, технически оснащенных армий и указывала выход из своеобразного «позиционного тупика», в который зашла было военная мысль в поисках форм и методов прорыва заранее подготовленной, сильно укрепленной обороны.

Отечественная военная мысль в начале 30-х г. признавала не только правомерность, но и необходимость обороны. Но постоянно подчеркивалось, что оборона – это вспомогательный вид военных действий и что обороной не только войну, но и сражение выиграть нельзя.

Новые теоретические разработки, изменения организационно-штатной структуры войск, их техническое совершенствование выдвинули на первый план более ответственные задачи в обучении командиров, штабов и личного состава. В приказе Реввоенсовета СССР № 340/70 от 6 ноября 1929 г. «Об итогах боевой подготовки РККА и Флота за 1928/29 год и об учебных целях на 1929/30 учебный год» требовалось «путем широких тренировок овладеть формами глубокого боя с одновременным поражением боевого порядка противника на всю его глубину»⁵³. В Московском военном округе на учениях и маневрах отрабаты-

⁵¹ См.: *Ворошилов К.Е.* Оборона СССР. М., 1937. С. 626.

⁵² Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917–1940 гг.). М., 1965. С. 375, 377–378.

⁵³ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3268. Л. 139; Оп. 15. Д. 72. Л. 417.

лись следующие опытные темы: «Выделение передовых батальонов при наступлении на укрепившегося противника»; «Использование моторизованного отряда дивизией при преследовании противника»; «Наступление ударной дивизии на обороняющегося противника»; «Бой механизированной бригады, конницы и легкобомбардировочной эскадрильи со стрелковыми частями, усиленными моторизованным отрядом»; «Преследование механизированным отрядом, конницей и авиачастями противника»⁵⁴.

Под руководством Василевского 144-й стрелковый полк постепенно выбрался из разряда отстающих. В августе 1930 г. в приказе по дивизии «Об итогах боевой подготовки, соцсоревнования и ударничества новобранческого сбора» отмечалось: «Подготовка стрелковых полков дивизии не имеет резкой разницы, если не считать 144 сп, который по отдельным дисциплинам имеет показатели несколько выше, чем в 142-м и 143-м стр[елковых] полках... Командиру 144 сп т. Василевскому и военкому т. Шкуратенко за более успешную подготовку полка объявляю благодарность и награждаю каждого месячным окладом и местом в доме отдыха в Крыму или на Кавказе...»⁵⁵

Осенью 1930 г. А.М. Василевский впервые познакомился с офицерами германского рейхсвера, которые присутствовали на окружных маневрах. Цель маневров – тренировка начсостава и войск в организации и ведении общевойскового боя. На стороне «красных» действовали Московская Пролетарская стрелковая дивизия, 2-й корпусной и 108-й артиллерийские полки, танковый отряд, зенитный артиллерийский дивизион, 10-я авиационная бригада, 18-й авиационный отряд, 25-й авиационный парк, зенитно-пулеметная, прожекторная и саперная роты. «Синяя» сторона была представлена 48-й стрелковой дивизией, 1-й особой кавбригадой, химической ротой, 38-й авиаэскадрилей, 20-м авиаотрядом и 40-м авиационным парком. Всего на маневрах участвовало около 23,4 тыс. человек, 114 легких и 22 тяжелых орудия, 482 пулемета, 124 автомобиля, 12 бронемашин, 20 танков и 81 самолет⁵⁶.

Маневры проводились в районе Москва, станция Поварова, Воскресенск, Звенигород. Кто тогда мог знать, что через одиннадцать лет здесь развернутся тяжелые бои на подступах к Москве. По условиям маневров 25 сентября северо-восточнее города Истры в районе Холмы, Никольское, Воскресенск, Подпорино, Еремеево произошло фланговое столкновение «синих» и «красных». В результате «синие» отошли на запад за реку Истру фронтом на восток. 26 сентября были отработаны следующие вопросы: оборона «синих» на рубеже устье реки Малая Истра, Михайловка; наступление «красных»; контрнаступление «синих» силами 142-го стрелкового полка и 1-й особой кавбригады во фланг и в тыл «красным»; преследование «красных» с целью их окружения; выход из боя «красных» и их отход за реку Москва. На следующий день отработывались организация обороны «синих» и подготовка «красных» к наступлению с форсированием водной преграды, а 28 сентября – оборона и отход «синих», наступление «красных» с форсированием реки и преследование «синих» с задачей их окружения.

В ходе маневров 144-й стрелковый полк получил отличную оценку. К тому времени Василевский зарекомендовал себя умелым организатором боевой подготовки и грамотным методистом. Это не осталось без внимания. В.К. Триандафиллов, давно приглядывавшийся к перспективному командиру, сказал ему:

– Александр Михайлович, в интересах дела в ближайшее время Вы будете переведены на работу в центральный аппарат наркомата по военным и морским делам.

⁵⁴ РГВА. Ф. 25883. Оп. 4. Д. 495. Л. 116–153.

⁵⁵ Цит. по: Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы). С. 24.

⁵⁶ РГВА. Ф. 25883. Оп. 3. Д. 558. Л. 586.

Казалось бы, лестное предложение для командира полка? Но Василевский, верный своей привычке не спешить при рассмотрении серьезных вопросов, ответил:

– Владимир Кириакович, я прошу Вас оставить меня в 48-й стрелковой дивизии.

Однако Триандафиллов считал вопрос уже решенным. 1 февраля 1931 г. приказом № 222 РВС СССР Василевский был назначен помощником начальника 2-го отдела Управления боевой подготовки РККА. Но прежде чем продолжить наш рассказ о его работе в этом управлении, отметим, что в августе в жизни Александра Михайловича произошло еще одно событие, имевшее большое значение для успешной военной карьеры любого командира Красной Армии. Василевский был принят в кандидаты в члены ВКП(б). В этом качестве находился почти семь лет, так как в связи с партийными чистками по решению ЦК ВКП(б) прием в партию до конца 1936 г. был прекращен. И лишь в марте 1938 г. на открытом партийном собрании Генштаба РККА Александр Михайлович был переведен в члены партии. Это решение утвердила партийная комиссия Политуправления РККА.

Глава 2

ЦЕННЫЙ ОПЕРАТИВНЫЙ РАБОТНИК

А.М. Василевский, прибыв в Москву, поселился в Сокольниках на 11-й Сокольнической улице, напротив Ворошиловских казарм, в пятиэтажном кирпичном доме, который жители этого района называли «военным». В квартире из трех комнат, где уже проживали две семьи, Василевским досталась самая большая – метров шестнадцать – восемнадцать. Газа в доме не было, а в маленькой кухне стояли керосинки.

В Управлении боевой подготовки А.М. Василевский познакомился с будущим Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым. *«Мое первое знакомство с ним произошло в начале 1931 года, – вспоминал Александр Михайлович, – в Наркомате по военным и морским делам, куда мы одновременно прибыли для прохождения службы. Он был назначен как отличный командир-методист на должность помощника инспектора кавалерии Красной Армии»*⁵⁷. В свою очередь, Г.К. Жуков отмечал: *«Инспекция кавалерии РККА работала в тесном контакте с Управлением боевой подготовки Красной Армии. Там я впервые познакомился с Александром Михайловичем Василевским, с которым нас в годы Великой Отечественной войны объединяла совместная работа на фронтах в качестве представителей Ставки Верховного Главнокомандования. Уже тогда Александр Михайлович превосходно знал свое дело, так как долгое время командовал полком и досконально изучил специфику боевой подготовки. В управлении к нему относились с большим уважением»*⁵⁸.

А.М. Василевский, имевший богатый практический опыт, быстро освоил новые обязанности. О том, какой объем работы приходилось ему выполнять, наглядное представление дает аттестация, составленная на Василевского 27 июня 1932 г. В ней отмечалось: *«В занимаемой должности один год. За это время проявил себя как командир с большими организационно-методическими навыками в области подготовки начсостава и бойца; быстро схватывающего обстановку, напористого, гибкого тактика; способного военно-научного работника; четкого, аккуратного, исполнительного, быстрого и точного, не нуждающегося в подталкивании штабного работника; хорошего стрелка из всех видов стрелкового оружия. Тов. Василевский отлично справляется с техническим редактированием [“Бюллетеня боевой подготовки”], научным редактированием [журнала “Военный вестник”], с большой тщательностью прорабатывая материал, проявляя необходимое критическое чутье. На военных играх т. Василевский проявляет гибкость в оценке обстановки, осторожность в принятии решения, быстроту и решительность в проведении решения в жизнь. Вполне владеет командным языком, четко и быстро формулирует устные и письменные распоряжения. Лично сам проводит занятия с большой почтительностью и тактом. Отличительной особенностью в работе т. Василевского является вдумчивость, быстрота, точность и своевременность. За порученное т. Василевскому дело н[ачальни] к может быть спокоен как в отношении качества, так и срока. Скромный в личной жизни, тактичный, хороший товарищ, настойчивый и напористый в работе – таковы личные качества т. Василевского. Кандидат партии, активный общественник. Много работает над расширением своего военно-тактического кругозора. До назначения в штаб УБП коман-*

---

⁵⁷ Цит. по: *Василевский А.М.* Маршал Жуков // Маршал Жуков: полководец и человек. Т. 1. М., 1988. С. 138.

⁵⁸ Цит. по: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 3-х томах. 10-е изд., доп. по рукописи автора. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1990. Т. 1. С. 176.

додал б лет полком. Занимаемой должности вполне соответствует. Достоин продвижения на должность н[ачальни]ка штаба корпуса – командира дивизии в очередном порядке»⁵⁹.

В войсках по-прежнему значительное внимание уделялось отработке вопросов, связанных с теорией глубокого боя⁶⁰. Летом 1933 г. в Приволжском военном округе под руководством начальника Штаба РККА А.И. Егорова состоялись опытные учения по практической отработке «Временной инструкции по организации глубокого боя», изданной в феврале того же года. При главном руководителе состоял штаб, сформированный из работников Управления боевой подготовки, Штаба РККА, инспекций и управления бронетанковых войск. Штаб по руководству учениями возглавлял А.М. Василевский. Его деятельность получила высокую оценку. В заключении Высшей аттестационной комиссии от 15 сентября подчеркивалось: «Тов. Василевский хорошо подготовленный командир. Умело и поучительно проводит занятия с начсоставом. Требовательный к себе и подчиненным. Признать соответствующим занимаемой должности и должности помкомдива»⁶¹.

В своих мемуарах Василевский пишет, что в связи с необходимостью усилить аппарат штаба Приволжского военного округа его направили туда начальником отдела боевой подготовки. Однако причина этого назначения была иная. В 1933 г. у Василевского появилась новая возлюбленная, Екатерина Васильевна Сабурова, работавшая в наркомате обороны. Она родилась в Астрахани в семье врача. Ее отец умер в 1919 г., а мать – двадцать лет спустя. Роман с Сабуровой послужил причиной развода Александра Михайловича в 1934 г. с первой женой⁶².

После того как Василевский сообщил жене о том, что у него есть новая избранница, Серафима Николаевна ушла в другую комнату, принесла оттуда коричневый чемодан и сказала:

– Собирай свои вещи и уходи!

Время было позднее. У подъезда дома Василевский встретил Жукова.

– Ты, Саша? – спросил он, подходя. – Куда собрался, в командировку? А я вот только что из нее вернулся. Ездил с Буденным в Гороховецкие лагеря. Ты почему молчишь?

– Мы с Серафимой разошлись... – наконец выдохнул Александр Михайлович. – У меня есть другая женщина, и я крепко ее полюбил.

– Ты что, Саша? – испугался за друга Жуков. – Тебя завтра же потащат на партбюро за это самое дело... Ты же знаешь, что у нас, военных, да еще коммунистов, разводы не в почете!

– Что теперь об этом говорить! – вздохнул Василевский. Он помялся. – Ну, я пошел.

– Ты на ней хочешь жениться? – поинтересовался Жуков.

– Да, и как можно скорее...

– Тогда до завтра! – Он подал другу руку. – Надо будет как-то уладить твое семейное дело...

Г.К. Жуков в то время был секретарем партбюро Штаба РККА. Ему начальник Штаба РККА поручил разобраться в этом деле. И видать, Василевский, не без содействия Жукова, был переведен в штаб Приволжского военного округа. 20 декабря 1934 г. приказом № 1280 наркома обороны Василевский назначается начальником 2-го отдела (боевой подготовки)

⁵⁹ Цит. по: Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы) / Сост. В.А. Афанасьев, А.Н. Пономарев. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2008. С. 45–47.

⁶⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1519. Л. 1–7; Оп. 3. Д. 3268. Л. 134–146; Оп. 20. Д. 15. Л. 12–13.

⁶¹ Цит. по: Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы). С. 46.

⁶² См. подробнее: *Золототрубов А.М.* Василевский: Жезл маршала: Роман / А.М. Золототрубов. М.: ООО; «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 53–54.

этого штаба. Округом командовал 45-летний П.Е. Дыбенко, бывший моряк и нарком по морским делам, ставший затем общевойсковым командиром. Штаб округа возглавлял крупный знаток штабной работы Н.В. Лисовский, а его заместителем был В.Д. Соколовский, впоследствии Маршал Советского Союза. С ним Василевскому пришлось еще не раз встречаться в дальнейшем.

А.М. Василевский, вступив в новую должность, сразу же окунулся в пекло событий. В 1935 г. ему довелось руководить оперативным отделом одной из армий в ходе стратегической полевой поездки на территории Белорусского военного округа. Она была проведена под руководством командующего округом И.П. Уборевича. *«Польза от полевой поездки в Белоруссию для ее участников, – пишет Александр Михайлович, – как и вообще от всех учебных мероприятий, проводившихся такими специалистами военного дела, как И.П. Уборевич, была огромной. Что касается меня лично, то я фактически впервые сумел серьезно проверить свою оперативную подготовку. В рамках Приволжского округа такой возможности мне ранее не предоставлялось»*⁶³.

В 1936 г. А.М. Василевскому было присвоено воинское звание полковника. Тогда же в его карьере произошел новый поворот – его и начальника оперативного отдела штаба Приволжского военного округа полковника С.Г. Трофименко приказом № 02181 наркома обороны от 11 ноября зачислили слушателями первого набора в созданную по решению ЦК ВКП(б) Академию Генерального штаба. Всего на учебу направили 137 человек, в их числе будущих начальника Генерального штаба А.И. Антонова, командующих фронтами И. Х. Баграмяна, Н.Ф. Ватутина, Л.А. Говорова и П.А. Курочкина, начальников штабов фронтов М.В. Захарова, М.И. Казакова, В.Е. Климовских, В.В. Курасова, Г.К. Маландина, А.П. Покровского, Л.М. Сандалова и др.

Академия размещалась в двух домах по Большому Трубецкому переулку. В одном находились учебные аудитории, в другом жили слушатели. Срок обучения составлял 18 месяцев. Академию возглавлял комдив Д.А. Кучинский. Он служил в русской армии, затем вступил в Красную Армию, во время Гражданской войны занимал различные штабные должности, позднее командовал корпусом, возглавлял штаб округа. В академии преподавали такие видные специалисты, как М.И. Алафузо, М.А. Баторский, А.И. Верховский, Я.М. Жигур, Г.С. Иссерсон, Д.М. Карбышев, В.А. Меликов, В.К. Мордвинов, А.А. Свечин, Е.Н. Сергеев, Ф.П. Шафалович, Е.А. Шиловский и др.

Слушатели академии овладевали навыками организации и ведения армейской и фронтовой операций, знакомились с теоретическим курсом стратегии. Значительная часть времени отводилась методике разработки оперативных задач, проведения военных игр и командно-штабных учений в поле со средствами связи. На занятиях с докладами выступали Маршалы Советского Союза М.Н. Тухачевский, А.И. Егоров, командарм 2-го ранга Я.И. Алкснис. Командующие военными округами И.П. Уборевич и И.Э. Якир провели показательные игры на темы «Прорыв подготовленной обороны» и «Ввод в сражение механизированного корпуса».

1 июня слушателям академии был предоставлен летний отпуск. Затем их направили на двухнедельную войсковую стажировку на корабли Военно-Морского Флота. Василевский был отправлен на Балтийский флот. После стажировки слушатели участвовали в штабном учении со средствами связи, проведенном на территории Украинского военного округа с целью практической отработки фронтовой и армейской наступательных операций. На этом и завершилась учеба Василевского в академии. *«Одной из причин этого явились имевшие место в стране, в том числе и в Вооруженных Силах, нарушения ленинских норм партийной и государственной жизни и социалистической законности, – пишет Александр Михайло-*

⁶³ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 81.

вич, – совершенно необоснованные репрессии, в результате которых часть командно-политического и особенно руководящего состава Вооруженных Сил, преподавателей и слушателей академий была арестована. В связи с этим в Вооруженных Силах последовала серия быстрых назначений и перемещений. Свыше 30 слушателей нашей Академии первого набора были направлены на различные, порою довольно высокие командные и штабные должности. Продолжала учение лишь половина, а окончила его – четверть набора»⁶⁴.

А.М. Василевский весьма скромно, не драматизируя, оценивает репрессии, захлестнувшие армию и флот. Всего в июне – ноябре 1937 г. армия потеряла не в бою, а по злой воле Сталина и его приближенных 15 140 командиров и политработников, в том числе 5 командующих войсками военных округов, 22 командира корпуса, 70 командиров дивизий и бригад⁶⁵. Аресту и расстрелу подверглись многие из тех, с кем А.М. Василевскому приходилось встречаться по делам службы. Среди них – П.Е. Дыбенко, Н.В. Куйбышев, Д.А. Кучинский, А.Я. Лапин (Лапиньш), Н.И. Муралов, А.М. Перемытов, А.И. Седякин, И.С. Уншлихт, Г.Д. Хаханьян и др. Бывший начальник Штаба РККА, а затем Генштаба маршал А.И. Егоров умер в тюрьме.

В своих мемуарах А.М. Василевский не говорит о том, подвергался ли он аресту или преследованию. П.Ф. Белов, автор книги «Маршал Василевский: Честь и верность», приводит запись беседы с адъютантом маршала полковником М.И. Сорокиным⁶⁶.

– Товарищ полковник... Маршалу довелось общаться по службе с Тухачевским, Уборевичем, Корком, с другими известными военачальниками – мнимыми врагами народа... Да и происхождение – поповское... Не может быть, чтобы и над ним угроза не нависала...

– Что с вами сделаешь, вы земляки маршала, – после некоторого раздумья сказал Сорокин. – Да, тучи сгустились. Но кто-то Александра Михайловича предупредил. Он – к Шапошникову, которого знал с двадцать седьмого года, когда был командиром полка, а Борис Михайлович командовал войсками Московского округа. Потом под руководством Шапошникова ваш земляк начинал работать в Генштабе... Бориса Михайловича очень ценил и уважал Сталин. Немногим дозволялось называть вождя по имени-отчеству, Шапошникову – дозволялось. Шапошников пошел к Сталину и решительно воспротивился наговорам на любимого ученика. Тем все и кончилось.

Племянник маршала Василевского Наркисс Евхаритский объяснял Белову ту же историю по-другому:

– Полковник Сорокин мог и не знать, при каких обстоятельствах Шапошников спас дядю Шуру. А может, и знал, да не хотел говорить... Но версия, что кто-то предупредил Александра Михайловича о готовящемся аресте, доверия не вызывает. Такие смельчаки были редки. Дядя Шура, скорее всего, в застенках побывал. Однажды Шапошников позвонил его жене Екатерине Васильевне и спросил, где муж. «Уехал на работу». Однако в Генштаб Василевский не явился и назавтра. Тогда Борис Михайлович пошел к Сталину...

Где три дня пропадал Василевский, так и остается загадкой? Но зато достоверно известно, что временно руководивший Академией Генштаба комбриг Я.М. Жигур приказал ему принять кафедру тыла. «Назначение для меня было совершенно непонятно, так как я в данной области специально никогда не работал, – вспоминал Александр Михайлович. – Однако мне было сообщено, что назначение сделано по представлению прежнего командования Академии и уже санкционировано начальником Генерального штаба. Таким образом, я волею судеб оказался вдруг в роли не только преподавателя, но и начальника кафедры

⁶⁴ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 84.

⁶⁵ См.: Репрессии в Красной армии (30-е годы): Сборник документов из фондов Российского государственного военного архива. Наполи, 1996. С. 304, 306.

⁶⁶ Подробнее см.: *Белов П.* Маршал Василевский: Честь и верность. Иваново: Изд-во «Ивановская газета», 1995.

такого ответственного учебного заведения, как Академия Генерального штаба»⁶⁷. Добавим, что в то время Генштаб возглавлял Шапошников, который и в дальнейшем будет помогать Василевскому⁶⁸.

В новой должности Василевский пробыл недолго. В октябре 1937 г. его вызвал на беседу Шапошников.

– Садитесь, голубчик, – сказал Борис Михайлович. – Я вас немного знаю по Московскому военному округу, когда вы полком командовали. А теперь вот познакомился с аттестациями на вас как оперативного работника в штабе Приволжского военного округа. Это очень важное сочетание: опытный строевой командир и оператор. Хочу предложить вам перейти в Генштаб, возглавить отдел оперативной подготовки высшего комсостава. Как смотрите на это?

– Я хотя и знаком с оперативной работой, но в иных, значительно меньших, масштабах. По плечу ли новое назначение?

– Это хорошо, что вы стремитесь объективно соизмерять свои силы, – заметил Шапошников. – Что касается масштабов, то они неизбежно должны раздвигаться по мере роста самого работника. Думаю, общими усилиями мы справимся со всеми делами, хотя дел действительно много. Пугать вас не хочу, но и правды скрывать не стану: работать придется до изнеможения...

В должности начальника 10-го отделения 1-го отдела Генштаба А.М. Василевскому приходилось решать различные задачи, в том числе связанные с разработкой проектов приказов и директив наркома обороны и начальника Генштаба на новый учебный год. Во время боевых действий в районе озера Хасан в июле – августе 1938 г. Василевский по приказу начальника Генштаба дежурил у телеграфного аппарата, в комнате, оборудованной для этой цели напротив кабинета наркома обороны. Итоги вооруженного конфликта были рассмотрены 31 августа на заседании Главного военного совета и нашли отражение в приказе № 0040 «О результатах рассмотрения Главным военным советом РККА вопроса о событиях на озере Хасан и мероприятиях по оборонной подготовке дальневосточного театра военных действий», подписанном 4 сентября наркомом обороны Ворошиловым⁶⁹. В приказе отмечалось, что в обучении войск Дальневосточного фронта имеются серьезные недостатки, в которых обвинили командующего фронтом маршала В.К. Блюхера. Его причислили к «врагам народа», отстранили от должности и 22 октября арестовали. 9 ноября он погиб от жестоких истязаний в бериевских застенках.

По поручению начальника Генштаба А.М. Василевский принимал участие в подготовке приказа наркома обороны № 113 «О боевой и политической подготовке войск на 1939 учебный год» от 11 декабря. В нем перед войсками были поставлены весьма ответственные задачи, в том числе по отработке вопросов взаимодействия всех родов войск и изучению опыта современных войн.

В феврале 1939 г. А.М. Василевский, оставаясь начальником отделения оперативной подготовки, был назначен по совместительству врио помощника начальника 1-го отдела Генштаба, он же начальник 6-го отделения. В июне его избавили от приставки «врио». В новом качестве он участвовал в планировании и обеспечении руководства боевыми действиями на р. Халхин-Гол, во время похода Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию и в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг.

---

⁶⁷ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 84.

⁶⁸ 11 декабря 1938 г. приказом № 2585 наркома обороны СССР А.М. Василевскому были присвоены все права окончившего Академию Генерального штаба РККА.

⁶⁹ На границе тучи ходят хмуро... (К 65-летию событий у озера Хасан): Сборник документов и материалов. М.: ООО «Триада-фарм», 2003. С. 308–313.

По свидетельству А.М. Василевского, под руководством начальника Генштаба Б.М. Шапошникова был разработан частный «план отражения агрессии» с учетом возможности возникновения конфликта между СССР и Финляндией. Этот план, в разработке которого участвовал и Александр Михайлович, был одобрен наркомом обороны. Замысел состоял в том, чтобы основательно подготовиться к ведению боевых действий с привлечением значительных сил, которым предстояло действовать предельно быстро. Но тогда план Шапошникова не был поддержан Сталиным, считавшим, что для разгрома Финляндии «нет необходимости в таком количестве войск». Командующему войсками Ленинградского военного округа командарму 2-го ранга К.А. Мерецкову было поручено разработать новый вариант плана прикрытия границы при возникновении конфликта. Такой документ под названием «План операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии» 29 октября был одобрен Генштабом и утвержден маршалом Ворошиловым. В соответствии с планом советские войска должны были совершить вторжение на финскую территорию на всех направлениях с целью растащить группировку сил противника и во взаимодействии с авиацией нанести ему решительное поражение. Главный удар наносился с Карельского перешейка, чтобы разгромить основные силы финской армии в районе Сортавала, Виипури, Кякисальми (Кексгольм).

Пока войска готовились к военным действиям между СССР и Финляндией, велись переговоры о мирном разрешении спорных территориальных вопросов, но компромисса найти не удалось. К концу ноября группировка советских войск (14, 9, 8 и 7-я армии) насчитывала около 422,6 тыс. человек, до 2500 орудий и минометов, 2 тыс. танков, 1863 боевых самолета⁷⁰. Действия 14-й армии поддерживал Северный флот, а 7-й армии – Балтийский флот и Ладожская военная флотилия; всего немногим более 200 боевых кораблей и судов.

Вооруженные силы Финляндии совместно с обученным резервом насчитывали около 600 тыс. человек, около 900 орудий, 27 исправных танка и 270 самолетов⁷¹. В ходе военных действий Англия, Франция и некоторые другие страны поставили в Финляндию до 100 тыс. винтовок, свыше 6 тыс. пулеметов, 500 орудий, 350 самолетов, 160 млн патронов и 2,5 млн снарядов⁷². Финская армия была хорошо обучена для ведения оборонительных и наступательных боев в лесисто-болотистой местности, которая имела слабо развитую сеть железных и шоссейных дорог. По плану финского командования намечалось с боями отойти к линии Маннергейма и там остановить советские войска.

Официальным поводом для перехода в наступление войск Ленинградского военного округа послужил инцидент, происшедший на советской территории в районе селения Майнилы. *«По сообщению штаба Ленинградского военного округа 26 ноября в 15.45 наши войска, расположенные в километре северо-западнее Майнилы, – отмечалось в центральной советской прессе, – были неожиданно обстреляны с финской территории артогнем. Всего финнами было произведено 7 орудийных выстрелов: убиты три красноармейца и один младший командир, ранены 7 красноармейцев, один младший командир и один младший лейтенант»*. После этого между правительствами СССР и Финляндии начался обмен нотами, в которой ни одна из сторон не признавала себя виновной в происшедшем. 28 ноября советское правительство заявило, что «с сего числа считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией». На следующий день правительство Финляндии, стремясь избежать войны, сообщило о своем согласии на отвод войск, но было уже поздно.

⁷⁰ См.: Дайнес В. Бронетанковые войска Красной Армии / Владимир Дайнес. М.: Яуза: Эксмо, 2009. С. 128.

⁷¹ См.: Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 191.

⁷² См.: История второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. М.: Воениздат, 1974. Т. 3. С. 363.

29 ноября нарком обороны маршал Ворошилов приказал войскам Ленинградского военного округа в 8 часов 30 минут следующего дня начать наступление против финской армии. Для руководства «всеми операциями и всей организационно-творческой работой, связанной с фронтом», была создана Ставка Главного военного совета РККА в составе И.В. Сталина, наркома обороны К.Е. Ворошилова, начальника Генштаба Б.М. Шапошникова и наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова. С началом боевых действий первый заместитель начальника Генштаба генерал И.В. Смородинов был направлен в штаб Ленинградского военного округа для оказания помощи его командованию. Поэтому А.М. Василевский решением начальника Генштаба временно был привлечен к работе в должности его заместителя по оперативным вопросам.

Войска Ленинградского военного округа, несмотря на все усилия, не сумели прорвать линию Маннергейма. Поэтому 28 декабря Главный военный совет РККА принял решение о приостановке наступления и подготовке к новой операции. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б), состоявшемся в начале января 1940 г., был принят план прорыва линии Маннергейма, разработанный ранее под руководством Шапошникова. 7 января создается Северо-Западный фронт (7-я и 13-я армии) под командованием командарма 1-го ранга С.К. Тимошенко. В подчинении наркома обороны оставались 8, 14 и 15-я армии. К началу февраля группировка советских войск, предназначенная для наступления, насчитывала почти 975,7 тыс. человек, 1558 танков и 257 бронеавтомобилей⁷³.

11 февраля в полдень после продолжительной артиллерийской подготовки (в полосе 7-й армии – 2 часа 20 минут, в 13-й армии – 3 часа) войска Северо-Западного фронта перешли в наступление. В ходе упорных боев войска 7-й армии прорвали вторую полосу обороны линии Маннергейма и к 1 марта вышли на подступы к Выборгу. Соединениям 13-й армии удалось прорвать главную полосу обороны только на отдельных участках.

К этому времени в жизни А.М. Василевского произошло событие, которое сыграло решающую роль в его дальнейшей карьере. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б), на котором присутствовал Василевский, по докладу начальника Генштаба был принят ряд оперативных и срочных решений. Б.М. Шапошников поручил Александру Михайловичу немедленно отправиться в Генштаб, чтобы отдать там все распоряжения, связанные с этими решениями. Вскоре Василевскому позвонил А.Н. Поскребышев, секретарь Сталина, и сообщил, что его ждут в Кремле к обеду. Быстро закончив дела, Василевский через несколько минут уже сидел рядом с Борисом Михайловичем за обеденным столом. Один из очередных тостов Сталин предложил за здоровье Василевского и вслед за этим задал неожиданный вопрос:

– Почему по окончании семинарии вы не пошли попы?

Василевский, несколько смутившись, ответил:

– Товарищ Сталин, ни я, ни мой отец не имели такого желания. Никто из моих братьев не стал священником.

На это Сталин, улыбаясь в усы, заметил:

– Так, так. Вы не имели такого желания. Понятно. А вот мы с Микояном хотели пойти в попы, но нас почему-то не взяли. Почему, не поймем до сих пор.

Беседа на этом не кончилась.

– Скажите, пожалуйста, – продолжил Иосиф Виссарионович, – почему вы, да и ваши братья совершенно не помогаете материально отцу? Насколько мне известно, один ваш брат – ветеринарный врач, другой – агроном, третий – командир, летчик и обеспеченный человек. Я думаю, что все вы могли бы помогать родителям, тогда бы старик не сейчас, а давным-давно бросил бы свою церковь. Она была нужна ему, чтобы как-то существовать.

⁷³ См.: Дайнес В. Бронетанковые войска Красной Армии. С. 132.

– Я с 1926 года порвал всякую связь с родителями⁷⁴. Если бы поступил иначе, то, по-видимому, не только не состоял бы в рядах партии большевиков, но едва ли бы служил в рядах Рабоче-Крестьянской армии и тем более в системе Генерального штаба. За несколько недель до этого впервые за многие годы я получил письмо от отца, о чем немедленно доложил секретарю партийной организации, который потребовал от меня и впредь сохранять во взаимоотношениях с родителями прежний порядок.

Сталина и членов Политбюро, присутствовавших на обеде, этот факт удивил.

– Вам надо немедленно установить с родителями связь, – сказал Сталин, – оказывать им систематическую материальную помощь. Передайте это секретарю парторганизации Генштаба...

Успехи Красной Армии вынудили правительство Финляндии 8 марта начать мирные переговоры с правительством СССР. 12 марта между СССР и Финляндией был подписан мирный договор. Согласно договору с 12 часов следующего дня военные действия были прекращены, граница на Карельском перешейке отодвигалась на 120–130 км (за линию Выборг – Сортавала). К СССР отошли небольшая территория севернее Куолаярви, несколько островов в Финском заливе, финская часть полуостровов Средний и Рыбачий в Баренцевом море, а в аренду на 30 лет передавался полуостров Ханко с правом создания на нем военно-морской базы. Для демаркации новой государственной границы была создана смешанная комиссия, которую с советской стороны возглавил Василевский. Он, подводя итоги ее деятельности, отмечал: «В конечном счете работа была признана удовлетворительной. Ее результаты вполне обеспечивали государственные интересы СССР и в то же время позволяли нам сохранять добрососедские отношения с Финляндией»⁷⁵.

Потери Красной Армии составили: безвозвратные – 126 875 человек, санитарные – 264 908 человек, 3179 танков, в том числе 1904 в боях, а также 422 боевых самолета (из них почти половина потерпела аварию или катастрофу)⁷⁶. Финляндия, по одним данным, потеряла 48 243 человека убитыми и 43 тыс. ранеными⁷⁷, по другим – 95 тыс. убитыми и 45 тыс. ранеными⁷⁸.

В стратегическом отношении итоги войны были в пользу Советского Союза: удалось улучшить положение на северо-западе и севере, создать предпосылки для обеспечения безопасности Ленинграда и Мурманской железной дороги. Однако в политическом отношении достигнутые результаты были не в пользу СССР: резко упал международный престиж страны, выступившей в роли агрессора, произошло ухудшение отношений с другими странами, прежде всего с Англией и Францией, Советский Союз был исключен из Лиги Наций. Не лучше обстояло дело и в военном отношении: ход военных действий показал слабость Красной Армии, укрепил Гитлера в уверенности в возможном разгроме СССР в ходе быстрой кампании в ближайшее время.

Итоги войны с Финляндией в марте 1940 г. были обсуждены на пленуме ЦК ВКП(б). В его постановлении требовалось решительно перестроить систему подготовки и воспитания войск, повысить их боевую готовность и боеспособность. В соответствии с решением ЦК ВКП(б) с 14 по 17 апреля было проведено расширенное заседание Главного военного совета с приглашением представителей центрального аппарата Наркомата обороны, военных округов и академий, участников Советско-финляндской войны. В принятом постановлении «О

⁷⁴ В своей автобиографии А.М. Василевский, как уже отмечалось, писал, что «связь с родителями личная и письменная утрачена с 1924 года».

⁷⁵ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 93.

⁷⁶ См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 213; Советско-финская война 1939–1940 гг. Хрестоматия \ Ред. – сост. А.Е. Тарас. Мн.: Харвест, 1999. С. 315.

⁷⁷ См.: За рубежом. 1989. № 48. С. 18.

⁷⁸ См.: Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 7.

мероприятиях по боевой подготовке, организации и устройству войск Красной Армии на основе опыта войны с Финляндией и боевого опыта последних лет» ставилась задача провести перестройку системы подготовки командных кадров, осуществлять боевую подготовку в соответствии с новыми требованиями боя⁷⁹.

Одновременно произошли изменения в руководстве Наркомата обороны. В мае вместо Ворошилова наркомом обороны был назначен Тимошенко. Новое назначение получил и Василевский, которому в апреле присвоили воинское звание комдив. 21 мая по инициативе Шапошникова он был назначен заместителем начальника Оперативного управления Генштаба. С учетом опыта войны с Финляндией была проведена реорганизация Генштаба. Согласно приказу № 0038 наркома обороны от 26 июля в его состав вошли восемь управлений (оперативное, разведывательное, организационное, мобилизационное, военных сообщений, устройства тыла и снабжения, по укомплектованию войск, военно-топографическое) и три отдела (укрепленных районов, военно-исторический и кадров)⁸⁰. Заместителями начальника Генштаба были назначены генерал-лейтенанты И.В. Смородинов, Н.Ф. Ватутин (он же начальник Оперативного управления) и Ф.И. Голиков (он же начальник Разведывательного управления).

Если Генеральный штаб являлся мозгом армии, то Оперативное управление было мозгом Генштаба. А.М. Василевский, являясь заместителем начальника этого управления, принимал активное участие в разработке ряда важных оперативных документов. Сразу же отметим, что до нападения нацистской Германии на Советский Союз не удалось решить вопрос об организации руководства вооруженной борьбой в ходе войны. Еще в мае 1940 г. в Генштабе был подготовлен для доклада в Политбюро ЦК ВКП(б) проект решения о создании Главного командования на период войны. Но данный документ не был утвержден, а потому осталось в силе прежнее положение о том, что руководство боевыми действиями в случае большой войны будет осуществлять Главный военный совет во главе с наркомом обороны.

Одной из главнейших задач сотрудников Оперативного управления, в том числе Василевского, была разработка плана стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР⁸¹. В этом документе предусматривалось, что нападение на Советский Союз может ограничиться только его западными границами, но не исключалась возможность одновременного удара и со стороны Японии на Дальнем Востоке. Наиболее вероятным противником считалась Германия, на стороне которой могли выступить Италия, Финляндия, Румыния, Венгрия и Турция. Иран и Афганистан, считалось, займут позицию вооруженного нейтралитета. Всего, по подсчетам Генштаба, на западе и востоке Советского Союза могло быть сосредоточено около 270 пехотных дивизий, 11 750 танков, 22 тыс. полевых орудий и до 16,4 тыс. самолетов. При этом Германия вместе с Финляндией, Румынией, Венгрией могли развернуть 233 дивизии, 10 550 танков, до 18 тыс. полевых орудий и 13,9 тыс. самолетов⁸². Наиболее вероятным было сосредоточение главных сил к северу от устья р. Сан, а основной группировки войск – в Восточной Пруссии. Главный удар они могли нанести в направлении на Ригу, Ковно (Каунас) и в дальнейшем на Двинск, Полоцк либо на Ковно, Вильно (Вильнюс), Минск. Одновременно мог последовать удар другой группировки, развернутой по линии Ломжа, Брест в направлении Барановичей, а также высадка морских десантов в районе Либавы (Лиепая) и на побережье Эстонии. В случае выступления Финляндии на стороне Германии предполагалось, что финские войска при поддержке немецких дивизий нане-

⁷⁹ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. I. С. 277; РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2746. Л. 81.

⁸⁰ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1937 – 21 июня 1941 г.). Т. 13 (2–1). М.: ТЕРРА, 1994. Документ № 70.

⁸¹ См. подробнее: *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: Воениздат, 1989. С. 213–217.

⁸² Италия и Турция не рассматривались прямыми противниками, поэтому их силы в расчет не включались.

сут удар по Ленинграду с северо-запада. На юге Польши ожидалось наступление вермахта с фронта Хелм, Томашув, Ярослав на Дубно и Броды в целях выхода в тыл львовской группировки Красной Армии и овладения Западной Украиной. Одновременно из районов Северной Румынии в направлении на Жмеринку возможен был переход в наступление румынской армии и немецких дивизий.

При изложенном варианте действий противника развертывание вооруженных сил Германии выглядело следующим образом. К северу от устья р. Сан (на рубеже Мемель, Седлец) ожидалось сосредоточение до 123 пехотных, 10 танковых дивизий, большей части авиации; к югу от устья р. Сан – до 50 пехотных и 5 танковых дивизий. Не исключалось, что для захвата Украины, а в дальнейшем и Кавказа командование вермахта сосредоточит свои основные силы к югу от устья р. Сан, в районе Седлец, Люблин, с тем, чтобы нанести удар на Киев, сопровождая его вспомогательными ударами из Восточной Пруссии. При таком варианте предполагалось сосредоточение на юге до 110–120 пехотных дивизий, основной массы бронетанковой техники и авиации, а на севере – 50–60 пехотных дивизий и некоторой части танков и самолетов.

В проекте плана подчеркивалось, что «основным, наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является первый вариант ее действий – с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья реки Сан». Для полного развертывания войск Германии на западных границах Советского Союза потребуется 10–15 дней, а румынской армии (30 пехотных дивизий, в том числе 18 пехотных дивизий в районе Ботошани, Сучава) – 15–20 дней. Полное развертывание финской и германской армий ожидалось не ранее как на 20–25-е сутки.

Действия противника на западных морских акваториях ожидалось в трех районах. Немецкий и финский флоты могли сосредоточить свои силы главным образом в Балтийском и Баренцевом морях с задачей блокировать советские военно-морские базы на Балтике, высадить десанты в районе Ливавы и захватить Моонзундский архипелаг, осуществить прорыв в Финский залив и заставить Балтийский флот отойти к востоку, крейсерскими операциями и действиями подводных лодок установить контроль над коммуникациями в Баренцевом море, блокировать порты Мурманска и Архангельска. Итальянский флот мог развернуть свои действия на Черном море. На Дальнем Востоке Япония могла выставить против СССР и Монгольской Народной Республики до 39 пехотных дивизий, 2500 самолетов, 1200 танков и до 4000 орудий. Основная масса ее сухопутных войск, авиации и морского флота нацеливалась против советского Приморья.

С учетом вышеизложенного разработчики плана констатировали: «В данный период при необходимости стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на два фронта необходимо считать основным фронтом Западный». Поэтому предлагалось основные силы Красной Армии развернуть к северу от Полесья. Всего на Западном ТВД намечалось развернуть три фронта: на главном направлении – Северо-Западный и Западный, на юге – Юго-Западный. На Дальнем Востоке планировалось сосредоточить такое количество войск, которое полностью гарантировало бы там устойчивое положение. Эти задачи возлагались на Забайкальский, Дальневосточный фронты и Тихоокеанский флот. Для прикрытия и охраны северного и южного побережья, границ в Закавказье и Средней Азии выделялись минимальные силы.

Недостатком проекта плана стратегического развертывания являлось то, что в нем большое внимание придавалось Северо-Западному стратегическому направлению (в ущерб Центральному) и отсутствовали меры противодействия в случае нанесения противником главного удара на люблинско-киевском направлении.

15 августа 1940 г. произошла очередная смена начальника Генштаба. Приказом № 0094 наркома обороны маршал Шапошников «согласно его просьбы, ввиду слабого здоровья»

был освобожден от занимаемой должности и назначен заместителем наркома обороны⁸³. Генштаб возглавил генерал армии К.А. Мерецков. По его указанию Василевский, которому в июне было присвоено воинское звание генерал-майор, переработал план. 18 сентября он под названием «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940–1941 годы», скрепленный подписями наркома обороны маршала Тимошенко и начальника Генштаба генерала армии Мерецкова, был представлен на рассмотрение Сталину и Молотову⁸⁴. Он был исполнен в одном экземпляре лично Василевским и имел гриф «Особо важно. Совершенно секретно. Только лично».

Какие же изменения внес в новый проект Василевский? Во-первых, ожидалось, что при войне на два фронта Советским Союзом на его границах будут сосредоточены значительно большие силы: около 280–290 дивизий, 30 тыс. полевых орудий средних и тяжелых калибров, 18 тыс. самолетов. Количество танков было прежним – 11 750. Во-вторых, была уточнена численность вермахта – 243 дивизии (из них 8 моторизованных, 15–17 танковых), 10 тыс. танков, от 14 200 до 15 000 самолетов. Количество полевых орудий осталось прежним – 20 тыс. В-третьих, была скорректирована общая численность сил, которые Германия вместе с Финляндией, Румынией и Венгрией могла развернуть на Западе – 253 пехотные дивизии, 15 100 самолетов. Численность танков не изменилась и составляла 10 550 боевых машин. В-четвертых, силы, которые могла сосредоточить Япония против СССР, также были уточнены: до 50 пехотных дивизий, до 3 тыс. самолетов. Численность танков указывалась прежней – 1200 единиц. В-пятых, по-иному решался вопрос по организации обороны страны на Западном ТВД. Главные силы Красной Армии предлагалось развертывать по двум вариантам: к югу или к северу от Брест-Литовска (Бреста). Окончательное же решение зависело от той политической обстановки, которая сложится непосредственно к началу войны. Однако основным считался первый вариант – развертывание главных сил Красной Армии к югу от Брест-Литовска. По мнению маршала Захарова, такое решение противоречило оценке предполагаемых намерений противника, приведенной в новом плане.

Как и в предыдущем проекте, на Западе предлагалось развернуть три фронта – Северо-Западный, Западный и Юго-Западный. В составе Северо-Западного фронта (8-я, 11-я армии) намечалось иметь 17 стрелковых, 4 танковые, 2 мотострелковые дивизии, 2 танковые бригады и 20 авиационных полков. В Западный фронт (3, 4, 10, 13 – я армии) должны были входить 35 стрелковых, 3 танковые, одна мотострелковая и 4 кавалерийские дивизии, 4 танковые бригады и 39 авиационных полков. Наиболее мощным был Юго-Западный фронт (5, 6, 9, 12, 18, 19-я армии) – 69 стрелковых, 3 танковые, одна мотострелковая, 5 кавалерийских дивизий и 2 танковые бригады.

На Северо-Западный фронт предусматривалось возложить следующие основные задачи: оборона побережья Балтийского моря и недопущение совместно с Балтийским флотом высадки морских десантов противника; прочное прикрытие минского и рижско-псковского направлений с целью не допустить вторжения немцев на нашу территорию; овладение во взаимодействии с 3-й армией Западного фронта районом Сейны, Сувалки и выход на рубеж Шиткемен, Филипово, Рачки, чтобы обеспечить занятие 11-й армией более выгодного исходного положения для наступления; нанесение удара в общем направлении на Инстербург, Алленштейн, чтобы совместно с Западным фронтом сковать силы противника в Восточной Пруссии.

В задачи Западного фронта входили: прочное прикрытие минского направления; нанесение по сосредоточению войск одновременного удара с Северо-Западным фронтом в общем

⁸³ См.: Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 290.

⁸⁴ См.: Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 24–29. (Доклад об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы от 18 сентября 1940 года.)

направлении на Алленштейн с целью сковать немецкие силы в Восточной Пруссии; оказание содействия Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки врага ударом левофланговой армии в направлении на Ивангород; развитие в дальнейшем наступления на Радом, чтобы обеспечить действия Юго-Западного фронта с севера.

Для Юго-Западного фронта были определены следующие задачи: прочное прикрытие границы Бессарабии и Северной Буковины; нанесение по сосредоточению войск во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта решительного поражения люблин-сандомирской группировке противника и выход на р. Висла; нанесение в дальнейшем удара в направлениях на Кельце, Петроков и на Краков в целях овладения районом Кельце, Петроков и выхода на р. Пилица и верхнее течение р. Одер.

5 октября 1940 г. новый проект плана стратегического развертывания маршал Тимошенко и генерал армии Мерецков представили Сталину и Молотову. По свидетельству Василевского, Сталин считал, что Германия в случае войны постарается направить свои основные усилия на юго-западе, чтобы, прежде всего захватить наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы. Поэтому Сталин поручил Генштабу переработать план, предусмотрев сосредоточение главной группировки Красной Армии на юго-западном направлении. Эту задачу генерал армии Мерецков возложил на генералов Г.К. Маландина, А.Ф. Анисова и А.М. Василевского.

14 октября план стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза, доработанный с учетом полученных замечаний, был утвержден правительством СССР⁸⁵. Как мы увидим позже, в плане был ошибочно оценен возможный замысел Гитлера. Главный удар войска вермахта нанесли все-таки на западном направлении, а Красной Армии и народу Советского Союза пришлось заплатить слишком высокую цену за просчет наркома обороны, начальника Генштаба и Сталина.

Вскоре А.М. Василевскому была поручена ответственная задача. Его и генерала В.М. Злобина, состоявшего для особо важных поручений при наркоме обороны, в качестве военных экспертов включили в состав правительственной делегации, которая была направлена в Берлин. Делегацию возглавлял председатель Совнаркома и нарком иностранных дел В.М. Молотов. Утром 10 ноября специальный поезд с членами делегации прибыл в столицу Германии. Их сопровождал немецкий посол в СССР граф Ф. фон дер Шуленбург. На Ангальтском вокзале делегацию встречала группа государственных деятелей Германии во главе с министром иностранных дел фон Й. Риббентропом и начальником штаба Верховного командования вооруженными силами Германии генерал-фельдмаршалом В. Кейтелем. После положенного в таких случаях церемониала делегацию разместили в замке Бельвию. В отеле «Кайзергоф» состоялся банкет в честь советской делегации.

В тот же день Молотов в сопровождении советского посла в Берлине, переводчиков и фон Риббентропа отправился в здание имперской канцелярии для встречи с Гитлером. Он, по свидетельству Василевского, попытался вовлечь советскую делегацию в грязную игру, предложив обсудить провокационный план «раздела мира» между Германией, Италией, Японией и СССР. Отвергнув политические инсинуации, Молотов потребовал конкретных ответов на вопросы о политике Берлина в Центральной и Юго-Восточной Европе и целях Германии в Финляндии и Румынии. Не найдя общего языка, стороны разошлись.

Вечером состоялся прием в советском посольстве на Унтер-ден-Линден. Авиаконструктор А.С. Яковлев, также входивший в состав советской делегации, вспоминал, что Гитлер и его коллеги были с членами советской делегации предельно любезны. Обед проходил в атмосфере нормальной дипломатической процедуры, за разговорами о самых пустых и нейтральных вещах.

---

⁸⁵ См.: Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь: 1995. С. 57.

Пока дипломаты вели переговоры, генералы Злобин и Василевский посетили авиационный концерн «Мессершмитт». На военном аэродроме Темпельхоф они осмотрели истребители Me-109, самолеты многоцелевого назначения Me-110. Им подробно рассказывали о тактико-технических данных самолетов, разрешили сделать записи. На следующий день состоялось знакомство с бронетанковой техникой. Во время ее осмотра Василевский познакомился с Э. фон Манштейном, будущим генерал-фельдмаршалом и своим противником. Легкие танки Т-1 и Т-2 особого впечатления на Злобина и Василевского не произвели. В то же время они с интересом выслушали сообщение о формировании ударных танковых групп, прототипа танковых армий, о создании которых мечтали теоретики Красной Армии.

Тем временем переговоры Молотова с руководством Германии не привели к успеху. Оно пыталось втянуть советскую делегацию в обсуждение вопроса о разделе Британской империи, предлагая СССР присоединиться к Тройственному пакту. Цель – побудить Советский Союз перенести центр тяжести своей внешней политики из Европы в Южную Азию и на Средний Восток, где он столкнулся бы с интересами Великобритании. В результате стратегические позиции СССР в Европе были бы ослаблены. Молотов, в свою очередь, ограничился выяснением намерений Германии относительно европейской безопасности и проблем, непосредственно касавшихся СССР, настаивая на выполнении ею ранее подписанных соглашений и обсуждении положения в Турции, Болгарии, Югославии, Греции и Польше⁸⁶.

Утром 14 ноября советская делегация покидала Берлин. От помпезности и от показной приветливости хозяев, пишет Василевский, не осталось и следа: холодные проводы, сухой обмен официальными фразами. Берлин провожал их холодным дождем.

Ответ на германские предложения был дан 25 ноября. Руководство СССР формально выразило готовность «принять проект пакта четырех держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи», но при условии оказать Советскому Союзу содействие в заключении договора о взаимной помощи с Болгарией, создании режима благоприятствования для СССР в черноморских проливах, для чего гарантировать базу в Босфоре и Дарданеллах на условиях долгосрочной аренды для некоторого количества советских военно-морских и сухопутных сил. При этом особо подчеркивалось, что «зона к югу от Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского пролива признается центром территориальных устремлений СССР». Кроме того, требовалось немедленно вывести германские войска из Финляндии, оказать влияние на Японию, чтобы та отказалась от концессий на Северном Сахалине⁸⁷. Все эти условия, по существу, затрагивали интересы Германии, а потому не были ею приняты. А это, в свою очередь, исключало присоединение СССР к Тройственному пакту. Гитлер, убедившись, что Сталин не намерен послушно следовать его указаниям, отдал приказ о форсировании подготовки войны против Советского Союза.

После возвращения в Москву А.М. Василевский включился в подготовку совещания высшего командного состава Красной Армии, намеченного на конец декабря 1940 г., а также оперативно-стратегических военных игр, которые предстояло провести в начале января следующего года. К сожалению, Александру Михайловичу не суждено было принять участие в этих важных мероприятиях, так как в конце ноября он серьезно заболел. Врачи поставили диагноз – крупозное воспаление легких.

К этому времени руководство нацистской Германии активно готовилось к войне против СССР. В Генштабе Сухопутных войск с 29 ноября по 7 декабря 1940 г. была проведена военная игра под руководством первого оберквартирмейстера генерал-майора Ф. Паулюса с целью проверки проекта плана войны с Советским Союзом. На первом этапе разыгрывалось вторжение войск вермахта в приграничную полосу СССР, проводилось «обсуждение

---

⁸⁶ См.: *Бережков В.С* дипломатической миссией в Берлине. 1940–1941. М., 1966. С. 33.

⁸⁷ См.: *Оглашению подлежит. СССР – Германия 1929–1941: Документы и материалы.* М., 1991. С. 287–289.

оперативных возможностей после достижения первой оперативной цели»⁸⁸. На втором этапе отрабатывались действия германских войск при их наступлении до рубежа Минск, Киев, а на третьем – за этим рубежом⁸⁹. Результаты игры были обсуждены 13 декабря с высшим командным составом и учтены в окончательном варианте плана нападения на СССР.

18 декабря Гитлер подписал директиву № 21 под условным наименованием вариант «Барбаросса» («Barbarossa Fall»)⁹⁰. В ней вооруженным силам Германии ставилась задача «разгромить Советскую Россию в ходе одной кратковременной кампании». Замысел состоял в том, чтобы быстрыми и глубокими ударами мощных подвижных группировок севернее и южнее Припятских болот расколоть фронт главных сил Красной Армии, сосредоточенных в западной части России, и, используя этот прорыв, уничтожить разобщенные группировки советских войск западнее линии Западная Двина, Днепр, не допустив их отхода в глубь страны. В дальнейшем планировалось овладеть главными стратегическими объектами – Москвой, Ленинградом, Центральным промышленным районом, Донбассом и выйти на линию Архангельск, Волга, Астрахань, а затем создать «заградительный барьер против азиатской России по линии Волга, Астрахань».

К сожалению, в конце 1940 г. и начале 1941 г. Генштаб Красной Армии не располагал данными о планах вероятного противника. Поэтому основой заданий оперативно-стратегических игр, проведенных под руководством наркома обороны маршала Тимошенко, стали устаревшие к тому времени сведения о возможных планах нацистской Германии. Игры принесли несомненную пользу его участникам. Военный историк П.Н. Бобылев, детально исследовавший ход игр, отмечал, что *«высший командный состав РККА получил хорошую практику в оценке обстановки и принятии решений в сложных условиях, в планировании и материально-техническом обеспечении фронтовых и армейских операций, в вождении крупных подвижных соединений во взаимодействии с авиацией»*⁹¹. Однако начало Великой Отечественной войны показало, что на военных играх прорабатывался такой вариант военных действий, который реальными «западными», то есть Германией, не намечался. Большинство участников игр руководили в них соединениями безотносительно к тому, какие должности они фактически занимали в начале 1941 г.

Разбор игр проводил Сталин, который был явно недоволен действиями «восточных» под руководством генерала армии Павлова, а также итоговым докладом начальника Генерального штаба. В результате Мерецков был освобожден от должности, а начальником Генштаба назначен генерал армии Жуков. К исполнению новых обязанностей он приступил 1 февраля 1941 г.

Материалы декабрьского совещания и военных игр легли в основу приказа № 30 наркома обороны от 21 января 1941 г. о боевой подготовке РККА на зимний период 1940/41 учебного года. В нем требовалось обучать войска только тому, что нужно на войне, и только так, как это делается на войне⁹².

В начале февраля 1941 г. А.М. Василевский был выписан из госпиталя и приступил к выполнению своих обязанностей. К этому времени начальник Оперативного управления генерал Н.Ф. Ватутин подготовил на него аттестацию за 1938–1940 гг. В ней говорилось: *«Тов. Василевский А.М. – преданный делу партии Ленина – Сталина и социалистической Родине командир. Серьезные правительственные задания выполнял хорошо. Всесторонне*

⁸⁸ Paulus F. Ich stehe hier auf Befehl! Frankfurt am Main, 1960. S. 199.

⁸⁹ См.: Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1962. Т. 2. С. 267, 271, 287.

⁹⁰ См.: Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. М., 1987. С. 42–46.

⁹¹ Военно-исторический журнал. 1993. № 8. С. 33.

⁹² ЦАМО. Ф. 2. Оп. 920266. Д. 1. Л. 48.

развитый и хорошо подготовленный в оперативном отношении командир, твердо знающий службу Генерального штаба. Наряду с этим хорошо знает боевую подготовку войск и подготовку войсковых штабов. Обладает высоко развитым чувством ответственности за порученное дело. Дисциплинирован и исполнительен. К подчиненным внимателен и пользуется среди них авторитетом, как опытный, примерный командир, помогающий в работе своим подчиненным. Над собой работает. Обладая широким кругозором, в обстановке большого масштаба разбирается хорошо. Работает вдумчиво и внимательно. Военную тайну хранить может. Ценный оперативный работник. Состояние здоровья требует должного внимания к нему со стороны санитарной службы и правильного режима на служебной работе. Занимаемой должности вполне соответствует. Может быть начальником штаба особого округа, а в военное время – начальником штаба фронта»⁹³.

А.М. Василевский вернулся к исполнению своих обязанностей в то время, как Генштаб снова подвергся реорганизации. 8 марта Совнарком СССР принял постановление, касавшееся изменения его функций. На его основе маршал Тимошенко 15 марта подписал приказ № 0113, согласно которому на заместителя наркома обороны – начальника Генерального штаба, кроме руководства деятельностью управлений Генштаба, возлагалось руководство вопросами снабжения горючим, организации связи, противовоздушной обороны страны и Академией Генштаба⁹⁴. В результате Генштаб утратил часть своих функций и стал на один уровень с другими органами высшего военного управления. Г.К. Жуков в своих мемуарах отмечал: *«Ни мои предшественники, ни я не имели случая с исчерпывающей полнотой доложить И.В. Сталину о состоянии обороны страны, о наших военных возможностях и о возможностях нашего потенциального врага. И.В. Сталин лишь изредка и кратко выслушивал наркома или начальника Генерального штаба. Не скрою, нам тогда казалось, что в делах войны, обороны И.В. Сталин знает не меньше, а больше нас, разбирается глубже и видит дальше. Когда же пришлось столкнуться с трудностями войны, мы поняли, что наше мнение по поводу чрезвычайной осведомленности и полководческих качеств И.В. Сталина было ошибочным»⁹⁵.*

Тем временем Василевский продолжил работу над проектом плана стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР⁹⁶. 11 марта он представил начальнику Генштаба доработанный документ. Что же нового внес Василевский в план по сравнению с предыдущим вариантом? Во-первых, считалось, что Германия имела развернутыми значительно больше дивизий – 260, в том числе 20 танковых и 15 моторизованных. Во-вторых, была уточнена численность сил, которые Германия вместе с Финляндией, Румынией и Венгрией могла развернуть на западных границах СССР, – 268 дивизий, 20 050 орудий, 10 810 танков и 11 600 самолетов. В-третьих, корректировке подверглось количество сил, которые могла выставить на Востоке Япония вместе с Маньчжоу-Го, – до 60 пехотных и одна кавалерийская дивизии, 27 смешанных и 6 кавалерийских бригад, 850 тяжелых орудий. Численность танков и самолетов оставалась прежней. В-четвертых, на Западе и финском фронте предусматривалось сосредоточить значительно больше сил Красной Армии: 171 стрелковую, 27 мотострелковых, 54 танковых и 7 кавалерийских дивизий, 2 отдельные стрелковые бригады и 253 авиационных полка. В остальном в новом проекте плана содержались прежние оценки о возможности развертывания главных сил Германии на юго-востоке от Седлеца до Венгрии с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину. Вспомогательный удар, как и ранее,

⁹³ Цит. по: Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы). С. 77.

⁹⁴ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). Документ № 108.

⁹⁵ Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 329.

⁹⁶ См.: Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 18–22.

ожидался на севере из Восточной Пруссии на Двинск и Ригу. Но не исключались и концентрические удары противника со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи.

А.М. Василевский, оценивая впоследствии план стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР, отмечал, что он предусматривал начало военных действий с отражения ударов нападающего врага. При этом развернутся крупные воздушные сражения, в ходе которых противник постарается обезвредить советские аэродромы, ослабить войсковые, и особенно танковые, группировки, подорвать тыловые войсковые объекты, а также нанести ущерб железнодорожным станциям и прифронтовым крупным городам. В свою очередь, командование Красной Армии намечало силами всей авиации сорвать попытки врага завоевать господство в воздухе и нанести по нему решительные удары с воздуха. Одновременно ожидалось нападение на границы СССР наземных войск с крупными танковыми группировками, натиск которых предстояло сдерживать стрелковым войскам и укрепленным приграничным военным округам совместно с пограничными войсками. Механизированным корпусам, опирающимся на противотанковые рубежи, предстояло своими контрдействиями при поддержке стрелковых войск ликвидировать вклинившиеся в оборону вражеские группировки и создать благоприятную обстановку для перехода Красной Армии в решительное наступление. К началу наступления противника предусматривался выход на территорию приграничных округов войск, подаваемых из глубины СССР. В плане предполагалось, что войска Красной Армии вступят в войну во всех случаях полностью изготовившимися, а автомобилизация и сосредоточение войск будет произведено заблаговременно.

Советская разведка располагала определенной, но не всей, информацией о подготовке к нападению на СССР. Противник умело скрывал свои приготовления к операции «Барбаросса». По указанию Гитлера генерал-фельдмаршал Кейтель 15 февраля подписал специальную «Директиву по дезинформации противника». Пропаганда целиком обрушилась на Англию и прекратила свои обычные выпады против Советского Союза.

И.В. Сталин по линии Главного разведывательного управления и Наркомата государственной безопасности получал информацию о замыслах вероятного противника⁹⁷. В ряде случаев она была близка к истине, иногда даже называлась точная дата нападения нацистской Германии на Советский Союз – 22 июня 1941 г. Однако Сталин, как свидетельствуют многие источники, не доверял этой информации. Кроме того, она не доводилась до такого главного потребителя, как Генштаб. *«Как начальник Генерального штаба, принявший этот пост 1 февраля 1941 года, – пишет Г.К. Жуков, – я ни разу не был информирован И.В. Сталиным о той разведывательной информации, которую он получал лично»*⁹⁸.

Несмотря на это, нарком обороны, начальник Генштаба, командующие приграничными военными округами проводили в жизнь некоторые мероприятия согласно плану стратегического развертывания вооруженных сил. Они не всегда находили поддержку Сталина, под давлением которого приходилось идти на попятную, отменять те или иные решения, что наносило вред делу повышения боевой готовности войск Красной Армии.

Мы не будем подробно перечислять все мероприятия, которые удалось провести в жизнь, а расскажем только о некоторых из них. В частности, 10 апреля по указанию начальника Генштаба генерал Василевский подготовил директиву по оперативному развертыванию войск приграничных военных округов в соответствии с планом стратегического развертывания. В документе говорилось: *«Основные задачи: с переходом в наступление ЮЗФ (Юго-Западный фронт. – Авт.) – ударом левого крыла Западного фронта в общем направлении на Седлец – Радом наступать с ЮЗФ, разбить люблинско-радомскую группировку против-*

⁹⁷ См.: Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. С. 224; Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 39; Известия. 2001. 22 июня.

⁹⁸ Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 362.

ника. Ближайшая задача овладеть Седлец, Луков и захватить переправы через р. Висла. Разработать план первой операции 13-й и 4-й армий и план обороны 3-й и 10-й армий»⁹⁹. Таким образом, по-прежнему исходили из устоявшейся стратегической аксиомы: а) главная угроза – на юго-западном направлении; б) наносим противнику встречный удар, немедленно переходим в контрнаступление и громим вражеские группировки.

Во второй половине апреля с целью усиления состава западных приграничных военных округов началось формирование 10 артиллерийских противотанковых бригад РГК и 4 воздушно-десантных корпусов. 26 апреля военным советам Забайкальского и Дальневосточного военных округов было предписано подготовить к отправке на запад один механизированный, два стрелковых корпуса, две воздушно-десантные дивизии. Одновременно директивой № орг/3/522698 Генштаба ставится задача перевести к 1 июля 1941 г. авиационный тыл ВВС на новую систему и организовать новые районы авиационного базирования¹⁰⁰.

Сталин, не веря в возможность нападения нацистской Германии на Советский Союз в ближайшее время, считал необходимым от обороны перейти к военной политике наступательных действий. Об этом он заявил 5 мая на торжественном собрании, посвященном выпуску командиров, окончивших военные академии и военные факультеты гражданских вузов¹⁰¹.

– Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе, – говорил Сталин. – Красная Армия есть современная армия, а современная армия – армия наступательная.

Но о каком наступлении могла идти речь, если даже к обороне по-настоящему не успели подготовиться?

Все действия политического и военного руководства Советского Союза говорят о том, что они, с одной стороны, были направлены на то, чтобы подготовиться к отражению возможной агрессии, а с другой – не дать повода для обвинения СССР в нагнетании напряженности на западной границе. Так, 8 мая ТАСС опроверг слухи о сосредоточении войск Красной Армии на западных границах. На следующий день СССР разорвал дипломатические отношения с эмигрантскими правительствами Бельгии, Норвегии и Югославии, а 12 мая признал прогерманский режим в Ираке. 13 мая Генштаб направил директиву округам о начале выдвижения на запад с Урала в район Великих Лук 22-й армии, из Приволжского военного округа в район Гомеля – 21-й армии, из Северо-Кавказского военного округа в район Белой Церкви – 19-й армии, из Харьковского военного округа на рубеж Западной Двины – 25-го стрелкового корпуса, а из Забайкалья в район Шепетовки – 16-й армии. Всего в мае из внутренних военных округов на запад перебрасывались 28 стрелковых дивизий и 4 армейских управления. Однако дивизии насчитывали по 8–9 тыс. человек и не располагали полностью предусмотренной по штату боевой техникой.

14 мая командующим войсками приграничных военных округов были направлены директивы, в которых требовалось «с целью прикрытия отомобилизования, сосредоточения и развертывания войск» разработать детальные планы обороны государственной границы, противодесантной и противовоздушной обороны¹⁰². Западный Особый военный округ дол-

⁹⁹ Цит. по: Анфилов В.А. Грозное лето 41 года. М.: Издательский центр «Анкил-Воин», 1995. С. 64.

¹⁰⁰ РГВА. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 450. Л. 26.

¹⁰¹ См.: Сталин И.В. «Современная армия – армия наступательная». Выступления И.В. Сталина на приеме в Кремле перед выпускниками военных академий, май 1941 г. / Публ. подгот. А.А. Печенкин // Исторический архив. 1995. № 2. С. 23–31.

¹⁰² См.: Конец глобальной лжи. Оперативные планы западных приграничных военных округов 1941 года свидетельствуют: СССР не готовился к нападению на Германию // Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 2–15; № 3. С. 4–17; № 4. С. 2–17; № 5. С. 2–15; № 6. С. 2–7.

жен был разработать эти планы к 20 мая, Ленинградский и Киевский Особый – к 25 мая, Прибалтийский Особый – к 30 мая.

Генерал армии Жуков, считая необходимым иметь план, в котором предусматривалось нанесение упреждающего удара по возможному противнику, поручил генералу Василевскому доработать проект «Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». Такой документ был подготовлен к 15 мая¹⁰³. Он был написан от руки Василевским, адресован председателю Совнаркома СССР и не подписан ни наркомом обороны, ни начальником Генштаба. С чем же это было связано? Ответ дает Василевский в своем неопубликованном интервью, датированном 1965 г.: *«Все стратегические решения высшего военного командования, на которых строился оперативный план (на 1940–1941 годы – Авт.), как полагали работники оперативного управления, были утверждены Советским правительством. Лично я приходил к такой мысли потому, что вместе с другим заместителем начальника оперативного управления (Генштаба. – Авт.) тов. Анисовым в 1940 году дважды сопровождал, имея при себе оперативный план Вооруженных Сил, заместителя начальника Генштаба тов. Ватутина в Кремль, где этот план должен был докладываться Сталину... Никаких пометок в плане или указаний в дальнейшем о каких-либо поправках к нему в результате его рассмотрения мы не получали. Не было в плане и никаких виз, которые говорили бы о том, что план был принят или отвергнут, хотя продолжавшиеся работы над ним свидетельствовали о том, что, по-видимому, он получил одобрение. На основе принятых правительством и высшим военным командованием стратегических решений план большой войны на Западе был отработан Генштабом вместе с соответствующими подразделениями Наркомата обороны и командованием западных приграничных округов. Он был также увязан с мобилизационным планом Вооруженных Сил. За несколько недель до нападения на нас фашистской Германии вся документация по окружным оперативным планам была передана командованию и штабам соответствующих округов»*¹⁰⁴.

А.М. Василевский, человек с даром стратегического предвидения, сумел правильно определить намерение противника. В «Соображениях по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» отмечалось: *«Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию от мобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск»*.

В отличие от прежнего плана стратегического развертывания войскам определялись более активные задачи. Первая стратегическая цель действий Красной Армии состояла в разгроме главных сил вермахта, развертываемых южнее линии Брест, Демблин, и в выходе к 30-му дню операции севернее рубежа Остроленка, р. Нарев, Ловичь, Лодзь, Крейцбург, Опельн, Оломоуц. В качестве последующей стратегической цели намечалось из района Катовице перейти в наступление в северном или северо-западном направлении, разгромить крупные силы врага в центре и на северном крыле германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии. Исходя из этого, определялась ближайшая задача – разгром германской армии восточнее р. Вислы и выход на краковском направлении на рубеж

¹⁰³ См.: Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 17–22. (Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза от 15 мая 1941 года.)

¹⁰⁴ Цит. по: Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 65–66.

рек Нарев, Висла и овладение районом Катовице. Для решения этой задачи предусматривалось нанести: главный удар силами Юго-Западного фронта в направлении Краков, Катовице и отрезать Германию от ее южных союзников; вспомогательный удар левым крылом Западного фронта в направлении на Варшаву, Демблин с целью оковывания варшавской группировки и овладения Варшавой, а также содействия Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки. Кроме того, намечалось вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии, Румынии и быть готовыми к нанесению ударов против Румынии при благоприятной обстановке. Переход в наступление с рубежа Чишев, Людовлено планировалось осуществить силами 152 дивизий против 100 германских, а на других участках госграницы вести активную оборону.

Проект плана, разработанный Василевским по указанию Жукова, некоторые исследователи склонны оценивать как «агрессивный». О какой агрессии могла идти речь? Ведь Советский Союз не имел общей границы с Германией, войска которой находились как на территории, оккупированной ими в результате разгрома Польши, так и на территории союзников Германии. И Жуков, и Василевский в данном случае исходили из положений уставов, требовавших атаковать противника, где бы он ни находился. Однако Сталин не только отклонил предложение об упреждающем ударе, но и ответил категорическим отказом на просьбы Тимошенко и Жукова разрешить привести в боевую готовность войска приграничных округов, обвинив их в стремлении спровоцировать Германию на нападение, дать Гитлеру повод для агрессии. 16 мая Жуков был вызван в кабинет Сталина. *«Сталин был сильно разгневан моей докладной и поручил передать мне, – вспоминал Георгий Константинович, – чтобы я впредь такие записки “для прокурора” больше не писал: что председатель Совнаркома более осведомлен о перспективах наших взаимоотношений с Германией, чем начальник Генштаба, что Советский Союз имеет еще достаточно времени, чтобы подготовиться к решающей схватке с фашизмом. А реализация моих предложений была бы только на руку врагам Советской власти»*¹⁰⁵.

И все-таки Сталин был обеспокоен состоянием обороны страны. По его решению в конце мая состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором с докладом о состоянии подготовки страны к обороне выступил начальник Генштаба генерал армии Жуков¹⁰⁶. Он подчеркнул необходимость проведения в стране всеобщей мобилизации, так как в приграничных военных округах не все дивизии были укомплектованы до полного штата, а во внутренних округах большинство соединений содержалось по сокращенным штатам. Особую тревогу у начальника Генштаба вызывали состояние с оснащением войск новой боевой техникой, в том числе танками КВ, Т-34, боевыми машинами БМ-13 («катюши»), а также нехватка танков для укомплектования формирующихся 20 механизированных корпусов, артиллерии, средств связи. Не было завершено строительство укрепленных рубежей вдоль государственной границы. Сталин, подводя итог заседанию, практически поддержал все принципиальные выводы начальника Генштаба¹⁰⁷. Он дал указание о разработке первоочередных конкретных предложений по устранению недостатков в подготовке страны к обороне, которые следовало внести в правительство для принятия решения.

После заседания Политбюро ЦК ВКП(б) были предприняты дальнейшие шаги по подготовке к отражению возможной агрессии. В конце мая Генштаб дал указание командующим войсками военных округов срочно приступить к подготовке командных пунктов. Одновременно начался призыв 793,5 тыс. военнообязанных запаса для укомплектования 21 дивизии

¹⁰⁵ Цит. по: Светлицын Н.А. Крутые ступени судьбы: Жизнь и ратные подвиги маршала Г.К. Жукова. Хабаровск: Кн. изд-во, 1992. С. 57–58.

¹⁰⁶ См.: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 542–550.

¹⁰⁷ Подробнее см.: Сталин И.В. Сочинения. М., 1997. Т. 15.

приграничных округов, частей артиллерии, ПВО и укрепленных районов¹⁰⁸. 4 июня Политбюро ЦК ВКП(б) постановило увеличить численность Красной Армии по мирному времени на 120 695 человек и по военному времени на 239 566 человек.

Это все были робкие шаги, вызванные боязнью «спровоцировать» Гитлера, который уже давно был готов к нападению на Советский Союз. Сталин по-прежнему решительно пресекал все инициативы на местах. По его указанию был запрещен вывод войск западных приграничных военных округов в полосу предполья¹⁰⁹. И только 12 июня командующим этими округами было разрешено к 15 июня вывести дивизии, расположенные в глубине, ближе к госгранице.

Почему же Сталин не верил в возможность нападения Германии? Во-первых, внешняя и военная разведки, если судить из опубликованных сведений, сообщали несколько различных сроков нападения, которые (кроме 22 июня) не сбылись. Во-вторых, сыграла свою роль кампания по дезинформации советского руководства. 14 июня в «Правде» было опубликовано сообщение ТАСС. В нем объявлялось, что все слухи о намерении Германии порвать пакт о ненападении и совершить нападение на Советский Союз лишены основания. Это сообщение дезориентировало командиров Красной Армии и притупило их бдительность. Все эти просчеты в оценке международной обстановки и заигрывание с нацистской Германией роковым образом обернулись против Советского Союза. Оценивая этот документ, А.М. Василевский писал: *«Сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года является, с одной стороны, военно-политическим зондажем, который со всей очевидностью показал, что Германия держит курс на войну против СССР и угроза войны приближается. Это вытекало из гробового молчания фашистских главарей на запрос, обращенный к ним Советским правительством. С другой стороны, это заявление показывало стремление нашего правительства использовать всякую возможность, чтобы оттянуть начало войны, выиграть время для подготовки наших Вооруженных Сил к отражению агрессии. Таким образом, полагаю правильным считать, что сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года является свидетельством заботы партии и правительства о безопасности нашей страны и о ее жизненных интересах. О том, что это сообщение является внешнеполитической акцией, говорит продолжавшееся осуществление организационно-мобилизационных мероприятий, переброска на запад войсковых соединений, перевод ряда предприятий на выполнение военных заказов и т. д. У нас, работников Генерального штаба, как, естественно, и у других советских людей, сообщение ТАСС поначалу вызвало некоторое удивление. Но поскольку за ним не последовало никаких принципиально новых директивных указаний, стало ясно, что оно не относится ни к Вооруженным Силам, ни к стране в целом»*¹¹⁰.

Однако времени на то, чтобы подготовиться к отражению возможной агрессии уже не было. 19 июня генерал армии Жуков направил командующему Киевским Особым военным округом телеграмму с указанием наркома обороны о выводе к 22 июня управления фронта (Юго-Западного. – Авт.) в Тернополь с соблюдением строжайшей тайны. Командующему Прибалтийским Особым военным округом предписывалось 22–23 июня разместить управление Северо-Западного фронта в г. Паневежис. Одновременно намечалось развернуть управление Западного фронта в Обуз-Лесне. Командующим военными округами была поставлена задача в двухнедельный срок отработать вопросы взаимодействия с флотом. К 1 июля требовалось провести мероприятия по маскировке аэродромов, складов, организовать к 5 июля в каждом районе авиационного базирования по 8–10 ложных аэродромов с макетами самолетов, к 15 июля завершить все работы по маскировке артиллерийских и

¹⁰⁸ См.: 50 лет Вооруженных Сил СССР. М.: Воениздат, 1968. С. 250.

¹⁰⁹ См.: Анфилов В.А. Грозное лето 41-го года. С. 97.

¹¹⁰ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 111–112.

мотомеханизированных частей¹¹¹. Флоты и флотилии получили предписание о переходе в оперативную готовность № 2.

Чем ближе становилось время, определенное Гитлером для начала операции «Барбаросса», тем тревожнее становились донесения, поступавшие в Генштаб от приграничных военных округов. В 22 часа 21 июня начальник штаба Прибалтийского Особого военного округа генерал П.С. Кленов сообщил, что немцы закончили строительство мостов через Неман, а гражданскому населению приказали эвакуироваться не менее чем на 20 км от границы, «идут разговоры, что войска получили приказ занять исходное положение для наступления»¹¹². Начальник штаба Западного Особого военного округа генерал В.Е. Климовских докладывал, что проволочные заграждения немцев, еще днем, стоявшие вдоль границы, к вечеру сняты, а в лесу, расположенном недалеко от границы, слышен шум моторов. Начальник штаба Киевского Особого военного округа генерал М.А. Пуркаев сообщил о перебежчике, заявившем, что немецкие «войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня».

Вечером того же дня, 21 июня, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение создать Южный фронт в составе 9-й и 18-й армий. Управление последней выделялось из Харьковского военного округа. Формирование полевого управления Южного фронта возлагалось не на Одесский округ, а на штаб Московского военного округа. Такое решение не отвечало обстановке и было явно неудачным. Личный состав штаба округа не знал театра военных действий и его особенностей, состояния войск, их возможностей и задач. Этим же решением генералу армии Жукову поручалось руководство Южным и Юго-Западным фронтами, а генералу армии Мерецкову – Северо-Западным фронтом.

В связи с тревожными сообщениями нарком иностранных дел СССР Молотов пригласил германского посла Шуленбурга и заявил ему, что Германия без всякого на то основания с каждым днем ухудшает отношения с СССР. Несмотря на неоднократные протесты советской стороны, немецкие самолеты продолжают вторгаться в ее воздушное пространство. Ходят упорные слухи о предстоящей войне между Советским Союзом и Германией. У советского правительства есть все основания верить этому, потому что германское руководство никак не отреагировало на сообщение ТАСС от 14 июня. Шуленбург обещал немедленно сообщить о выслушанных им претензиях своему правительству, хотя отлично знал, что войска вермахта приведены в полную боевую готовность и только ждут сигнала, чтобы двинуться на восток.

В то время как Молотов предъявлял претензии Шуленбургу, генерал армии Жуков, получив доклады от начальников штабов приграничных военных округов, немедленно доложил об этом маршалу Тимошенко и Сталину, который вызвал обоих к себе. В Кремль они приехали, имея на руках проект директивы о приведении войск в полную боевую готовность. По указанию Сталина она была тут же доработана и подписана Тимошенко, Жуковым и членом Главного военного совета Г.М. Маленковым. В директиве, адресованной военным советам Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого, Одесского военных округов и в копии – наркому Военно-Морского Флота, отмечалось, что в течение 22–23 июня возможно внезапное нападение немцев с провокационной целью. Поэтому требовалось не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов следовало быть в полной боевой готовности, чтобы встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников. В ночь на 22 июня предписывалось скрытно занять огневые точки укрепленных районов на

---

¹¹¹ См.: Дни войны в документах. / Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 43.

¹¹² См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. Суровые испытания. С. 99.

государственной границе, рассредоточить перед рассветом по полевым аэродромам и замаскировать всю авиацию, держать войска рассредоточенно и замаскированно. Кроме того, приказывалось привести в боевую готовность ПВО без дополнительного подъема приписного состава, подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов. Какие-либо другие мероприятия без особого распоряжения проводить не разрешалось¹¹³.

Передача директивы в зашифрованном виде из Генштаба в округа закончилась только в 00 часов 30 минут 22 июня. На ее расшифровку требовалось определенное время. А ведь была возможность передать в округа ранее установленный сигнал: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.», что заняло бы всего несколько минут. В штаб Западного Особого военного округа директива поступила в 00 часов 45 минут 22 июня. Через 15 минут командующий округом генерал армии Д.Г. Павлов доложил наркому обороны о том, что в течение последних полутора суток в Сувалкский выступ непрерывно идут немецкие мотомеханизированные колонны. Тимошенко посоветовал Павлову не паниковать, собрать утром штаб, а если будут отдельные провокации – позвонить. Генерал армии Павлов сразу же приказал командующим армиями привести войска в боевое состояние и занять все сооружения боевого типа, и даже недостроенные железобетонные укрепления. Командующие 3, 4, и 10-й армиями и ВВС округа доложили Павлову, что войска и авиация готовы к бою. В 2 часа 25 минут и 2 часа 35 минут директива, полученная из Москвы, была направлена в штабы армий. В штаб Киевского Особого военного округа директива поступила в 1 час 45 минут, а в штабы армий – в 2 часа 35 минут. Однако приказы о приведении войск в боевую готовность в большинстве случаев были получены слишком поздно – до начала артиллерийской подготовки противника оставалось немногим более получаса. И только флот за 3–4 часа до начала войны был приведен в боевую готовность. Нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецова, предупрежденный маршалом Тимошенко, сразу же установленным паролем отдал соответствующие распоряжения.

А.М. Василевский в своих мемуарах попытался дать ответ на вопрос: почему Сталин, зная о явных признаках готовности Германии к войне с Советским Союзом, все же не дал согласия на своевременное приведение войск приграничных военных округов в боевую готовность? *«Само по себе приведение войск приграничной зоны в боевую готовность является чрезвычайным событием, и его нельзя рассматривать как нечто рядовое в жизни страны и в ее международном положении, – пишет Александр Михайлович. – Некоторые же читатели, не учитывая этого, считают, что чем раньше были бы приведены Вооруженные Силы в боевую готовность, тем было бы лучше для нас, и дают резкие оценки Сталину за нежелание пойти на такой шаг еще при первых признаках агрессивных устремлений Германии. Сделан упрек и мне за то, что я, как они полагают, опустил критику в его адрес. Не буду подробно останавливаться на крайностях. Скажу лишь, что преждевременная боевая готовность Вооруженных Сил может принести не меньше вреда, чем запоздание с ней. От враждебной политики соседнего государства до войны нередко бывает дистанция огромного размера. Остановлюсь лишь на том случае, когда Сталин явно промедлил с принятием решения на переход армии и страны на полный режим военного времени. Так вот, считаю, что хотя мы и были еще не совсем готовы к войне, о чем я уже писал, но, если реально пришло время встретить ее, нужно было смело перешагнуть порог. И.В. Сталин не решился на это, исходя, конечно, из лучших побуждений. Но в результате несвоевременного приведения в боевую готовность Вооруженные Силы СССР вступили в схватку с агрессором в значительно менее выгодных условиях и были вынуждены с боями отходить в глубь страны. Не будет ошибочным сказать, что, если бы к тем огромным усилиям партии и народа, направленным на всемерное укрепление военного потенциала страны, добавить*

¹¹³ См.: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 370–371.

своевременное отмобилизование и развертывание Вооруженных Сил, перевод их полностью в боевое положение в приграничных округах, военные действия развернулись бы во многом по-другому»¹¹⁴.

---

¹¹⁴ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 109–110.

Глава 3

ГЛАВНЫЙ ОПЕРАТОР КРАСНОЙ АРМИИ

Начало вторжения войск вермахта на территорию Советского Союза, по свидетельству участников Великой Отечественной войны, было неожиданным. Маршал Г.К. Жуков вспоминал, что первый доклад о налете вражеской авиации на города Белоруссии он получил в 3 часа 30 минут 22 июня 1941 г. от начальника штаба Западного Особого военного округа генерал-лейтенанта В.Е. Климовских. В свою очередь, маршал А.М. Василевский отмечал, что Генштабу Красной Армии только в 4 часа с минутами стало известно от оперативных органов окружных штабов о бомбардировке авиацией противника советских аэродромов и городов. Одновременно или несколько ранее эти данные стали известны руководству Наркомата обороны и почти тут же правительству СССР. К этому времени войска вермахта уже перешли в наступление.

Как это и планировалось ранее, руководство войсками в военное время должен был осуществлять нарком обороны вместе с Главным военным советом. Генерал армии Жуков около 4 часов утра по указанию наркома обороны позвонил И.В. Сталину, доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. Сталин, выслушав начальника Генштаба, сказал, чтобы он вместе с маршалом С.К. Тимошенко прибыл в Кремль. Несмотря на доклад наркома обороны о том, что немцы бомбят города на Украине, в Белоруссии и в Прибалтике, Сталин все еще допускал вероятность провокационного характера их действий. Молотов тут же позвонил в германское посольство. Там ответили, что граф Ф. фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения. Вскоре Молотов вернулся и сообщил, что правительство Германии объявило войну Советскому Союзу.

В 7 часов 15 минут по указанию Сталина члены Главного военного совета маршал Тимошенко, генерал армии Жуков и Маленков подписали директиву № 2, которая была адресована военным советам Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого, Одесского военных округов и в копии наркому ВМФ¹¹⁵. В директиве требовалось всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения наземными войсками границу переходить не разрешалось. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации на глубину германской территории до 100–150 км приказывалось уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск, а также Кёнигсберг и Мемель.

Об атмосфере, сложившейся в Генштабе в начале войны, свидетельствует А.М. Василевский. Основная нагрузка легла на Оперативное управление Генштаба. По образному выражению Александра Михайловича, оно «превратилось в некий улей, куда прилетавшие с линии фронта “пчелы” доставляли информацию, подлежащую немедленной обработке». Она поступала в зал заседаний, где вдоль стен были расставлены рабочие столы. Операторы вели карты обстановки, передавали в войска указания, принимали новую информацию, писали справки и донесения. Группа операторов во главе с полковником В.В. Курасовым обобщала все эти материалы и готовила доклады в Ставку.

Маршал Тимошенко и генерал армии Жуков, учитывая, что вооруженная борьба приобретает все более широкий размах, пришли к выводу, что один человек не в состоянии осуществлять руководство действующей армией. Об этом они в 9 часов утра доложили Сталину, предложив создать Ставку Главного командования. Проект директивы к этому времени уже

¹¹⁵ См.: *Анфилов В.А.* Грозное лето 41-го года. М.: Издательский центр «Анкил-Воин», 1995. С. 135.

был разработан в Генштабе. Однако Сталин решение по этому вопросу тогда не принял, хотя прекрасно понимал, что те, кто по долгу службы должен был руководить военными действиями, ни шагу не сделают без его разрешения. Так, терялось самое драгоценное в той обстановке – время!

Задачи, определенные в директиве № 2 Главного военного совета, были нереальными. Большая часть стрелковых дивизий первого стратегического эшелона была расчленена противником, некоторые оказались в окружении. Механизированные корпуса, способные нанести ощутимые встречные удары, находились на большом удалении от участков прорыва противника. Авиация Красной Армии потеряла около 1200 самолетов, в том числе Западный Особый военный округ – 738 самолетов¹¹⁶. Ситуацию усугубляло и то, что Генштаб не имел точных разведывательных данных о противнике и характере его действий, так как связь со штабами фронтов часто прерывалась. Несмотря на это, первый заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Ватулин, руководствуясь планом стратегического развертывания, подготовил директиву № 3 военным советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов. Эта директива была отправлена адресатам в 21 час 15 минут 22 июня за подписями маршала Тимошенко, генерала армии Жукова и Маленкова. В директиве ближайшей задачей войск на 23–24 июня ставилось: *«а) концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки; б) мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиации Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6 А (армий. – Авт.) окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24.6 овладеть районом Люблин»*¹¹⁷. В полосе от Балтийского моря до границы с Венгрией разрешались ее переход и действия, не считаясь с границей.

В целях оказания помощи командующим фронтами по указанию Сталина на Западный фронт были направлены маршалы Б.М. Шапошников и Г.И. Кулик, а на Юго-Западный фронт – генерал армии Жуков. Таким образом, Генштаб второй день войны встретил без своего начальника. Вся нагрузка теперь легла на Ватутина, который согласовывал свои действия с Жуковым.

23 июня Сталин наконец-то принял предложение Тимошенко и Жукова о создании Ставки. Оно было оформлено протоколом № 34 Политбюро ЦК ВКП(б) в виде постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б). В документе говорилось:

«Создать Ставку Главного Командования Вооруженных Сил Союза ССР в составе тт.: наркома обороны маршала Тимошенко (председатель), начальника Генштаба Жукова, Сталина, Молотова, маршала Ворошилова, маршала Буденного и наркома Военно-Морского Флота адмирала Кузнецова.

*При Ставке организовать институт постоянных советников Ставки в составе тт.: маршала Кулика, маршала Шапошникова, Мерецкова, начальника Военно-Воздушных Сил Жигарева, Ватутина, начальника ПВО Воронова, Микояна, Кагановича, Берия, Вознесенского, Жданова, Маленкова, Мехлиса»*¹¹⁸.

Таким образом, юридически функциями Главнокомандующего был наделен нарком обороны. Однако без санкции Сталина он не имел права отдавать приказы действующей армии. Поэтому фактически Главнокомандующим был Сталин. Все это не только усложняло

¹¹⁶ См.: 50 лет Вооруженных Сил СССР. М.: Воениздат, 1968. С. 259.

¹¹⁷ Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 189–191.

¹¹⁸ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. Суровые испытания. М.: Библиотека; Мосгорархив, 1995. С. 103–104.

управление войсками, но и приводило к запоздалым решениям в быстро меняющейся обстановке на фронте.

Основным рабочим органом Ставки по стратегическому планированию и руководству вооруженной борьбой стал Генштаб. 24 июня на генерала Василевского и начальника Разведывательного управления генерала Голикова была возложена подготовка проектов правительственных сообщений о событиях на фронтах для Советского информационного бюро, созданного в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б). Кроме того, с конца июня Александру Михайловичу приходилось во исполнение приказаний наркома обороны, начальника Генштаба и его заместителей подписывать директивы Генштаба различного содержания¹¹⁹.

30 июня в Генштабе произошла новая перетасовка кадров. Первый заместитель начальника Генштаба генерал Н.Ф. Ватутин был назначен начальником штаба Северо-Западного фронта, а начальник Оперативного управления генерал Г.К. Маландин – начальником штаба Западного фронта. Его сменил генерал-лейтенант В.М. Злобин. Все это сказывалось на качестве работы Генштаба. *«В июньские и июльские дни 1941 года мне, как первому заместителю начальника Оперативного управления, приходилось не раз за сутки бывать у нового начальника Оперативного управления В.М. Злобина, – вспоминал Василевский. – Я его хорошо знал по учебе в Академии Генерального штаба и по совместной поездке в Германию в 1940 году. Это был очень способный, подготовленный, опытный и трудолюбивый, судя по прежней и последующей работе, командир, отличный штабист и хороший товарищ, пользовавшийся авторитетом в коллективе наркомата. Но когда я докладывал ему сведения, получаемые с фронта, и проекты предложений по ним от себя и работников управления, меня каждый раз поражало его спокойствие, казавшееся равнодушием ко всему происходящему»*¹²⁰.

На фронтах события развивались следующим образом. С 23 июня войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронта приступили к проведению контрударов в целях разгрома вклинившихся группировок врага и перенесения военных действий за пределы СССР. Но наспех организованные контрудары в районах Шяуляя, Даугавпилса, Гродно, Луцка и Бродов, при господстве в воздухе авиации противника, лишь незначительно задержали его наступление на некоторых участках. Положение усугубляла потеря управления войсками на ряде направлений Ставкой, командующими фронтами и армиями. В результате приграничные сражения закончились крупным поражением войск Северо-Западного (его армии оказались расчлененными) и Западного (главные силы были окружены западнее Минска и в основном уничтожены) фронтов. Большие потери понес и Юго-Западный фронт, войска которого были вынуждены отойти на рубеж старой государственной границы СССР. Только Северный и Южный фронты сохранили большую часть своих основных сил.

Быстротечность военных действий, резкие изменения обстановки на громадном по протяженности фронте требовали оперативного, решительного и строго централизованного руководства. С этой целью по постановлению ГКО от 10 июля Ставка Главного командования преобразуется в Ставку Верховного командования. В ее состав вошли: Сталин, Молотов, маршалы Тимошенко, Буденный, Ворошилов, Шапошников и генерал армии Жуков. Персональные функции членов Ставки юридически не были определены. Однако решающее слово принадлежало Сталину – Генеральному секретарю ЦК ВКП(б), Председателю ГКО и СНК СССР. Снова принимается половинчатое решение. Одновременно создаются Главные командования Северо-Западного (маршал Ворошилов), Западного (маршал Тимошенко) и

¹¹⁹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1941 год. Т. 23(12—1). С. 58.

¹²⁰ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 483.

Юго-Западного (маршал Буденный) направлений. 19 июля Сталин был назначен наркомом обороны.

22 июля вражеские самолеты осуществили первый налет на Москву. В подвале здания Генштаба было оборудовано бомбоубежище, но оно оказалось совершенно непригодным для работы сотрудников Генштаба. Поэтому было принято решение на ночь Генштабу перебраться в помещение станции метро «Белорусская», где на одной половине перрона были оборудованы командный пункт и узел связи. Другая половина перрона, отгороженная от первой только фанерной перегородкой, с наступлением сумерек заполнялась жителями Москвы, в основном женщинами и детьми. Работать в таких условиях было, конечно, не очень удобно, а самое главное – при ежедневных сборах и переездах терялось драгоценное время, нарушался рабочий ритм. Вскоре сотрудники Генштаба перебрались в здание на улице Кирова, а затем в их распоряжение была передана и станция метро «Кировская». Поезда здесь уже не останавливались. Перрон, на котором расположились сотрудники Генштаба, был отгорожен от путей высокой фанерной стеной. В одном его углу – узел связи, в другом – кабинет Сталина, рядом место для начальника Генштаба, а в середине – шеренги столиков для сотрудников Генштаба.

В условиях развернувшихся сражений, особенно в связи с неблагоприятно сложившейся обстановкой на фронтах и вынужденным переходом войск Красной Армии к стратегической обороне, объем и содержание работы Генштаба чрезвычайно возросли и усложнились. Необходимо было либо вводить новые структурные подразделения в Генеральном штабе, либо передавать эти функции другим органам. Поэтому пошли по второму пути.

28 июля Государственный Комитет Обороны принял постановление № 300, которое определяло организационную структуру и задачи Генштаба, место и роль его начальника в общей системе военного руководства¹²¹. Он наделялся правом подписывать вместе с председателем Ставки приказы и директивы Ставки или отдавать распоряжения по ее указанию. Как заместитель наркома обороны и член Ставки, начальник Генштаба объединял и координировал деятельность управлений наркоматов обороны и ВМФ, готовил заключение о соответствии решениям Ставки намечаемых ими оперативных и организационных мероприятий. В целях освобождения Генштаба от решения задач, не влиявших непосредственно на руководство военными действиями фронтов, из его состава были исключены пять управлений (организационное, мобилизационное, укомплектования войск, военных сообщений и автодорожное)¹²².

Реорганизация Генштаба совпала с неожиданным для Василевского изменением его служебного положения. Оно напрямую было связано с отставкой генерала армии Жукова. 29 июля он, докладывая Сталину о сложившейся обстановке, предложил с целью спасения войск Юго-Западного фронта отвести их за Днепр и сдать Киев. Это предложение вызвало у Сталина ярость. Как можно додуматься сдать Киев! В свою очередь, Жуков тоже вспылал и попросил освободить его от обязанностей начальника Генштаба и послать на фронт. Эта просьба была оформлена постановлением № 325с. Жукова отправили командовать Резервным фронтом, а заместителя наркома обороны маршала Шапошникова поставили начальником Генштаба. Комментируя это решение, Василевский отмечал: *«Во главе всего штабного аппарата встал тот, кто в те месяцы мог, пожалуй, лучше, чем кто-либо, обеспечить бесперебойное и организованное его функционирование»*¹²³.

¹²¹ См.: Генеральный штаб Российской армии: история и современность. М.: Академический Проект, 2006. С. 205–206.

¹²² См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). М.: ТЕРРА, 1997. С. 38–39.

¹²³ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 119.

По инициативе Шапошникова 1 августа Василевский получил назначение на должность начальника Оперативного управления и заместителя начальника Генштаба. Генерал Злобин был переведен в Сибирский военный округ заместителем командующего по военно-учебным заведениям.

Итак, не прошло и полутора месяца с начала войны, как А.М. Василевский поднялся на новую ступень в военной иерархии. Причем он возглавил наиболее ответственный участок работы в Генштабе. Роль самого Генштаба к этому времени существенно возросла. 8 августа Ставка Верховного командования была переименована в Ставку Верховного Главнокомандования (ВГК), а Сталин назначен Верховным Главнокомандующим. С этого времени был установлен порядок, по которому приказы Ставки подписывались им и начальником Генштаба. Под руководством Шапошникова было разработано Положение о Генштабе, утвержденное 10 августа наркомом обороны Сталиным¹²⁴. В положении говорилось: «Генеральный штаб Красной Армии является центральным органом управления Народного комиссара обороны Союза ССР по подготовке и использованию Вооруженных Сил Союза ССР для обороны страны. Начальник Генштаба, в соответствии с указаниями и решениями Народного комиссара обороны, объединяет деятельность всех управлений Народного комиссариата обороны, дает им задания и указания». В функции Генштаба входили: разработка директив и приказов Ставки по оперативному использованию Вооруженных Сил и планов войны на театрах военных действий; организация и руководство деятельностью всех видов разведки, обработка разведывательных данных и информация нижестоящих штабов и войск; руководство строительством укрепрайонов, военно-топографической службой и ее снабжение топографическими картами, оперативной подготовкой родов войск, штабов, служб и органов тыла; организация и устройство оперативного тыла действующей армии; разработка вопросов ПВО, положений о вождении армейских соединений, наставлений и руководств по штабной службе, издание описаний театров военных действий; сбор и обработка материалов по изучению боевого опыта, разработка приказов, директив и указаний по его использованию; организация и руководство шифровальной службой и обеспечение скрытого управления войсками.

В соответствии с новым положением Генштаб включал шесть управлений (Оперативное, Разведывательное, устройства оперативного тыла, строительства укрепленных районов, Военно-топографическое и Шифровальное), три отдела (военно-исторический, общий, кадров) и группу офицеров Генштаба на правах отдела Генштаба. Ведущим органом Генштаба по-прежнему являлось Оперативное управление. Развертывание на каждом из стратегических направлений по нескольким фронтам потребовало выделение на каждый фронт специальной группы операторов во главе с опытным начальником. В этой связи система отделов по направлениям (Северо-Западное, Западное и Юго-Западное) перестала отвечать своему назначению. Поэтому они были упразднены и созданы направления на каждый фронт (группу фронтов) в составе начальника направления, его заместителя и 5—10 офицеров-операторов. В ноябре 1941 г. под руководством Василевского была разработана специальная инструкция для начальников направлений Оперативного управления. Наряду с этим в Оперативном управлении по-прежнему оставались специальные отделы (авиации, противоздушной обороны, связи) и, кроме того, были созданы новые отделы – оперативных перевозок, оргучетный и резервов.

В целях обеспечения эффективной деятельности отделов, управлений и в целом Генштаба был определен порядок его круглосуточной работы. Об этом Сталину докладывал еще Жуков в бытность его начальником Генштаба. Распорядок дня Генштаба, привязан-

¹²⁴ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). С. 389–390.

ный к регламенту Верховного Главнокомандующего, был определен приказами № 0095 и № 006955 за подписью начальника Оперативного управления генерала Василевского¹²⁵. Этот распорядок был одобрен Сталиным и никогда не нарушался.

Ставке ВГК (Сталину) доклады об оперативно-стратегической обстановке, отданных за ночь распоряжениях войскам фронтов, просьбах командующих представлялись три раза в сутки: с 10.00 до 11.00 и с 15.00 до 16.00 – заместитель начальника Генштаба (чаще всего начальник Оперативного управления), а с 21.00 до 3.00 – начальник Генштаба. К этому времени готовились карта стратегической обстановки (масштаб 1: 2 500 000) на 3–5 суток, карта оперативной обстановки (масштаб 1: 200 000) каждого фронта на 2–3 суток, причем положение своих войск отображалось до дивизии включительно (а иногда до полка), боевые донесения каждого фронта. С этими документами начальник Генштаба следовал в Кремль для доклада Сталину. Кроме этого, распорядком дня предусматривались следующие вопросы: сообщения в Ставку ВГК – 4.00 и 16.00; начало рабочего дня – 7.00; подпись и доклад оперативной сводки – 8.00 и 20.00; сообщения в Совинформбюро – 8.30 и 20.30; оперативное ориентирование – 22.00–23.00; боевое донесение в Ставку – 23.00.

В распорядке дня Генштаба определялись продолжительность работы (17–18 часов) и времени отдыха генералов и офицеров (5–6 часов), увязанные с режимом деятельности Ставки ВГК и штабов фронтов. Время, место работы и отдыха начальника Генштаба и его заместителей были определены Сталиным лично. Генералу Василевскому отдых был установлен с 4 до 10 часов утра. Верховный не раз проверял, как выполняется его указание. Иногда он звонил в кабинет начальника Оперативного управления, и если Александр Михайлович отдыхал, то приказывал: «Василевского не будить», а что надо, выяснял у дежурного генерала. Случаи нарушения установленного порядка вызывали крайне серьезные и в высшей степени неприятные для Василевского разговоры. *«Разумеется, это не была мелкая опека, – пишет Александр Михайлович, – а вызывавшаяся обстановкой необходимость. Напряженнейшая работа, а порой и неумение организовать свое время, стремление взять на себя выполнение многих обязанностей зачастую заставляли ответственных работников забывать о сне. А это тоже не могло не сказаться на их работоспособности, а значит, и на деле. Иногда, возвратившись около четырех часов утра от Сталина, я, чтобы реализовать принятые в Ставке решения, обязан был дать исполнителям или фронтам необходимые указания. Порою это затягивалось далеко за четыре часа. Приходилось идти на хитрость. Я оставлял у кремлевского телефона за письменным столом адъютанта старшего лейтенанта А.И. Гриненко. На звонок Сталина он обязан был докладывать, что я до десяти часов отдыхаю. Как правило, в ответ слышалось: “Хорошо”»*¹²⁶.

А.М. Василевский после назначения на новую должность сразу же окунулся в гущу событий. Теперь от его профессионализма во многом зависело, насколько решения, принимаемые Сталиным, соответствуют обстановке на фронтах. Ежедневно, а иногда и по нескольку раз в сутки Василевский вместе с маршалом Шапошниковым бывал в кабинете Сталина в Кремле. Со 2 августа мы все чаще видим подпись Василевского на директивах и приказах Генштаба, которые отдавались во исполнение приказов и указаний Ставки ВГК и начальника Генштаба.

С первых же шагов в новой должности А.М. Василевскому пришлось решать вопросы, связанные с обстановкой на юго-западном направлении. В половине третьего ночи 4 августа он по указанию Сталина вызвал к телеграфу командующего Юго-Западным фронтом генерал-полковника М.П. Кирпоноса и члена военного совета Н.С. Хрущева. Верховный потре-

¹²⁵ См.: Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 132.

¹²⁶ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 145–146.

бовал от них не допустить переправы противника на левый берег Днепра. Хрущев и Кирпонос заверили Сталина в том, что они примут все меры к тому, чтобы выполнить эту задачу.

5 августа начальник штаба Юго-Западного направления генерал-майор А.П. Покровский передал Василевскому просьбу маршала Буденного разрешить отвести войска Южного фронта на линию р. Ингул. Об этом Василевский немедленно доложил Шапошникову, а тот, в свою очередь, Сталину. Он приказал начальнику Генштаба и его заместителю сразу же прибыть в Ставку. Сталин, выразив недовольство тем, что Буденный лично не переговорил с Василевским, не согласился с отводом войск Южного фронта на указанный рубеж. Командующему фронтом было приказано не позже 10 августа занять линию восточный берег Днестровского лимана до Беляевки, от Беляевки на Ротмистровку, Березовку, Вознесенск и далее на Кировоград, Чигирин. Одессу требовалось оборонять до последней возможности¹²⁷. После этого маршал Шапошников связался по прямому проводу с маршалом Буденным.

– Товарищ Сталин приказал мне передать, – сказал Борис Михайлович, – что он недоволен тем, что вы, намечая линию отвода, при которой отдается почти половина Украины, не подошли сами к аппарату переговорить с замначгенштаба товарищем Василевским. Хотя Василевский и вызывал Покровского, но имелось в виду, что вы сами хотите изложить вашу точку зрения на поднятый вопрос. Ставка не может согласиться с предлагаемым вами рубежом отвода, и сейчас на ваше имя идет телеграмма особой важности.

Маршал Буденный, выслушав начальника Генштаба, вынужден был оправдываться:

– Я доложил свои соображения, исходя из реальной обстановки. Если Ставка находит их неубедительными, она меня может поправить. Я, конечно, извиняюсь перед Василевским, но считал, что начальник штаба главкома имеет право передать тот или иной документ непосредственно Василевскому. Я в это время был занят переговорами с командующим Южным фронтом.

Маршал Буденный, легендарный герой Гражданской войны, вынужден был оправдываться за невнимательное отношение к заместителю начальника Генштаба. Его слегка отчитали и дали понять, что указания Ставки следует выполнять неукоснительно.

Несмотря на все заверения командующих Юго-Западным направлением, Южным и Юго-Западным фронтами, противнику 6 августа удалось прорваться к окраинам Киева. В районе Умани были окружены войска 6-й и 12-й армий Южного фронта. По немецким источникам, было взято в плен 103 тыс. красноармейцев и командиров, а число убитых составило 200 тыс. человек¹²⁸. Не лучше обстояло дело и на других стратегических направлениях. 8 августа войска группы армий «Север» перешли в наступление на Ленинград. Одновременно 2-я армия и 2-я танковая группа развернули наступление против Центрального фронта, прикрывавшего брянское, гомельское и черниговское направления.

В целях удобства управления войсками, действовавшими на брянском направлении, Сталин 14 августа принял решение образовать Брянский фронт в составе 13-й и 50-й армий под командованием генерал-лейтенанта А.И. Еременко¹²⁹. Он был вызван в Москву. В Кремле его принял Сталин.

– Противник, вероятнее всего, и в дальнейшем свои основные усилия направит на взятие Москвы, – сказал Иосиф Виссарионович, – нанося главные удары крупными танковыми группировками на флангах, с севера – через Калинин и с юга – через Брянск, Орел. Для достижения этой цели на брянском направлении сосредоточена 2-я танковая группа генерала Гудериана. Это направление сейчас является наиболее опасным еще и потому, что оно при-

¹²⁷ См.: Русский архив: Великая Отечественная.: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М.: ТЕРРА, 1996. С. 104.

¹²⁸ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. Суровые испытания. С. 146.

¹²⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 116.

крывается растянутым на большом участке и слабым по своему составу Центральным фронтом. Я думаю, что возможность использования танковой группы для флангового удара по правофланговым войскам Юго-Западного фронта маловероятна, но все-таки следует этого опасаться. Поэтому войска Брянского фронта должны не только надежно прикрыть брянское направление, но и разбить главные силы Гудериана.

Генерал Еременко, выслушав Сталина, уверенно заявил:

– В ближайшие же дни, безусловно, Гудериан будет разгромлен.

Эта твердость импонировала Сталину.

– Вот тот человек, который нам нужен в этих сложных условиях, – бросил он вслед выходявшему из его кабинета Еременко.

Сталин не ограничился только созданием нового фронтового объединения. Он решил дать наглядный урок всем командующим и командирам в целях укрепления дисциплины и стойкости войск. 16 августа Сталин, Молотов, маршалы Буденный, Ворошилов, Тимошенко, Шапошников и генерал армии Жуков подписали приказ № 27 °Ставки ВГК «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий». В приказе огульно были обвинены в предательстве командующие 28-й армией генерал-лейтенант В.Я. Качалов, 12-й армией – генерал-лейтенант П.Г. Понеделин, командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Н.К. Кириллов. В приказе предписывалось расстреливать на месте «командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу». От частей и подразделений, попавших в окружение, требовалось «самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам»¹³⁰.

Приказ № 270 неукоснительно проводился в жизнь. Генерал Качалов был приговорен к расстрелу уже после смерти. В декабре 1953 г. Главная военная прокуратура пришла к выводу, что он «за измену Родине осужден необоснованно» и «должен быть полностью реабилитирован». Генерал Понеделин, заочно приговоренный к расстрелу, после возвращения из плена был арестован, а спустя пять лет расстрелян. Подобная же участь постигла и генерала Кириллова.

Но вернемся к рассмотрению событий на фронтах. Войска Южного фронта, ведя ожесточенные бои, 15 августа оставили Кривой Рог, а 17-го – Николаев. Армии Брянского фронта вели тяжелые оборонительные бои на конотопском и черниговском направлениях. В Генштабе поняли, что Еременко явно поторопился со своими заверениями. С каждым часом нарастала угроза правому крылу Юго-Западного фронта и особенно его 5-й армии, продолжавшей оборонять Коростеньский укрепленный район. Однако Сталин 17 августа отклонил предложение Шапошникова и Василевского об отводе войск правого крыла Юго-Западного фронта на левый берег Днепра. Верховный был твердо уверен в том, что если Еременко и не разобьет 2-ю танковую группу, то, во всяком случае, задержит ее, не выпустит на юг.

18 августа соединения 2-й армии и 2-й танковой группы противника, повернув на юг, вышли к Стародубу, а 19-го – к Гомелю. После этого они продолжили стремительное наступление, создавая реальную угрозу правому флангу и тылу Юго-Западного фронта. Противник нанес поражение 13-й армии Брянского фронта, которая начала отход к р. Судость. В восемь часов вечера 19 августа Сталин разрешил командующему Юго-Западным фронтом, удерживая участок Клиницы, Гомель, Горваль, начать последовательный отвод войск 3-й армии за р. Днепр на линию Горваль, Лоев¹³¹. Командующему Центральным фронтом было разрешено отвести 21-ю армию на рубеж Лужки, Новое Место и далее по рекам Ипуть, Сояс до Бабо-

¹³⁰ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 4-х кн. Кн. 1. «Суровые испытания». С. 421–422.

¹³¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 121.

вичей. От командующего Брянским фронтом требовалось обеспечить стык с Центральным фронтом, отвести левый фланг 13-й армии на линию Солово, Боршево, Погар и далее по р. Судость¹³². С целью противодействия прорыву противника в тыл Юго-Западного фронта с севера принимается решение о развертывании по р. Десне новой 40-й армии. Однако ослабленные в предыдущих боях на днепровском рубеже войска армии не смогли противостоять двум танковым дивизиям врага. Основные силы Южного фронта к исходу дня 22 августа сумели отойти на левый берег Днепра.

Остановка германских войск на лужском рубеже под Ленинградом, медленное продвижение под Смоленском и на Украине заставили Верховное главнокомандование вермахта внести коррективы в ранее принятый план. 21 августа Гитлер подписал директиву, которая, по мнению генерала Гальдера, имела «решающее значение для всей Восточной кампании». Главной задачей до наступления зимы ставился «не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец (Северский Донец. – *Авт.*) и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа». На севере предусматривалось окружение Ленинграда и соединение с финскими войсками¹³³. От группы армий «Центр» требовалось выделить на проведение этой операции такое количество сил, которое обеспечило бы уничтожение 5-й армии Юго-Западного фронта и отражение атак советских войск на центральном направлении.

Не только на юго-западе, но и на севере обстановка складывалась неблагоприятно для Красной Армии. Генерал Василевский, анализируя ход боевых действий на ленинградском направлении, пришел к выводу, что Северный фронт не сможет противостоять натиску группы армий «Север». С целью улучшения руководства войсками предлагалось разделить этот фронт на два фронта: Карельский и Ленинградский. Сталин одобрил эту идею, которая нашла отражение в директиве № 001199 от 23 августа¹³⁴. Для защиты восточных районов Баренцева моря и Северного морского пути на основе Беломорской военно-морской базы была развернута Беломорская военная флотилия.

Одновременно Василевский, оценив обстановку, сложившуюся на Брянском и Центральном фронтах, пришел к выводу о необходимости расформирования Центрального фронта и передаче его войск Брянскому фронту. Это позволяло объединить усилия войск, которые вели боевые действия на конотопском и гомельском направлениях. Сталин и Шапошников поддержали предложение Василевского, которое было оформлено директивой № 001255 от 25 августа¹³⁵. Верховный также дал указание Василевскому подготовить директиву командующему войсками Резервного фронта о нанесении 30 августа удара левофланговыми 24-й и 43-й армиями в целях разгрома ельнинской группировки противника, овладения Ельней и выхода к 8 сентября на рубеж Долгие Нивы, Хиславичи, Петровичи. Войска Западного фронта должны были во взаимодействии с левым крылом Резервного фронта к этому же сроку овладеть рубежом Велиж, Демидов, Смоленск.

Сталин, завершив обсуждение всех намеченных вопросов, внимательно посмотрел на Василевского и неожиданно спросил:

– Вы знаете о том, что документ Ставки для штаба ВВС пролежал в шифровальном отделе восемь часов?

– Товарищ Сталин, я уже сделал внушение полковнику Иванову и старшему лейтенанту Краснову. Оба виновны в задержке шифровки.

¹³² Там же. С. 122.

¹³³ См.: Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941—24.09.1942 / Пер. с нем. И. Глаголева; предисл. и коммент. канд. ист. наук Е. Кулькова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. С. 271–272.

¹³⁴ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 130.

¹³⁵ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 134–135.

– У меня ваш либерализм, товарищ Василевский, вызывает зуд! – сердито произнес Иосиф Виссарионович. – Подготовьте приказ наркома обороны, в котором укажите виновных и объявите им взыскания! Иванова и Краснова из Генштаба отчислить, на их место подберите достойных людей.

– Будет исполнено!

Василевский быстро набросал проект приказа. Сталин, прочитав его, в левом углу наложил резолюцию: *«Тт. Василевскому и Жигареву. Прошу начальника Оперативного управления Генштаба и командующего ВВС навести порядок – каждого на своем месте – в шифровальном отделе. И. Ст. 25.08.41 г.»*¹³⁶.

26 августа Сталин, недовольный действиями командующего Южным фронтом генерала армии Тюленева, освободил его и начальника штаба фронта генерал-майора Романова от занимаемых должностей. Фронт возглавил командующий 38-й армией генерал-лейтенант Д.И. Рябышев, штаб – начальник штаба Киевского военного округа генерал-майор А.И. Антонов, а 38-ю армию – генерал-майор танковых войск Н.В. Фекленко¹³⁷.

По указанию Сталина в Ленинград была направлена группа уполномоченных ГКО, которой предстояло навести порядок в войсках Ленинградского фронта. В состав группы вошли Молотов, Маленков, нарком ВМФ Кузнецов, Косыгин, Жигарев и Воронов. Однако они не оправдали надежд Сталина. 30 августа противник вышел к Неве. В полосе Брянского фронта соединения 2-й танковой группы сумели захватить два плацдарма на Десне – у Коропа и Новгорода-Северского, угрожая выйти в глубокий тыл войск Юго-Западного фронта. Сталин, возмущенный действиями генерала Еременко, около трех часов ночи 2 сентября потребовал от него вышибить противника из района Стародуба, Почепа, разбить вдребезги Гудериана и всю его группу¹³⁸.

Вечером 4 сентября при очередном докладе обстановки Сталину он приказал Шапошникову и Василевскому подготовить директиву об отстранении от должности командующего Ленинградским фронтом генерала М.М. Попова. 5 сентября его сменил на этом посту маршал Ворошилов. Ему, несмотря на все его старания, также не удалось остановить противника. 8 сентября враг занял Шлиссельбург, выйдя к Ладожскому озеру и блокировав Ленинград с суши. Отныне сообщение с городом поддерживалось только по Ладожскому озеру и по воздуху. Уполномоченные ГКО пришли к однозначному выводу: оставлять маршала Ворошилова в качестве руководителя обороны Ленинграда нельзя.

Не лучшим образом складывалась обстановка и на Брянском фронте. 7 сентября части 2-й танковой группы вышли к Конотопу, создав серьезную угрозу войскам Юго-Западного фронта. Шапошников и Василевский, стремясь их спасти, вновь попытались убедить Сталина в необходимости отвода войск Юго-Западного фронта. Однако Сталин резко отреагировал на это предложение, упрекнув обоих в том, что они идут по пути наименьшего сопротивления. *«При одном упоминании о жестокой необходимости оставить Киев Сталин, – вспоминал Василевский, – выходил из себя и на мгновение терял самообладание. Нам же, видимо, не хватало необходимой твердости, чтобы выдержать эти вспышки неудержимого гнева, и должного понимания всей степени нашей ответственности за неминуемую катастрофу на Юго-Западном направлении»*¹³⁹.

И только около семи часов утра 9 сентября Сталин разрешил командующему Юго-Западным фронтом отвести 5-ю армию и правый фланг 37-й армии на р. Десну на участке

¹³⁶ Цит. по: *Золототрубов А.М.* Василевский: Жезл маршала: Роман/А.М. Золототрубов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 135.

¹³⁷ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 139–140.

¹³⁸ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 155.

¹³⁹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 133.

Брусилowo, Воропаево с обязательным удержанием рубежа Воропаево, Тарасовичи и киевского плацдарма¹⁴⁰.

В полосе Западного фронта в окружение попали войска 22-й армии генерала Ф.А. Ершакова. После тяжелых боев ее остатки сумели к 3 сентября выйти из окружения. Не имело успеха и наступление войск 16-й армии генерала К.К. Рокоссовского, предпринятое в начале сентября.

В эти дни Сталина порадовал только командующий Резервным фронтом генерал армии Жуков. Войска 24-й армии этого фронта под командованием генерала К.И. Ракутина 30 августа приступили к проведению Ельнинской операции. В ходе ожесточенных боев они к утру 6 сентября освободили Ельню, а к исходу дня 8 сентября вышли к заблаговременно подготовленному противником оборонительному рубежу по рекам Устрой и Стряна. Ельнинская операция была одной из первых успешных наступательных операций войск Красной Армии в Великой Отечественной войне. За стойкость в обороне и решительность в наступлении, высокую дисциплину и массовый героизм, проявленные личным составом, 100, 127, 107 и 120-я стрелковые дивизии 24-й армии в числе первых получили почетное наименование гвардейских и соответственно новые названия: 1, 2, 5 и 6-я гвардейские стрелковые дивизии.

После завершения Ельнинской операции Сталин поручил Жукову немедленно выехать в Ленинград, где вступить в командование войсками Ленинградского фронта. 10 сентября Сталин, учитывая усталость войск, принял решение о переходе к обороне на Западном, Резервном и Брянском фронтах. Одновременно он потребовал любой ценой удерживать Киев. Маршал Буденный был освобожден от обязанностей главкома Юго-Западного направления и назначен командующим Резервным фронтом. Юго-Западное направление возглавил маршал Тимошенко, руководивший до этого Западным направлением. Генерал Конев, командовавший 19-й армией, по рекомендации Жукова был назначен командующим Западным фронтом.

Жесткая позиция Сталина в отношении обороны Киева стала одной из причин поражения войск Юго-Западного фронта. 12 сентября из района Кременчуга перешла в наступление 1-я танковая группа, нанося удары в северном направлении. Навстречу ей двигались дивизии 24-го моторизованного корпуса 2-й танковой группы. На северо-западе войска группы армий «Север» вынудили соединения 42-й армии оставить Красное Село и вышли на ближние подступы к Ленинграду. Сталин, получив сведения об этом, посчитал, что одной из причин неудач войск Красной Армии является недостаточная стойкость бойцов и командиров. Военным советам фронтов была направлена директива № 001919, которая требовала в пятидневный срок создать в каждой стрелковой дивизии «заградительный отряд из надежных бойцов, численностью не более батальона (в расчете по 1 роте на стрелковый полк)», придав ему грузовики и несколько танков или бронемашин¹⁴¹.

Сталин, полагая, что пройдет еще несколько дней и «Ленинград придется считать потерянным», 13 сентября направил военному совету Ленинградского фронта директиву № 001931 об утверждении плана «мероприятий по уничтожению флота на случай вынужденного отвода из Ленинграда». Ответственность на подачу сигнала к выполнению плана была возложена на командующего Ленинградским фронтом¹⁴².

Обстановка же на юго-западном направлении еще более осложнилась. 15 сентября противник в районе Лохвицы замкнул кольцо окружения войск Юго-Западного фронта. Около двенадцати часов ночи 17 сентября Сталин, наконец-то, разрешил оставить Киевский укрепрайон и Киев и отойти на восточный берег р. Днепр. Но время было упущено. По уточ-

---

¹⁴⁰ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 170.

¹⁴¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 180.

¹⁴² Там же. С. 181.

ненным данным потери советских войск в Киевской оборонительной операции составили: безвозвратные – 616 304 человека, санитарные – 84 240 человек, 411 танков, 28 419 орудий и минометов, 343 самолета¹⁴³. Среди погибших были командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник М.П. Кирпонос, начальники штаба фронта генерал В.И. Тупиков и штаба 5-й армии генерал Д.С. Писаревский. В плен попал командующий 5-й армией генерал М.И. Потапов.

В результате неудачного исхода Киевской оборонительной операции противник продвинулся в глубь Украины на 600 км. Однако длительная и упорная оборона армий Юго-Западного фронта вынудила его снять значительные силы с московского направления, что задержало наступление на Москву.

Тяжелые бои развернулись на подступах к Ленинграду. 18 сентября войска группы армий «Север» генерал-фельдмаршала фон Лееба овладели г. Пушкином. Однако это был последний существенный успех врага. В тот же день командующему 4-й танковой группой было приказано вывести соединения из сражения для их переброски на московское направление. Это было явно поспешное решение. 25 сентября фон Лееб доложил главнокомандующему сухопутными войсками, что имеющимися силами он не в состоянии развивать наступление на Ленинград.

В конце сентября в Оперативном управлении состоялось очередное партийное собрание. С докладом на тему «Текущий момент и задачи коммунистов» выступил А.М. Василевский. В своем докладе он отметил:

– Товарищи, обстановка создалась архитяжелая, требующая от каждого отдачи всех сил, а может быть, и жизни. Дальше будет, возможно, еще труднее. Но падать духом не следует. Ленинград стойко держится, враг там не прошел. Это позволяет думать, что никаких новых фронтов севернее Москвы не возникнет и наши резервы, припасенные про черный день, останутся в сохранности.

Однако Генштаб, по признанию Василевского, не сумел точно предугадать замысла действий противника на западном стратегическом направлении. Еще 6 сентября Гитлер подписал директиву № 35, которая требовала от группы армий «Центр» в конце сентября перейти в наступление и «уничтожить противника, находящегося в районе восточнее Смоленска, посредством двойного окружения в общем направлении на Вязьму при наличии мощных танковых сил, сосредоточенных на флангах». После этого намечалось преследовать советские войска на московском направлении, примыкая правым флангом к р. Оке, а левым – к верхнему течению Волги. Группа армий «Юг» должна была выдвинуть подвижные соединения на северо-восток для прикрытия с юга главных сил группы армий «Центр», а обеспечение их с севера возлагалось на группу армий «Север»¹⁴⁴.

Директива Гитлера легла в основу плана операции «Тайфун», разработанного штабом группы армий «Центр» и нашедшего отражение в приказе № 1620/41 фон Бока от 26 сентября¹⁴⁵. Согласно ему войска 2-й танковой группы должны были перейти в наступление 30 сентября и начать наступление в полосе 2-й танковой группы, а остальные силы группы армий «Центр» – 2 октября. *«Эта разница во времени начала наступления была установлена по моей просьбе, – вспоминал генерал Гудериан, – ибо 2-я танковая группа не имела в районе своего предстоящего наступления ни одной дороги с твердым покрытием. Мне хотелось воспользоваться оставшимся коротким периодом хорошей погоды для того, чтобы до наступления дождливого времени по крайней мере достигнуть хорошей дороги у Орла*

¹⁴³ См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 270, 484.

¹⁴⁴ См.: Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 1. С. 165–166.

¹⁴⁵ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4–1). С. 17.

и закрепить за собой дорогу Орел – Брянск, обеспечив тем самым себе надежный путь для снабжения»¹⁴⁶.

За счет резервов и войск, снятых с других участков Восточного фронта, группа армий «Центр» была значительно усилена. Она насчитывала до 1800 тыс. человек, 14 тыс. орудий и минометов, 1,7 тыс. танков, на поддержку которых было выделено 1390 самолетов¹⁴⁷. Это составляло 42 % солдат и офицеров, 33 % орудий и минометов, 75 % танков, более 50 % авиации от общего количества сил вермахта на советско-германском фронте.

Войскам группы армий «Центр» противостояли Брянский, Резервный и Западный фронты, насчитывавшие около 1250 тыс. человек, 7,6 тыс. орудий и минометов, 990 танков и 667 самолетов¹⁴⁸. Противник имел преимущество по живой силе почти в 1,5 раза, по орудиям и минометам – в 1,8, по танкам – в 1,7 и по самолетам – в 2 раза. На направлениях главных ударов противника это превосходство было еще более существенным – в личном составе, артиллерии и танках в 5–8 раз. Большое количество военной техники советских частей и соединений было устаревших образцов, с недостаточно высокими боевыми возможностями. В ставке Гитлера были уверены в том, что «последнее, решающее сражение кампании», безусловно, будет выиграно. В свою очередь, Главнокомандование сухопутных войск полагало, что операция «Тайфун», а вместе с ней и вообще война на Востоке завершатся до середины ноября.

В 20-х числах сентября в Генштаб поступили разведданные о подготовке противником крупного наступления. По предложению начальника Генштаба и его заместителя Сталин 27 сентября принял решение о переходе войск Западного фронта к жесткой обороне, прикрывая в инженерном и огневом отношении направления на Ржев, Вязьму и стыки с соседними фронтами. И только в случае необходимости разрешалось проводить частные наступательные операции для улучшения своих оборонительных позиций¹⁴⁹. Таким образом, Генштаб правильно определил основные направления наступления противника и пытался принять превентивные меры. Однако из-за недостатка времени не удалось отработать план оборонительной операции на московском направлении, а также выполнить в полном объеме инженерные работы на Ржевско-Вяземском и Можайском рубежах обороны.

30 сентября, как и планировалось, в наступление на орловском направлении перешла 2-я танковая группа. 2 октября в действие вступили основные силы группы армий «Центр». Войска Западного и Резервного фронтов, оказавшиеся на направлениях главных ударов противника, отходили с большими потерями, пытаясь контратаками сдержать его наступление. Вечером 3 октября командующий Брянским фронтом обратился к начальнику Генштаба с предложением отвести войска фронта на тыловой рубеж, но маршал Шапошников его категорически отклонил. И только в 18 часов 35 минут 5 октября Сталин разрешил генералу Еременко отвести 50-ю армию на вторую полосу обороны к западу от Брянска, 3-ю армию – на рубеж р. Десна, а 13-ю армию – на рубеж Кокаревка, Крупец, Дмитриев-Льговский¹⁵⁰. Через час Сталин принял решение об отводе войск Западного фронта на линию Осташков, Селижарово, Бекетово, Ераево, Хмелевка, станция Оленино, Большие Воробьи, Больчево и далее вдоль восточного берега р. Днепр до города Дорогобуж, Ведерники. На усиление фронта из Резервного фронта передавались 31-я и 32-я армии. Остальным армиям (24, 33 и 43-я) этого фронта приказывалось отойти на линию Ведерники, Хлысты, Митишкино,

¹⁴⁶ Цит. по: Гудериан Г. Воспоминания солдата / Пер. с нем. Смоленск: «Русич, 2003. С. 303.

¹⁴⁷ См.: История Второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. М.: Воениздат, 1975. Т. 4. С. 92.

¹⁴⁸ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 4. С. 93.

¹⁴⁹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4–1). М.: ТЕРРА, 1997. С. 73–74.

¹⁵⁰ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 220.

Шилово, Лазинки, Городечня, Ключи, Глагольня, Мосальск, Серпейск, Хлуднева, станция Шахта, Жиздра¹⁵¹.

Для разбора причин катастрофы армий Западного, Резервного и Брянского фронтов в районах Вязьмы и Брянска была создана комиссия из представителей ГКО и Ставки ВГК, в том числе Василевского.

Сталин, напутствуя Василевского, сказал:

– Вам необходимо все войска, которые оторвались от противника и отходят с запада, срочно направить на Можайскую линию обороны. Организуйте там прочную оборону, чтобы не допустить прорыва врага. С этой целью делайте все, что сочтете нужным. Маршал Шапошников пошлет в ваше распоряжение группу работников Генштаба и две колонны автомашин, на которых вы будете отвозить войска на Можайский рубеж.

5 октября комиссия прибыла в штаб Западного фронта, который размещался восточнее Гжатска. Членов комиссии встречал командующий фронтом генерал И.С. Конев. Пока Василевский изучал обстановку, в штаб фронта прибыли две колонны грузовиков, которые возглавлял генерал-майор артиллерии Л.А. Говоров.

– Ваша задача, товарищ Говоров, – сказал Василевский, – принимать прибывающие сюда войска с фронта и из тыла, сажать их на машины и отправлять на Можайскую линию!

– Есть, товарищ Василевский! А если у бойцов нет оружия, что делать?

– Тех, у кого нет оружия, отправлять в Особый отдел! – сказал Молотов.

– Наверняка это паникеры, трусы или дезертиры, и надо с ними разобраться, – сурово добавил Ворошилов.

Василевский, не ожидавший такого поворота событий, был в растерянности. Указания Молотова и Ворошилова шли вразрез с той задачей, которую ставил Сталин. Надо было что-то предпринять. Решение созрело мгновенно.

– Данной мне властью как представитель Ставки и заместитель начальника Генштаба, – сказал Александр Михайлович, – приказываю вам, генерал Говоров, бойцов и командиров, у которых не окажется оружия, вооружать и отправлять на Можайский рубеж! Я понимаю, что среди бойцов могут быть и дезертиры, но мы должны им предоставить возможность кровью искупят свою вину!

– Вы много на себя берете, товарищ Василевский, – недовольно бросил Ворошилов. – Я немедленно доложу об этом товарищу Сталину!

Он подошел к столу, на котором стоял аппарат ВЧ, и попросил дежурного по связи соединить его с Верховным Главнокомандующим.

– Что у вас, Климент Ефремович? – отозвался Сталин.

Ворошилов изложил ему суть дела.

– Я считаю, что генерал Василевский превысил свои полномочия. Бойцов, сбежавших от танков врага и бросивших свое оружие, надо отдавать под трибунал! Судить как предавших Родину, а он приказал вооружить их!

– А кто будет оборонять Можайскую линию? – спросил Сталин. – Где Молотов? Дай ему трубку!

– Слушаю, товарищ Сталин! – сказал Молотов.

– Ты кто, заместитель Председателя ГКО или адъютант Ворошилова? – жестко спросил Сталин. – Почему позволяешь ему разводить базар? Василевский выполняет мой приказ, а Ворошилов на виду у всех устраивает ему разнос!

– Понял, товарищ Сталин, – тихо ответил Молотов.

Василевский, взглянув на генерала Говорова, отрывисто бросил:

– Действуйте, как вам приказано!

¹⁵¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 222.

– Слушаюсь! – Говоров взял под козырек.

А.М. Василевский вспоминает, что комиссии вместе с командованием фронта за пять дней удалось направить на Можайскую линию из состава войск, отходивших с ржевского, сычевского и вяземского направлений, до пяти стрелковых дивизий. О ходе работы и положении на фронте члены комиссии ежедневно докладывали по телефону Сталину.

В связи с ухудшением обстановки на западном направлении Сталин вызвал из Ленинграда в Москву генерала армии Жукова. Он поручил ему незамедлительно выехать в расположение войск Западного и Резервного фронтов, чтобы разобраться, что же там происходит¹⁵². В соответствии с директивой Ставки ВГК от 6 октября главным рубежом сопротивления была определена Можайская линия обороны, которую предписывалось привести в полную боевую готовность. В состав Западного фронта выдвигались части и соединения из резерва Ставки ВГК, а также с Северо-Западного, Юго-Западного фронтов и из Московского военного округа. К 10 октября на Можайской линии обороны были развернуты 4 стрелковые дивизии, 6 военных училищ, 3 запасных стрелковых полка, 5 пулеметных батальонов, 7 танковых бригад, 10 артиллерийских полков и другие части. При этом фланги и стыки укрепленных районов оставались без прикрытия. Не удалось создать и оперативные резервы.

7 октября соединения 1-й танковой армии¹⁵³ соединились в районе Осипенко с моторизованной дивизией 11-й армии, прорвавшейся через Мелитополь. В окружении оказались часть сил 9-й и 18-й армий Южного фронта. В тот же день 10-я танковая дивизия 4-й танковой группы соединилась в Вязме с частями 3-й танковой группы. К этому району подошла и 2-я танковая армия¹⁵⁴. Под натиском противника войска Брянского фронта в ночь на 8 октября начали отход. На следующий день войска 2-й армии соединились со 2-й танковой армией северо-западнее Брянска. В результате они расчленили окруженную группировку войск Брянского фронта на две части: северную – в районе Брянск, Дятьково и южную – в районе Трубчевск, Суземка, Навля. Для их ликвидации были направлены почти все силы 2-й и 2-й танковой армий.

Сталин не был уверен в том, что удастся удержать Москву. 8 октября он подписал постановление ГКО о проведении специальных мероприятий по уничтожению предприятий и других объектов в Москве и Московской области в случае захвата столицы немецкими войсками. Эта задача возлагалась на «пятерку» под руководством заместителя наркома внутренних дел комиссара госбезопасности 3-го ранга И.А. Серова¹⁵⁵. Всего намечалось подготовить к взрыву 412 предприятий, а 707 вывести из строя путем механической порчи и поджога. Для обороны орловско-тульского направления 9 октября началось формирование 26-й армии с непосредственным подчинением ее Ставке¹⁵⁶.

Утром 10 октября члены комиссии ГКО вернулись в Москву. По их предложению Сталин назначил командующим Западным фронтом генерала армии Жукова, его первым заместителем – генерал-полковника Конева. С целью улучшения управления войсками, действовавшими на западном направлении, директивой № 00291 °Ставки ВГК Западный фронт с полуночи 12 октября объединялся с «Московским Резервным фронтом»¹⁵⁷.

В ходе Вяземской оборонительной операции советские войска потерпели крупное поражение. *«Неудача, постигшая нас под Вязьмой, – пишет Василевский, – в значительной*

¹⁵² 8 октября 1941 г. директивой № 002743 Ставки ВГК Г.К. Жуков был освобожден от обязанностей командующего Ленинградским фронтом и назначен командующим Резервным фронтом вместо маршала С.М. Буденного

¹⁵³ 6 октября 1941 г. 1-я танковая группа была переименована в 1-ю танковую армию.

¹⁵⁴ С 5 октября 1941 г. 2-я танковая группа стала именоваться 2-й танковой армией.

¹⁵⁵ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 210–211.

¹⁵⁶ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 235.

¹⁵⁷ Там же. С. 242.

мере была следствием не только превосходства противника в силах и средствах, отсутствия необходимых резервов, но и неправильного определения направления главного удара противника Ставкой и Генеральным штабом, а стало быть, и неправильного построения обороны. Вместо того чтобы выделить Западному и Резервному фронтам самостоятельные полосы для обороны с полной ответственностью каждого из них за эти полосы в целом, как по фронту, так и в глубину, 24-я и 43-я армии Резервного фронта к началу наступления противника занимали оборону в первом эшелоне, находясь между левофланговой армией Западного и правофланговой армией Брянского фронтов. Остальные три армии Резервного фронта, растянутые в одну линию на широком участке, находились на позициях в непосредственной глубине обороны Западного фронта по линии Осташиков – Ленино – Ельня. Оперативное построение крайне затрудняло управление войсками и взаимодействие фронтов. Даже в результате хорошо, правильно организованной обороны на направлении главных ударов врага ни Западный фронт, ни войска направления в целом не имели превосходства»¹⁵⁸.

По уточненным данным, потери войск Западного и Резервного фронтов составили около 6 тыс. орудий и минометов, более 830 танков¹⁵⁹. По сведениям фон Бока, в сражениях за Брянск и Вязьму в плен попали 673098 человек, захвачено 1277 танков, 4378 артиллерийских, 1009 зенитных и противотанковых орудий, 87 самолетов¹⁶⁰. Командующий Брянским фронтом, так и не сумевший наладить управление войсками, 13 октября во время налета вражеской авиации был ранен. Ночью на самолете генерала Еременко переправили в Москву, а его обязанности стал исполнять начальник штаба фронта генерал Г.Ф. Захаров.

После окружения противником крупных сил Западного и Резервного фронтов под Вязьмой создалась крайне опасная обстановка на московском направлении – пути к Москве с запада оказались открытыми. 12 октября ГКО принял постановление № 765сс, согласно которому Наркомату внутренних дел поручалось взять под особую охрану зону, прилегающую к Москве, с запада и юга по линии Калинин, Ржев, Можайск, Тула, Коломна Кашира. Для форсирования строительства третьей линии обороны сроком на 20 дней мобилизовывались 250 тыс. колхозников, рабочих и служащих учреждений и предприятий, расположенных в Московской области, а также 200 тыс. служащих учреждений и предприятий и рабочих предприятий Москвы, не занятых на производстве танков, боеприпасов и вооружения¹⁶¹.

Гитлер был уверен в том, что в ближайшие дни удастся окружить Москву. В директиве № 1571/41 Генштаба сухопутных войск от 12 октября отмечалось, что фюрер не рассчитывает на капитуляцию Москвы, а потому «ни один немецкий солдат не должен заходить» в Москву. Далее в директиве говорилось: «Кто попытается уйти из города к нашим линиям – должен быть расстрелян. Поэтому непрегражденные участки, которые дают возможность проникновению населения в глубь советской страны, должны поощряться. Ко всем остальным городам также относится то, что перед захватом они должны быть уничтожены артиллерийским огнем и бомбардировочной авиацией, а населению их следует предоставить возможность уйти»¹⁶².

Фон Бок, считая, что противник перед фронтом группы армий «Центр» разбит, а его остатки отступают, переходя местами в контратаки, 14 октября отдал приказ № 1960/41 на продолжение наступления на московском направлении¹⁶³. Цель – выход «на линию при-

¹⁵⁸ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 139–140.

¹⁵⁹ См.: Военно-исторический журнал. 1991. № 11. С. 21–22.

¹⁶⁰ См.: Бок Федор фон. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941–1945 / Пер. А. Кашина; науч. ред. А. Исаев, Н. Бариннов. М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 203.

¹⁶¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 214–215.

¹⁶² Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4–1). С. 23.

¹⁶³ Там же. С. 24–25.

крытия с востока» – Рязань, Ока до Коломны, Егорьевск, Орехово-Зуево, течение рек Киржач и Молокча, Загорск, течение р. Дубна, Волжское водохранилище. Одновременно следовало «стремиться к расширению рубежа прикрытия на линии Рязань, болотистая и озерная местность к северо-востоку, оттуда течение рек Польш (правильнее р. Поля. – *Авт.*), Бужа и Колокша, Юрьев-Польский, Переяславль-Залесский, течение реки Нерль и р. Перль до Волги».

15 октября противник, реализуя свой план, овладел Боровском и большей частью г. Калинина. Это вынудило Государственный Комитет Обороны принять постановление «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». Оно предусматривало эвакуацию иностранных миссий, Президиума Верховного Совета, правительства во главе с заместителем председателя СНК Молотовым, органов наркоматов обороны и ВМФ в Куйбышев, а основной группы Генштаба во главе с маршалом Шапошниковым – в Арзамас. В случае появления противника у ворот Москвы Наркомату внутренних дел поручалось «произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также всего электрооборудования метро (исключая водопровод и канализацию)»¹⁶⁴. В постановлении отмечалось, что Сталин «эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке».

Слухи об эвакуации из Москвы породили панику среди населения. В городе начались грабежи и беспорядки. На дорогах возникли пробки, что срывало перегруппировки и снабжение войск. По настоянию Василевского 16 октября с одним из последних эшелонов из Москвы уехали жена Екатерина и сын Игорь. Они поселились у сестры Екатерины, которая проживала в селе Чебаркуль под Челябинском. Василевский также помог с эвакуацией своей первой жены Серафимы Николаевны и сына Юрия. Они выехали в Лысьву, неподалеку от Котласа, а затем перебрались в Первоуральск.

В связи с отъездом Шапошникова в Арзамас Василевский, по сути дела, стал главной опорой Сталина. Для обслуживания Ставки ВГК в Москве осталась оперативная группа во главе с Василевским. В ее задачу входили: всесторонняя оценка обстановки на фронте и представление соответствующей информации Ставке; своевременная и правильная выработка предложений и их доклад Сталину; разработка планов и директив на основе принимаемых Ставкой оперативно-стратегических решений; осуществление строгого и непрерывного контроля за выполнением решений Ставки, боеготовностью и боеспособностью войск, их материально-техническим обеспечением, формированием и подготовкой резервов. В состав оперативной группы были включены начальники основных направлений Оперативного управления и по одному работнику от основных управлений Генштаба: В.В. Курасов, М.Н. Шарохин, П.П. Вечный, Ф.И. Шевченко, А.Г. Карпоносов, А.И. Шимонаев, М.Т. Беликов, П.Н. Белюсов, К.И. Николаев и А.И. Гриненко.

Войска группы армий «Центр» настойчиво рвались к Москве. 17 октября им удалось захватить г. Калинин. Обсуждая с Шапошниковым и Василевским положение на фронтах, Сталин прислушался к их предложению о выделении войск, которые действовали на оставшковском и ржевском направлениях, а также в районе Калинина, в самостоятельный Калининский фронт во главе с генералом Коневым. Это позволило упорядочить управление на стыке Северо-Западного и Западного фронтов и почти вдвое сократить полосу обороны Западного фронта. В состав нового фронта вошли 22, 29, 30, 31-я армии и оперативная группа генерала Ватутина. Его войскам предстояло «очистить от войск противника район Калинина и ликвидировать во взаимодействии с Западным и Северо-Западными фронтами попытки противника обойти Москву с севера»¹⁶⁵.

¹⁶⁴ См.: Из истории Великой Отечественной войны // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 217.

¹⁶⁵ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 248.

19 октября Сталин и Василевский одобрили представленный Жуковым план отхода армий Западного фронта с Можайского оборонительного рубежа на линию Новозавидовский, Клин, Истринское водохранилище, Истра, Жаворонки, Красная Пахра, Серпухов, Алексин¹⁶⁶. Отвод войск допускался только с особого разрешения Ставки. По решению ГКО с 20 октября в Москве и прилегающих к ней районах было введено осадное положение.

К концу октября войска Западного фронта в ходе ожесточенных боев остановили противника на р. Нара, на линии 14 км западнее Серпухова, восточнее Тарусы (25 км юго-западнее Серпухова), западная окраина Алексина, на рубеже Колюбакино (19 км юго-западнее Звенигорода), Тучково (30 км северо-восточнее Можайска), восточная окраина Дорохова, Нарвские пруды. Войска Калининского фронта задержали соединения 9-й армии и 3-й танковой группы на рубеже рек Большая Коша и Тьма. Войскам 2-й танковой армии не удалось захватить Тулу.

Сталин в эти тревожные дни убедился в том, что Василевский способен обеспечивать надежную работу Ставки ВГК. 27 октября на совещании в Кремле, на котором присутствовал также маршал Буденный, Сталин спросил Василевского:

– Товарищ Василевский, не могли ли бы вы написать постановление о присвоении очередного воинского звания одному из генералов.

– Могу, – ответил Александр Михайлович. – Позвольте узнать, о присвоении какого звания и кому идет речь.

– Товарищу Василевскому.

Такой ответ озадачил Александра Михайловича.

– Я прошу вас, товарищ Сталин, освободить меня от выполнения этого поручения.

Сталин, шутя, ответил:

– Ну хорошо, занимайтесь своими делами, а уж в этом мы как-нибудь обойдемся и без вас.

Василевский, поблагодарив за такую высокую оценку его работы, поинтересовался, можно ли отметить также и заслуги его прямых помощников. Сталин согласился с этим предложением и обязал Василевского сообщить секретарю Поскребышеву, кого и как следует отметить. 28 октября постановлением СНК СССР четверым членам оперативной группы были присвоены очередные воинские звания: Василевскому – генерал-лейтенанта, Карпоносову, Курасову и Шевченко – генерал-майора.

Авиация противника по-прежнему совершала налеты на Москву. В ночь на 29 октября фугасная бомба угодила во двор здания, где размещалась оперативная группа Генштаба. В результате было убито три шофера и ранено 15 командиров. В числе пострадавших оказался и генерал Василевский, но он продолжал работать. После этого случая все перебрались в метро.

Противник не смирился с тем, что операция «Тайфун» захлебнулась. 30 октября фон Бок отдал приказ № 2250/41 о продолжении операции по окружению Москвы¹⁶⁷. Во исполнение этого приказа соединения 2-й танковой армии 1 ноября предприняли попытку обойти Тулу с юго-востока и востока. Однако контрудар 3-й и 50-й армий, проведенный 7 ноября, вынудил противника на десять дней прекратить наступление.

В тот день, когда 2-я танковая армия была остановлена, в Москве на Красной площади состоялся военный парад. Его принимал заместитель наркома обороны маршал Буденный, командовал парадом командующий войсками Московского военного округа генерал Артемьев. Это событие показало всему миру, что Россия жива, сыграло огромную роль в укреплении морального духа Красной Армии, всего народа.

---

¹⁶⁶ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4-1). С. 111–112.

¹⁶⁷ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4-1). С. 63–64.

С целью совершенствования управления войсками, действовавшими на тульском направлении, по предложению Василевского с 18 часов 10 ноября Западному фронту передавалась 50-я армия Брянского фронта, а его 3-я и 13-я армии с 12 часов 11 ноября включались в состав Юго-Западного фронта¹⁶⁸. Брянский фронт был расформирован.

После небольшой оперативной паузы войска группы армий «Центр» 15 ноября возобновили наступление, нанося главные удары севернее и южнее Москвы. 22 ноября они захватили Сталиногорск (Новомосковск), а на следующий день – Клин. Однако к этому времени противник действовал уже на пределе возможного. Несмотря на это, 27 ноября фон Бок предпринял еще одну отчаянную попытку прорваться к Москве. В ночь на 28 ноября передовой отряд немецкой 7-й танковой дивизии захватил Яхрому и мост через канал Москва – Волга. 30 ноября враг занял Красную Поляну, подойдя к Москве на пушечный выстрел. Однако фон Бок, реально оценивая обстановку, не испытывал повода для торжества. 1 декабря он докладывал Верховному главнокомандованию вермахта: *«Сражения последних 14 дней показали, что “полное уничтожение” противостоящей нам русской армии является не более чем фантазией. Остановиться у ворот Москвы, где сеть шоссе и железных дорог является наиболее густой во всей Восточной России, означает завязать тяжелые позиционные бои против значительно превосходящего нас по численности противника. Между тем войска группы армий совершенно к этому не готовы. Но даже если невозможное станет возможным и нам в ходе наступления удастся поначалу захватить новые территории вокруг Москвы, у меня все равно не хватит войск, чтобы окружить город и плотно запечатать его с юго-востока, востока и северо-востока. Таким образом, проводящееся сейчас наступление является атакой без смысла и цели (выделено нами. – Авт.), особенно учитывая тот факт, что время приближается к роковой черте, когда силы наступающих войск будут исчерпаны полностью»*¹⁶⁹.

Этот вывод примечателен тем, что фон Бок признал провал плана блицкрига. Он считал, что если группе армий «Центр» придется вести зимой оборонительные бои, то это возможно, лишь при условии усиления не менее чем 12 дивизиями. Кроме того, требовалось время для наведения порядка на железных дорогах, обеспечения регулярного снабжения войск и создания необходимых запасов. Если оба этих условия не будут соблюдены, то следует найти в тылу группы армий удобные для обороны «спрямленные позиции», которые войска смогут занять, как только соответствующий приказ будет издан.

К 5 декабря в 70—100 км к западу от Москвы наступило временное затишье. Операция «Тайфун» захлебнулась. Стратегическая инициатива стала переходить к Красной Армии. В ходе Московской стратегической оборонительной операции советские войска понесли значительные потери: безвозвратные – 514 338, санитарные – 143 941 человек, 2785 танков, 3832 орудия и миномета, 293 боевых самолета¹⁷⁰. Эти утраты несопоставимы с потерями врага, которые только в период с 16 ноября по 5 декабря составили 155 тыс. человек, 777 танков, сотни орудий и минометов.

В то время как фон Бок пытался прорваться к Москве, в штабе Западного фронта под руководством генерала армии Жукова была завершена разработка плана контрнаступления на западном стратегическом направлении. 30 ноября Жуков направил его в Ставку ВГК с запиской на имя генерала Василевского: *«Прошу срочно доложить Народному Комиссару Обороны т. Сталину план контрнаступления Зап. фронта и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой»*¹⁷¹.

¹⁶⁸ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 280, 282.

¹⁶⁹ Цит. по: Бок Федор фон. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941–1945. С. 262.

¹⁷⁰ См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 273, 484.

¹⁷¹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4–1). С. 160.

Однако Василевский пишет, что не только командующий Западным фронтом, но и Ставка ВГК является инициатором этого контрнаступления: *«Сама идея контрнаступления под Москвой возникла в Ставке Верховного Главнокомандования еще в начале ноября, после того как первая попытка противника прорваться к столице была сорвана. Но от нее пришлось тогда отказаться вследствие нового фашистского натиска, для отражения которого потребовались имевшиеся у нас резервы. Лишь в конце ноября, когда противник исчерпал свои наступательные возможности, его ударные группировки оказались растянутыми на широком фронте, и он не успел закрепиться на достигнутых рубежах, Ставка возвратилась к идее контрнаступления»*¹⁷².

Почему Жуков обратился именно к Василевскому с просьбой доложить Сталину план, разработанный в штабе Западного фронта? Как известно, в 10-х числах ноября в Москву вернулся Генштаба во главе с маршалом Шапошниковым. Но в конце ноября он заболел, и Сталин возложил снова на Василевского исполнение обязанностей начальника Генштаба.

План контрнаступления содержал пять пунктов в виде пояснений к приложенной карте:

«1. Начало наступления, исходя из сроков выгрузки и сосредоточения войск и их довоза оружия: 1 ударной, 20 и 16 армий и армии Голикова (10-я резервная армия. – Авт.) с утра 3–4 декабря, 30 армии 5–6 декабря.

2. Состав армий согласно директивам Ставки и отдельные части и соединения, ведущие бой на фронте в полосах наступления армий, как указано на карте.

3. Ближайшая задача: ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском направлении разбить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловая и Богородицк во фланг и тыл группе Гудериана разбить противника на левом крыле фронта армий Западного фронта.

4. Дабы сковать силы противника на остальном фронте и лишить его возможности переброски войск 5, 33, 43, 49 и 50 армии фронта 4–5 декабря переходят в наступление с ограниченными задачами.

5. Главная группировка авиации ($\frac{3}{4}$) будет направлена на взаимодействие с правой ударной группировкой и остальная часть с левой – армией генерал-лейтенанта Голикова».

На документе резолюция синим карандашом: *«Согласен. И. Сталин»*.

Как мы видим, план предусматривал проведение операции силами только одного, Западного фронта на глубину до 60 км к северу от столицы и около 100 км – к югу от нее. *«Для постановки войскам фронта более далеких и решительных целей, – отмечал Жуков, – у нас тогда еще не было сил. Мы стремились только отбросить врага как можно дальше от Москвы и нанести ему возможно большие потери»*¹⁷³.

Сталин и Василевский, обсудив представленный план, решили привлечь к контрнаступлению также войска Калининского и Юго-Западного фронтов. От Калининского фронта требовалось нанести удар в направлении Микулино, Городище и Тургиново, выйти на тылы клинской группировки противника и оказать содействие войскам Западного фронта в ее уничтожении¹⁷⁴. По указанию Сталина в ночь на 5 декабря Василевский выехал в штаб Калининского фронта, чтобы лично передать командующему фронтом директиву на переход в контрнаступление и разъяснить ему все требования по ней.

¹⁷² Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 148.

¹⁷³ Цит. по: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1990. Т. 2. С. 247.

¹⁷⁴ См.: *Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1).* С. 316.

А.М. Василевский, выполнив поручение Верховного Главнокомандующего, вернулся в Москву, переоделся в парадную форму и поехал в Кремль. Здесь Сталин проводил прием в честь председателя совета министров Польской Республики генерала В. Сикорского.

Сталин, поздоровавшись с Василевским, спросил:

– Какое настроение у товарища Конева?

– По-моему, боевое. Завтра утром начинается контрнаступление, обещал выполнить директиву Ставки.

– Это уже хорошо... А что это у вас на мундире один лишь орден Красной Звезды и медаль «XX лет РККА»? Почему не надели остальные ордена и медали?

– У меня их нет...

– Вот как? – удивился Сталин. – А за что Вас наградили орденом Красной Звезды?

– За добросовестную работу в Генштабе во время войны с Финляндией.

– Да, негусто у вас с наградами, – покачал головой Сталин и пригласил всех следовать за ним в зал приема...

Поздно ночью Василевский вернулся домой. В почтовом ящике обнаружил два письма, и на обоих Катин адрес: Челябинская область, г. Чебаркуль, дом отдыха «Дружба», комната 3. Усевшись на диван, Александр Михайлович раскрыл первое письмо и стал читать.

«Саша, милый!

Если ты думаешь, что мне здесь с Игорьком хорошо, то ошибаешься. Страшно по тебе скучаем. А вчера мне приснился странный сон. Будто мы с тобой в подмосковном лесу собираем грибы. Ты в белой рубашке, я в твоём любимом голубом платье. У большого куста крапивы я увидела белый гриб. Протянула руку, чтобы сорвать его, и тут меня укусила... змея! Я вскрикнула от боли. И тут я проснулась... Была вся в поту, во рту горчило, словно глотнула перца, появилась тошнота...

До утра я так и не уснула. Все гадала, к чему бы этот сон? Я так молила Бога, чтобы у тебя там все было хорошо! Ты, видно, часто бываешь на фронте, так что побереги себя, пожалуйста.

Все мы, кто эвакуировался из Москвы, очень переживаем за столицу. Неужели немцам удастся захватить ее? Нет, такого быть не должно!

Игорек чувствует себя хорошо. Часто спрашивает, где его папка и скоро ли он придет домой. Знаешь, Саша, он очень похож на тебя. И нос, и глаза, и рот, и открытый лоб... Я так счастлива, что у нас растет сын! А ты, ты счастлив? Кажется, здесь, вдали от дома, я остро почувствовала, как сильно тебя люблю! И боюсь тебя потерять. Сейчас идет война, и не знаешь, где тебя может смертельно ужалить пуля или осколок.

Как поживает твой друг Георгий Жуков? Если увидишь его, передай от меня привет. Что-то в нем есть подкупающее, и я рада, что у тебя надежный товарищ...

Как будто проснулся Игорек, что-то мурлычет. Пиши, Саша, часто пиши нам. Мой адрес – на конверте. Целую. Твоя Катюша.

Р. С. Сашок, у меня родилась такая мысль. Что, если я оставлю Игоря у сестры, а сама приеду к тебе в Москву, хотя бы на три-пять дней? Жду твоего решения».

Василевский, прочитав письмо, отложил его в сторону и взял второй конверт.

«Саша, дорогой мой!

Весь день я была в слезах, и только под утро мне стало легче. А знаешь отчего? В садике я качала Игорька на качелях, было ветрено, холодно, сыпала ледяная крупа, и он сильно простыл. Под вечер у него поднялась температура, начался жар. Сестра вызвала участкового врача, он живет тут рядом. Врач – старушка лет шестидесяти пяти (молodye врачи все ушли на фронт) – осмотрела его. И что ты думаешь? Воспаление легких! Всю неделю я не отходила от кровати Игорька. Он глотал таблетки и пил горячее молоко с медом и сливочным маслом. Сейчас ему легче. Так что от переживаний я едва не поседела.

Часто думаю о тебе, Сашок, и мысли очень невеселые. В предыдущем письме я говорила тебе, что могу приехать. Теперь я не решусь оставить Игорька кому-либо, даже сестре. За ним нужен глаз да глаз.

Целую тебя, дорогой. Пиши. Твоя Катюша.

Р. С. Где находится в эвакуации Юра? Куда увезла его Серафима? Если у тебя есть его адрес, сообщи мне, я черкну ему письмецо. А Серафима случайно тебе не написала?..»¹⁷⁵

Василевский сразу же начал писать ответ жене:

«Здравствуй, моя Катюша! Ты спрашиваешь, куда уехала Серафима? Она и Юра находятся в Первоуральске неподалеку от Свердловска. Недавно Юра звонил мне, у них все хорошо. Юра работает на заводе учеником слесаря. Скажу тебе, Катюша, что за Юру я переживаю. Ему ведь скоро в армию, а я даже не знаю, кем он хочет стать... Пиши, Катюша, твои письма – бальзам мне на душу.

Целую. Твой Сашок».

В предстоящем контрнаступлении главная роль отводилась войскам Западного фронта. Замысел состоял в том, чтобы ударами правого и левого крыла Западного фронта, отстоявших друг от друга на 200 км, во взаимодействии с Калининским и Юго-Западным фронтами разгромить ударные группировки противника, стремившиеся охватить Москву с севера и юга. Активными действиями в центре Западного фронта предстояло сковать силы противника, чтобы лишить его возможности перебрасывать войска для усиления важнейших направлений. Войскам левого крыла Калининского фронта предстояло выйти в тыл клин-ской группировки врага, а затем во взаимодействии с правым крылом Западного фронта уничтожить ее. Войскам Юго-Западного фронта предписывалось окружить и уничтожить елецко-ливенскую группировку противника, поставив под угрозу тылы 2-й танковой армии врага, что содействовало бы ее разгрому войсками левого крыла Западного фронта.

Подготовка к контрнаступлению проводилась в условиях продолжавшегося наступления противника. На западное направление с соблюдением всех мер оперативной маскировки перебрасывались свежие войска, различные военные грузы. Однако многие соединения не были полностью сколочены, укомплектованы необходимым оружием, боевой техникой и транспортными средствами. По решению Ставки ВГК от 24 и 25 ноября в тылу Западного фронта началось сосредоточение трех резервных армий (10, 26, 61-я). С 29 ноября командующему Западным фронтом подчинялись 1-я ударная и 20-я армии¹⁷⁶.

К началу контрнаступления войска Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов насчитывали около 1,1 млн человек, 7652 орудия и миномета, 774 танка и 1000 самолетов. Группа армий «Центр» имела 1,7 млн человек, около 13 500 орудий и минометов, 1170 танков, 615 самолетов¹⁷⁷. Она превосходила советские войска в личном составе в 1,5 раза, в артиллерии – в 1,8, в танках – в 1,5 раза и уступала им только в авиации – в 1,6 раза.

Оперативная маскировка в целом достигла своей цели. Фон Бок оставался в неведении относительно плана контрнаступления. Гитлер и высшее руководство вермахта по-прежнему были уверены в скором падении Москвы.

В 11 часов утра 5 декабря войска левого крыла Калининского фронта, а в два часа дня – и правого фланга 5-й армии Западного фронта нанесли удары по противнику. Фон Бок, получив сообщение об этом, принял решение об отводе вечером 6 декабря войск 4-й армии,

¹⁷⁵ Цит. по: *Золототрубов А.М. Василевский: Жезл маршала: Роман/А.М. Золототрубов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 198–199.*

¹⁷⁶ 29 ноября 1941 г. Ставка ВГК приняла решение преобразовать оперативную группу генерала А. И. Лизюкова в 20-ю армию (28, 35, 43 и 64-я стрелковые бригады, 331-я и 334-я стрелковые дивизии, танковый батальон и два дивизиона РС) под командованием генерал-майора А.А. Власова.

¹⁷⁷ См.: *История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 4. С. 283–284.*

4-й и 3-й танковых групп¹⁷⁸. Таким образом, фон Бок, исходя из реально сложившейся обстановки, не стал ждать, когда Западный фронт всеми силами перейдет в контрнаступление. Он решил выиграть время и заставить противника ударить по пустому месту.

6 декабря в наступление перешли армии правого крыла и левого крыла Западного фронта. Гитлер, сомневаясь в успехе контрнаступления войск Западного и Калининского фронтов, все-таки принял решение об отводе войск группы армий «Центр»¹⁷⁹. В ночь на 7 декабря правый фланг 3-й танковой группы начал отход. Однако на ее левом фланге обстановка значительно осложнилась в связи с переходом в наступление войск 1-й ударной армии Западного фронта, которые к исходу дня завершили освобождение Яхромы. Кавалерийская группа генерала П.А. Белова заняла Мордвес и устремилась на Венев. Соединения 10-й армии Западного фронта овладели г. Михайловом и Серебряными Прудами, а 20-я армия – Белым Растом. Оценивая реально сложившуюся обстановку, Гальдер записал в своем дневнике: *«Самым ужасным является то, что ОКВ (от нем. Oberkommando der Wehrmacht – Верховное главнокомандование вермахта. – Авт.) не понимает состояния наших войск и занимается латанием дыр, вместо того чтобы принимать принципиальные стратегические решения. Одним из решений такого рода должен быть приказ на отход войск группы армий “Центр” на рубеж Руза, Осташков»*¹⁸⁰.

Действительно, Гитлер в своей директиве № 39 от 8 декабря требовал не допускать превосходства противника и оказывать ему ожесточенное сопротивление. Отход разрешался лишь в том случае, если на прежних позициях части «не смогут из-за отсутствия боеприпасов или продовольствия причинить ущерб противнику». Одновременно группе армий «Юг» предстояло «в течение зимы предпринять наступление с целью выхода на рубеж нижнего течения рек Дон и Донец» и «как можно быстрее захватить Севастополь».

Тем временем войска Западного фронта продолжили наступление. В ночь на 11 декабря они овладели Сталиногорском 2-м, днем – г. Истрой. 12 декабря был занят Солнечногорск. Соединения Юго-Западного фронта замкнули кольцо окружения вокруг елецко-ефремовской группировки врага. Не столь успешно развивалось наступление войск Калининского фронта, что вызвало раздражение у Сталина. В девятом часу вечера 12 декабря он потребовал от генерала Конева заменить «крохоборскую тактику» тактикой действительного наступления. Войска 29-й и 31-й армий должны были «немедленно окружить и пленить противника в районе г. Калинин, а 30-я и 1-я ударная армии Западного фронта – в районе г. Клин»¹⁸¹.

Успешное развитие контрнаступления вынудило фон Бока 13 декабря попросить главнокомандующего Сухопутными войсками генерал-фельдмаршала фон Браухича подыскать ему замену из-за ухудшения физического состояния. Фон Браухич, изучив сложившуюся обстановку, 14 декабря пришел к выводу о необходимости начать отвод войск группы армий «Центр». Гитлер не возражал против спрямления выступов у Клина и Калинина, но приказал удерживать прежние позиции до последнего солдата, пока не будут завершены все необходимые приготовления для приема войск на тыловых позициях. На усиление группы армий «Центр» перебрасывались несколько дивизий и маршевые батальоны.

Однако все это мало помогало. 15 декабря соединения 1-й ударной и 30-й армий полностью очистили от противника Клин, 10-я армия выбила его из Богородицка, а 50-я армия освободила Ясную Поляну. Войска 29-й и 31-й армий 16 декабря заняли г. Калинин, а кавалерийская группа генерала Белова и войска 10-й армии вышли на р. Упа. На следующий день

¹⁷⁸ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4–1). С. 204.

¹⁷⁹ Там же. С. 205.

¹⁸⁰ Цит. по: Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941 – 24.09. 1942. С. 445.

¹⁸¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 333–334.

части 49-й армии, действовавшей на левом крыле Западного фронта, освободили Алексин и стали обходить с тыла Тарусу. Тогда же оперативная группа генерала Ф.Я. Костенко (5-й кавалерийский корпус, 1-я гвардейская стрелковая дивизия, 34-я мотострелковая бригада) вышла к р. Любовша, где подверглась яростным контратакам противника и вынуждена была остановиться.

В те дни внимание Ставки и Генштаба было приковано и к северо-западному направлению. Здесь еще 10 ноября войска 54-й армии Ленинградского фронта, 4-й и 52-й отдельных армий при содействии части сил Северо-Западного фронта приступили к проведению Тихвинской наступательной операции. 17 декабря войска 54-й армии вышли в район Оломны, охватив левый фланг волховской группировки противника. Одновременно соединения 4-й армии охватили ее правый фланг. Под угрозой окружения эта группировка начала поспешно отходить.

Сталин, обсудив с Шапошниковым и Василевским обстановку, приказал войскам Волховского фронта перейти в общее наступление, разгромить противника, обороняющегося на р. Волхов, а затем его окружить и во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта пленить или истребить. Прикрытие Ленинграда с севера возлагалось на 23-ю армию, оборонявшую Карельский укрепрайон¹⁸². Одновременно было одобрено предложение Василевского о нанесении не позднее 26 декабря силами Северо-Западного фронта удара из района Осташкова в общем направлении на Торопец, Велиж, Рудня, чтобы в дальнейшем отрезать Смоленск с запада. Кроме того, 29–30 декабря войска 11-й армии должны были нанести удар в общем направлении на Старую Руссу, овладеть городом, а затем ударом на Дно и Сольцы во взаимодействии с войсками Волховского фронта отрезать пути отхода противника со стороны Новгорода и Луги¹⁸³.

Гитлер, требуя от войск стойкости, пришел к выводу, что фон Браухич и фон Бок не способны руководить войсками в кризисной ситуации. Руководство сухопутными войсками фюрер взял на себя. Фон Боку был предоставлен отпуск «до полного восстановления здоровья». Сам Браухич был отправлен домой «по болезни». 18 декабря командующим группой армий «Центр» был назначен генерал-фельдмаршал Х.Г. фон Клюге, который до этого руководил войсками 4-й армии. Вместо него армию возглавил генерал Л. Кюблер.

19 декабря соединения 54-й армии Ленинградского фронта освободили железную дорогу Волхов – Тихвин. Соединения 49-й армии Западного фронта заняли Тарусу, а 20-я армия на следующий день – Волоколамск, лишив противника крупного опорного пункта в системе своей обороны на рубеже Ламы. Однако войска группы армий «Центр», опираясь на прочные оборонительные рубежи на реках Лама и Руза, остановили соединения правого крыла Западного фронта. Это вынудило командующего фронтом генерала армии Жукова 25 декабря принять решение о закреплении на достигнутых рубежах и о планомерной подготовке к прорыву вражеской обороны. С целью совершенствования управления войсками, действовавшими на орловском направлении, Ставка ВГК решила к 24 декабря воссоздать Брянский фронт (3, 13 и 61-я армии) под командованием генерал-полковника Я.Т. Черевиченко, которому надлежало во взаимодействии с армиями Юго-Западного фронта к 5 января 1942 г. овладеть районами Орла и Курска.

Более успешно развивалось наступление в центре и на левом крыле Западного фронта. Соединения 33-й армии к исходу дня 26 декабря заняли Наро-Фоминск. К утру следующего дня войска 49-й армии освободили Высокиничи. 28 декабря кавалерийская группа генерала Белова выбила противника из Козельска, а 30 декабря войска 50-й армии после ожесточенных боев освободили Калугу. Калининский фронт к этому времени продвинулся в глубину

¹⁸² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 339.

¹⁸³ Там же. С. 340.

вражеской обороны на 15–20 км, подойдя на правом крыле к Волге, а в центре – к мощному укрепленному району у г. Старица. Войска Волховского и Ленинградского фронтов, проводившие Тихвинскую операцию, продвинулись на 100–120 км, освободили значительную территорию и обеспечили сквозное движение по железной дороге до станции Войбокало. План врага – полностью изолировать Ленинград от страны и задушить его голодом – был сорван.

К исходу дня 7 января 1942 г. войска Калининского, Западного, Брянского и правого крыла Юго-Западного фронтов вышли на рубеж Селижарово, Ржев, Волоколамск, Наро-Фоминск, Мосальск, Белев, Мценск, Тим. На этом завершилась Московская стратегическая наступательная операция, имевшая огромное значение не только в военном, но и в политическом отношении. Иностранские газеты писали про «чудо под Москвой». В мемуарах А.М. Василевского содержится исчерпывающая оценка значения этой операции. Вот что он пишет: *«Финал великой битвы под советской столицей имел исключительное морально-политическое значение. Ведь Гитлер в своей агрессивной политике до того момента не знал неудач. Он захватывал одну страну за другой, овладел чуть ли не всей Западной Европой. Немецкая армия в глазах значительной части человечества была окружена ореолом непобедимости. И вот впервые “непобедимые” немецкие войска были биты, и биты по-настоящему... Значение этих побед состояло в том, что советские войска вырвали стратегическую инициативу из рук противника, не позволив ему достичь ни одной из стратегических целей, предусмотренных планом “Барбаросса”. Под воздействием сокрушительных ударов план “Барбаросса” рухнул, а его основа – теория молниеносной войны – потерпела полный крах, заставив фашистское руководство перейти к ведению стратегии затяжной войны. В ходе зимнего наступления советские войска разгромили до 50 дивизий врага, нанеся особенно серьезное поражение основной группировке вражеских войск – группе армий “Центр”. И только в результате резкого ослабления своих сил в Европе, где в то время не велось активных действий против Германии, фашистам удалось спасти свои войска на советско-германском фронте от полной катастрофы»*¹⁸⁴.

Однако положение группы армий «Центр» было не столь уж плачевным, как это ранее изображалось в отечественной историографии. По уточненным данным, она с 6 декабря 1941 г. по 7 января 1942 г. потеряла около 116 тыс. человек, или 14,5 % состава дивизий, бригад, отдельных полков и батальонов¹⁸⁵. Кроме того, по сведениям, приведенным в пятом томе «Военной энциклопедии», в ходе операции были разбиты 38 дивизий, в том числе 11 танковых и 4 моторизованные. В декабре 1941 г. группа армий получила 40,8 тыс. человек маршевого пополнения, что позволило на одну треть восполнить потери. Военная машина нацистской Германии дала сбой, но мощь свою не потеряла.

Войска Западного, Калининского, Брянского (с 24 декабря 1941 г. по 7 января 1942 г.) фронтов и правого крыла Юго-Западного фронта (с 6 по 31 декабря 1941 г.) потеряли безвозвратно 139 700 человек, а санитарные потери составили 231 369 человек; всего 371 069 человек¹⁸⁶. Следовательно, они в 3,2 раза превышали потери противника в живой силе. Кроме того, в ходе операции было потеряно 429 танков, 13 350 орудий и минометов, 140 боевых самолетов¹⁸⁷. Столь большие потери были обусловлены необходимостью прорыва вражеской обороны, овладения сильно укрепленными городами и населенными пунктами.

¹⁸⁴ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 154–155.

¹⁸⁵ См.: Невзоров Б.И. Московская битва: феномен Второй мировой. М.: СмДиПресс, 2001. С. 131.

¹⁸⁶ См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 276.

¹⁸⁷ Там же. С. 484.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.